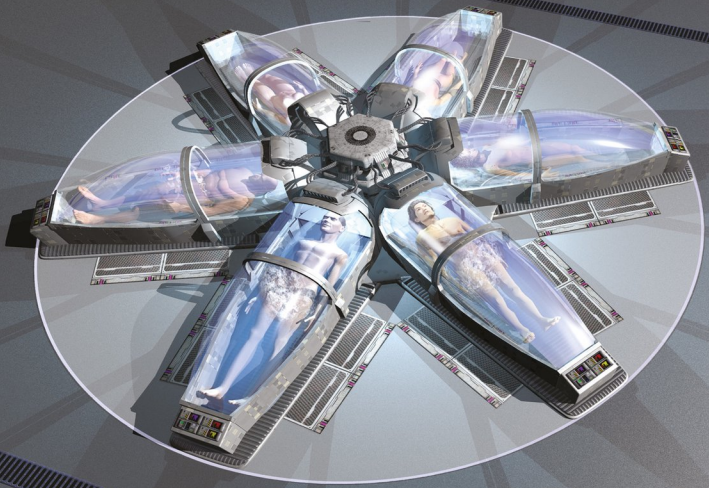
Мер Лафферти

ШЕСТЬ ПРОБУЖДЕНИЙ

Финалист премий
Филипа К. Дика, «Хьюго» и «Небьюла»



Шесть членов экипажа
Один звездолет
Один убийца

fanzon

Шесть пробуждений
Мер Лафферти

Аннотация
Мер Лафферти. Шесть пробуждений
Кодицилы, регулирующие существование клонов
Первое пробуждение: Экипаж «Дормире»
  Это не трубка
  Позор
  Глубины
  Неудачи
  Чайник – главный шпион
  История Джоанны
Пробуждение второе: РИН
  Провал в 36 249 секунд
  В аду не поспишь
  Жизнь дешева
  История Катрины
  Беге
  В космосе всегда час коктейлей
  Отсутствующее звено
  Беге готовит свинью
  Ядокари
  История Хиро

Пробуждение третье: Хиро
****
История Марии
В нем так много крови
История Поля
Открытие РИН
Гораздо больше пяти
История Вольфганга
Срывы
Четвертое пробуждение: прежняя Катрина
Цикада
История Марии
Преступники
История РИН
Доверие
Будь осторожен в желаниях
История Хиро
Пятое пробуждение: Праздник жизни
Связи
Цена жизни
Шестое пробуждение: Минору Такахаши
Бог из Беге

Аннотация

Звездолет с пассажирами в анабиозе летит с перенаселенной Земли колонизировать новую планету Артемиду. Путешествие займет 400 лет. В экипаже всего шестеро. Все они клоны, в них загружается сознание владельца в случае гибели старого тела. После очередной репликации обнаруживается, что предыдущие копии были зверски убиты, а корабельный ИскИн поврежден. Кто-то из шестерых – убийца, но распутать этот клубок космических интриг будет непросто, ведь каждому из экипажа есть что скрывать, каждый в чем-то виновен и, следовательно, под подозрением.

Мер Лафферти
Шесть пробуждений

© А. Грузберг, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Конни Уиллис и Джеймсу Патрику Келли

Кодицилы, регулирующие существование клонов

Международный закон, принятый 9 октября 2282 года

1. Создание двух и более одновременно существующих клонов кого-либо не допускается. Одна личность — один клон. Клонирование должно использоваться только ради продления жизни, не для размножения. Если по какой-то причине возникло несколько клонов одной личности, только самый последний клон признается подлинным, дальнейшее существование остальных недопустимо.

2. Создавать клонов для зачатия или для вынашивания потомства запрещено. На протяжении всей своей жизни клон считается своим собственным ребенком, в том числе в отношении права наследования. Клоны должны подвергаться стерилизации при создании.

3. Недопустимо размещение карты мозга в теле, не соответствующем оригинальной ДНК.

4. Клоны должны всегда иметь свою последнюю карту мозга на личном носителе информации.

Официальные структуры должны обеспечивать возможность снятия карты мозга и получение носителя с ней в любое время.

5. Не допускается внесение изменений в ДНК или карту мозга любого клона. (За исключением тех случаев, когда это делается для соблюдения Кодицила 2.)

В момент появления клона его ДНК и карта мозга должны совпадать с оригиналом.

6. Клон должен иметь возможность покинуть место своего воссоздания быстро, без вреда для здоровья и без церемоний или ритуалов.

7. В случае самоубийства клон не имеет права на возрождение.

(Исключение 1: Клон может подписать соглашение об эвтаназии ради прекращения мучительной боли, если квалифицированный врач утверждает, что смерть его неизбежна.

Исключение 2: Если это сделано для соблюдения Кодицила 1.)

Первое пробуждение: Экипаж «Дормире»[1]

[1] Сноски: 1
Dormire — сон (*итал.*).

Это не трубка

День первый
25 июля 2493 года

Звуки с трудом пробивались сквозь густую синтамниотическую жидкость. Достигнув ушей Марии Арены, эти звуки напомнили ей визг цепной пилы: громкие, настойчивые и бесконечные. Слов она не различала, но не похоже было, что речь о ситуации, в которой она захотела бы оказаться.

Собственное нежелание родиться заново напомнило ей, кто она и где находится. Она ухватилась за последнее дублирование. Экипаж только что переселился на «Дормире», и последним помещением, какое они посетили во время осмотра корабля, стала секция клонирования. Здесь они создали свои первые резервные копии на корабле.

Должно быть, Мария попала в катастрофу и погибла в ней, поэтому потребовалось пробудить ее клона. Небрежное отношение к жизни наверняка произвело дурное впечатление на капитана; должно быть, именно он — источник гневного визга цепной пилы.

Наконец Мария открыла глаза. Она попыталась понять, что за круглые темные шарики плавают перед ее баком, но мозг только что родившегося клона с трудом принимался за работу. В окружающей сумятице было слишком много неправильного.

Заметив полосы на поверхности бака и пурпур, просвечивающий сквозь голубоватую жидкость, в которой плавала Мария, она решила, что плавающие шарики — это капли крови. Кровь не должна плавать. Это первая проблема. Если кровь плавает, это означает, что гравитационный двигатель, вращающий корабль, заглох. Вероятно, это вторая причина чьих-то воплей. Кровь и гравитационный двигатель.

Кровь в секции клонирования… это тоже было нечто новое. В секциях клонирования, безупречно чистых, людей буквально «загружали» в новые, только что выращенные тела, когда предыдущие умирали. Гораздо чище и безболезненнее обычных родов с их бесконечными криками и болью.

Опять кровь.

В секции клонирования двумя аккуратными рядами стояли шесть баков, заполненных голубоватой синтамниотической жидкостью, в них

ждали клоны остальных членов экипажа. Кровь хранилась в медицинской секции, дальше по коридору. Совершенно невероятно было, что капля крови из медицинской секции проплыла по коридору, оказалась в секции клонирования и теперь плавала бы перед Марией. Но произошло нечто иное: над каплями крови плавало человеческое тело. Собственно, несколько тел.

Наконец, если бы гравитационный двигатель действительно вышел из строя и кто-то в секции клонирования пострадал, другой член экипажа убрал бы кровь. Кто-нибудь всегда следил за тем, чтобы новый клон благополучно перешел из смертного сна в новое тело.

Нет. Идеально правильный пурпурный шар крови не должен был плавать у нее перед лицом.

Мария проснулась уже не меньше минуты назад. Но никто не давал компьютеру команды откачать синтамниотическую жидкость, чтобы освободить ее.

Частица ее сознания завопила, что ее больше должны заботить плавающие тела, — но лишь очень небольшая частица.

Ей никогда не приходилось пользоваться клапаном аварийного сброса, встроенным в бак для

клонирования. Ученые внедрили в практику эти клапаны после того, как один из техников решил подшутить над клоном и оставил женщину после пробуждения на несколько часов в баке. Клонированная женщина наконец выбралась оттуда, говорят легенды, и устроила кровавую баню, в результате пришлось клонировать самого техника. После этого инженеры добавили клапан, чтобы клон мог сам выбраться из бака, если по какой-то причине застрянет в нем.

Мария нажала на кнопку, услышала щелчок выпускного клапана, но синтамниотическая жидкость оставалась на месте.

В слив, действие которого основывалось на использовании тяготения, жидкость уходила самотеком. Для этого здесь имелся другой клапан, № 101 и в центральной системе канализации. Этот клапан открыт, но жидкость продолжает упрямо окутывать тело Марии.

Она попыталась найти источник крика. Рядом с компьютерными панелями плавала женщина, голая, с влажными волосами, торчащими вокруг головы страшной зубчатой короной. Еще один клон проснулся. Двое из них умерли?

Позади нее в четырех баках плавали члены экипажа. У всех глаза были открыты, все иска-

ли аварийный клапан. Прозвучало три глухих щелчка, но клоны остались в том же положении, что и Мария.

С помощью другого аварийного переключателя Мария открыла дверцу в боку бака. В идеале эту крышку следовало открыть после того, как уйдет жидкость, но нынешняя ситуация очень далека от идеальной. Вместе с изрядным количеством синтамниожидкости Марию выплеснуло из бака — только для того чтобы мягко столкнуть с кровавым шаром, плававшим перед ней. Поверхностное натяжение обеих жидкостей не подвело, и капля уплыла прочь.

Мария впервые встретилась с необходимостью выбраться из бака при нулевой гравитации. Она экспериментировала, барахтаясь в баке, но добилась только того, что некоторое количество жидкости оторвалось от основного пузыря и уплыло. За множество своих жизней Мария побывала в разных переделках, но это было внове.

«Действие и противодействие», — подумала она, вдохнула как можно больше насыщенной кислородом жидкости и с силой выдохнула ее, как если бы чихнула. Движение Марии оказалось не таким быстрым, как в воздухе, ведь она все еще была заключена в вязкой жидко-

сти, но это помогло ей отплыть назад, прочь из пузыря. Она вдохнула воздух, закашлялась и извергла из легких остаток жидкости потоком брызг, ударившись головой о край компьютерной консоли, — непроизвольные движения тела толкнули ее вперед.

Наконец выбравшись из жидкости, тяжело дыша, она осмотрелась.

— Черт!

Среди крови и других жидкостей плавали тела трех других членов экипажа. Два трупа отрастили множество страшных щупалец крови, и эти кровавые пузыри не желали отделяться от смертельных ран.

Галлоны синтамниотической жидкости выплескивались из баков и присоединялись к кровавым продуктам разрушения — это вновь клонированный экипаж выбирался из баков. Все потрясенно оглядывались.

Капитан Катрина де ла Круз подплыла к Марии, не отрывая взгляда от компьютера.

— Мария, перестань бездельничать и займись чем-нибудь полезным. Проверь, как остальные.

Мария кое-как ухватилась за опору на стене, чтобы отодвинуться от капитана и не мешать ей добраться до компьютера.

Катрина что-то отстучала на клавиатуре и ткнула в экран на консоли.

— РИН, что происходит?

— Мои речевые функции недоступны, — ответил мужской голос, слегка напоминающий механический голос робота.

— Ceci n'est pas une pipe[2], — пробормотал голос над Марией. Это вывело ее из шока и напомнило ей, что капитан приказала проверить, как там экипаж.

Говорил Акихиро Сато, пилот и навигатор. Она познакомилась с ним несколько часов назад, на приеме с коктейлями перед стартом «Дормире».

— Хиро, почему ты говоришь по-французски? — в замешательстве спросила Мария. — Ты в порядке?

— Когда вслух говорят: «Я не могу говорить», это напоминает старую картину, на которой нарисована курительная трубка и написано: «Это не трубка». Считается, что это рождает глубокие мысли у тех, кто изучает искусство. Неважно. — Он обвел рукой секцию. — Что вообще произошло?

— Понятия не имею, — ответила Мария. —

---

[2] Сноски: 2

«Это не трубка» — надпись на картине «Вероломство образов» художника-сюрреалиста Рене Магритта.

Но… Боже, что за бедлам. Мне нужно проверить остальных.

— Черт побери, ты же только что говорил! — сказала капитан компьютеру, гоняя по экрану несколько иконок. — Там внутри что-то работает. Говори со мной, РИН.

— Мои речевые функции недоступны, — повторил ИИ, и де ла Круз ударила рукой по клавиатуре и ухватилась за нее, чтобы не отплыть от компьютера.

Мария продвигалась по помещению, хватаясь за специальные опоры на стенах; Хиро следовал за ней. Мария обнаружила, что оказалась лицом к лицу со страшным трупом Вольфганга, второго по старшинству в экипаже. Она осторожно оттолкнула его, стараясь не затронуть кровавые щупальца, растущие от ран на его теле.

Они с Хиро подплыли к живому Вольфгангу, который, согнувшись вдвое, выкашливал синтамниожидкость из легких.

— Что происходит? — спросил он сиплым голосом.

— Ты знаешь столько же, сколько мы, — ответила Мария. — Ты в порядке?

Он кивнул и отмахнулся от нее. Потом распрямил спину, добавив еще как минимум фут к своей

длинной фигуре. Вольфганг родился в лунной колонии, и в его семье за несколько поколений у всех удлинились кости, как всегда бывает при жизни в низком тяготении. Вольфганг ухватился за ручку на стене, оттолкнулся и поплыл к капитану.

— Что ты помнишь? — спросила Мария у Хиро, когда они приблизились к другому члену экипажа.

— Мою последнюю резервную копию создали сразу после того, как мы поднялись в корабль. Мы тогда еще даже не улетели, — ответил Хиро.

Мария кивнула.

— То же самое. Мы должны быть еще в доке или в нескольких неделях от Земли. Четверо из нас мертвы, — сказала Мария, показывая на тела. — И, думаю, другие двое — тоже.

— Что могло убить всех нас? — спросил Хиро; слегка позеленев, он увернулся от клочка окровавленной кожи. — И что произошло со мной и с капитаном?

Под «другими двумя» он подразумевал тех, чьи тела не парили в секции клонирования. Вольфганг, механик Поль Сёра и доктор Джоанна Глас — все были мертвы и плавали по помещению, мягко отлетая от баков и друг от друга.

Из последнего ряда баков послышался кашель и тихий голос:

— Что-то чрезвычайно насильственное, я бы сказала.

— Добро пожаловать обратно, доктор. Вы в порядке? — спросила Мария, подтягиваясь к женщине.

Новый клон Джоанны кивнул, ее тугие локоны блестели от синтамнио. Верхняя часть тела у нее была худой и сильной, как у всех новых клонов, а вот ноги маленькие и кривые. Она посмотрела вверх на тела и поджала губы.

— Что случилось? — И, не дожидаясь ответа, ухватилась за опору и поднялась к потолку, где плавали тела.

— Проверь Поля, — сказала Мария Хиро и последовала за Джоанной.

Врач развернула собственный труп так, чтобы видеть его, и ее глаза округлились. Она негромко выбранилась. Мария подплыла к ней сзади и выбранилась куда громче.

Горло у Джоанны было перерезано, от шеи тянулись огромные кровавые полосы-сгустки. Если судить по преклонному возрасту врача, начало полета осталось далеко в прошлом. Мария помнила ее тридцатилетней, с гладкой смуглой

кожей и черными волосами. Сейчас вокруг глаз и в углах рта залегла целая сеть морщин, а в туго заплетенных косах пробивалась седина. Мария посмотрела на другие тела; с ее точки обзора сразу стало видно, что все они тоже в годах.

— А я и не заметила, — сказала она, задохнувшись. — Я… видела только свежую и запекшуюся кровь. Мы провели на этом корабле несколько десятилетий. Вы что-нибудь помните?

— Нет, — глухо и мрачно ответила Джоанна. — Надо сказать капитану.

* * *

— Никому ничего не трогать! Вся эта комната — место преступления! — крикнул им снизу Вольфганг. — Прочь от тела!

— Вольфганг, место преступления — если это место преступления — уже загрязнено примерно двумястами сорока галлонами синтамнио, — сказал Хиро от бака с Полем. — Что ты думаешь здесь обнаружить?

— Что значит «если это место преступления»? — спросила Мария. — Ты думаешь, что гравитационный двигатель выключился и перестал вращать корабль, и ножи сами полетели в нас?

Кстати о ноже… один из них плавал под потолком. Мария оттолкнулась, подплыла к нему и схватила раньше, чем его втянуло в воздухозаборник, который уже был забит телесными жидкостями, о которых ей не хотелось думать.

Врач послушалась и отплыла от своего прежнего тела, чтобы присоединиться к Вольфгангу и капитану.

— Это убийство, — сказала она. — Но Хиро прав, Вольфганг: судебно-медицинские исследования в условиях нулевого тяготения неспроста так и не стали настоящей наукой. Пока мы говорим, все улики засасывает в воздушные фильтры. Все перепачканы кровью всех. И теперь у нас шестеро новых людей и сотни галлонов синтамнио, плавающих вокруг и загрязняющих все, что осталось.

Вольфганг стиснул зубы и сердито посмотрел на нее. Его высокое худощавое тело блестело от синеватой амниожидкости. У него, потомка нескольких поколений жителей Луны, были естественно бледная кожа (на нее никогда не падал свет солнца) и удлиненные кости. Он открыл рот, чтобы возразить врачу, но Хиро перебил его:

— Пятеро, — сказал он, закашлялся и выхаркнул еще немного амниожидкости; Мария еле

увернулась от нее. Хиро виновато поморщился. — Пятеро новых людей. Поль еще внутри.

Он указал на механика, который с закрытыми глазами по-прежнему лежал в баке. Мария вспомнила, что, когда еще лежала в своем баке, глаза у Поля были открыты. Но сейчас Поль плавал с закрытыми глазами, прикрывая руками гениталии. Он походил на ребенка, играющего в прятки и которого «Оно», чем бы оно ни было, собиралось сожрать. Он тоже был бледен; при крепком от природы сложении мышцы Поля были хуже развиты, чем у того человека, которого помнила Мария.

— Вытащите его, — велела Катрина, и Вольфганг, повинуясь приказу, отправился к другому терминалу и нажал на кнопку, чтобы открыть бак.

Хиро просунул руку внутрь, схватил Поля за запястье и по пояс вытащил из жидкости.

— Хорошо, только пятеро из нас выбрались, — сказала Мария, подплывая. — Это сокращает синтамнио на шестьдесят галлонов. От чего не легче. Вокруг по-прежнему плавает много дерьма. Вряд ли вы сумеете найти улики где-то, кроме самих тел. — Она протянула Вольфгангу нож, сжимая ручку большим и указательным пальца-

ми. — И, возможно, на орудии убийства.

Вольфганг осмотрелся, и Мария поняла, что он ищет, чем бы взять нож.

— Я уже оставила на нем отпечатки пальцев, Вольфганг. Он плавал среди крови и трупов. Мы можем установить только, что, вероятно, именно им нас всех и убили.

— Нужно, чтобы снова заработал РИН, — сказала Катрина. — Включите гравитационный двигатель. Найдите два других тела. Проверьте груз. Тогда мы будем точно знать, каково положение дел.

Хиро ловко шлепнул Поля по спине, тот согнулся пополам, и его вырвало. Он всхлипнул. Вольфганг неодобрительно наблюдал, как Поль оттолкнулся от стены, явно не сознавая, что его окружает.

— Когда снова заработает РИН, он установит связь с Землей, — сказала Катрина.

— Мои речевые функции недоступны, — повторил компьютер.

Капитан скрипнула зубами.

— Будет нелегко, капитан, — сказала Джоанна. — Судя по телам, все эти люди прожили много лет, а значит, мы провели в космосе гораздо больше времени, чем показывают наши карты мозга.

Катрина закрыла глаза и потерла лоб. Она помолчала, потом открыла глаза и начала что-то печатать на клавиатуре терминала.

— Заставьте Поля двигаться, он нам нужен.

Хиро беспомощно уставился на Поля. Тот, продолжая всхлипывать, свернулся тугим маленьким клубком и плавал по комнате, по-прежнему пытаясь прикрыть гениталии.

Шар рвоты — не синтамнио, исторгнутая из тел, а настоящее содержимое желудка — поплыл к клапану вентиляции и был всосан в фильтр. Мария знала, что, выполнив все первоочередные приказы капитана, ей все равно придется менять воздушные фильтры и, вероятно, ползать по всем вентиляционным шахтам корабля, вычищая из них все телесные жидкости, пока те не стали биологически опасными. Должность техника/помощника механика внезапно перестала казаться ей такой уж блестящей.

— Думаю, Поль лучше себя почувствует, когда оденется, — сказала Катрина, с жалостью глядя на него.

— Да, одежда — это хорошо, — сказал Хиро. Все они были голые, и у всех кожа от холода покрылась пупырышками. — Может, горячий душ?

— Мне будут нужны костыли или кресло, —

сказала Джоанна. — Если мы хотим включить гравитационный двигатель.

— Прекратите! — сказала Катрина. — Убийца, возможно, все еще на корабле, а вы говорите про одежду и душ?

Вольфганг отмахнулся от ее забот.

— Нет, убийца явно сам погиб в схватке. Нас на корабле только шесть человек.

— Ты не можешь этого знать, — сказала де ла Круз. — Что произошло за последние несколько десятилетий? Нужно соблюдать осторожность. Никто никуда не ходит в одиночку. Только по двое. Мария и Хиро, принесите врачу костыли из медицинского отсека. Они ей понадобятся, когда заработает гравитационный двигатель.

— Я могу снять протезы с тела, — сказала Джоанна, показывая. — Ему они все равно больше не понадобятся.

— Это улики, — возразил Вольфганг, останавливая свой дрейфующий труп, чтобы изучить колотые раны. Он сосредоточился на пузырях крови, так и не оторвавшихся от его груди. — Капитан?

— Хорошо, наденьте комбинезоны, принесите врачу кресло или что-нибудь такое и займитесь гравитационным двигателем, — сказала Катри-

на. — Остальные — за работу. Вольфганг, мы с тобой привяжем трупы один к другому. Не нужно, чтобы они получали новые повреждения, когда возникнет тяготение.

Выходя, Мария остановилась у своего тела, которое по-настоящему еще не рассматривала. Слишком страшно было смотреть в собственное мертвое лицо. Тело было привязано к сиденью одного из терминалов и легко натягивало трос, пытаясь уплыть. Сзади от шеи, оттуда, куда ее, очевидно, ударили, оторвался большой кровавый пузырь. Губы у нее были белые, а кожа — болезненно зеленоватая. Теперь она знала, откуда рвота.

— Похоже, именно я нажала на кнопку воскрешения, — сказала она Хиро, показывая на свое тело.

— И правильно сделала, — ответил Хиро. Он посмотрел на капитана. Та о чем-то разговаривала с Вольфгангом. — Но не думаю, что тебя скоро наградят медалью. Похоже, она не в духе.

Кнопка воспроизведения была отказобезопасной. Если все клоны на корабле в одночасье умирали — статистически совершенно невероятное событие, — ИИ корабля мог разбудить следующих клонов. Если бы корабль не смог это

сделать, — что статистически еще менее вероятно, — то эту задачу мог решить физический рычаг в секции клонирования, конечно, при условии, что в ком-то осталось достаточно жизни, чтобы за него потянуть.

Как все остальные тела, тело Марии свидетельствовало о солидном возрасте. Живот одряб, руки, плавающие над терминалом, были худыми, в пятнах. Когда они улетали, ее физический возраст равнялся 39 годам.

— Я ведь отдала приказ, — сказала Катрина. — И, доктор Гласс, похоже, успокаивать нашего механика тоже выпало вам. Сделайте это побыстрее, иначе ему понадобится новое тело, когда я с ним разберусь.

Хиро и Мария ретировались раньше, чем капитан успела подробно рассказать, что собирается с ними сделать. Хотя, подумала Мария, трудно будет превзойти то, что они, по-видимому, только что испытали.

* * *

Мария помнила корабль более ярким и блестящим: металлическим, гладким, с поручнями и скобами вдоль стен на случай низкого тяготения, с тонкими металлическими решетками, через

которые виднелась нижняя палуба, — склады и вентиляционная система. Теперь все это потускнело — еще одно свидетельство того, что десятилетия полета в космосе изменили и корабль, не только экипаж. Стало темнее, некоторые лампы не горели; светились желтые аварийные огни. Кто-то, вероятно, капитан, объявил тревогу.

Несколько раз Мария умирала в контролируемой обстановке. Она была прикована к постели болезнью, старостью или (в одном случае) ранением. Услужливые техники создавали последнюю карту ее мозга, и Марию подвергали эвтаназии после того, как она подписывала добровольное согласие. Врач разрешал эвтаназию, от тела аккуратно избавлялись, и она пробуждалась молодой, не чувствуя никакой боли, но сохранив воспоминания обо всех своих предыдущих жизнях.

Иногда получалось не так гладко, но все равно гораздо лучше, чем сейчас.

То, что ее тело по-прежнему плавает среди крови и рвоты, оскорбляло ее до глубины души — она и не подозревала, что способна так реагировать. Когда ждешь, тело теряет всякую ценность, всякую эмоциональную значимость. Важно только будущее тело. Предыдущему нечего было здесь

делать, неподвижно смотреть ей в лицо мертвыми глазами. Мария вздрогнула.

— Когда двигатели заработают, станет теплей, — любезно сказал Хиро, неверно поняв причину ее дрожи.

Они дошли до перекрестка и повернули налево.

— Десятилетия, Хиро. Мы провели здесь десятилетия. Что случилось с нашими картами мозга?

— Что последнее ты помнишь? — спросил он.

— Прием с коктейлями на станции «Луна», пока последние пассажиры поступали в крио. Мы поднялись на борт. Нам дали несколько часов на обустройство. Потом у нас был ознакомительный обход корабля, который окончился в секции клонирования; там сняли последние карты мозга.

— Я помню то же самое, — сказал он.

— Страшно? — спросила Мария, останавливаясь и глядя на него.

Она не вглядывалась в него с тех пор, как очнулась в секции клонирования. Она привыкла к тому, что клоны, обладающие многовековым опытом, выглядят так, словно только что окончили университет. Их тела пробуждаются на пике формы, когда им двадцать и их тело — сплошные мышцы. Что клоны станут делать с этими

мышцами после пробуждения, было их личным делом.

Акихиро Сато был худым мужчиной японского происхождения из Объединенных Тихоокеанских государств. Короткие черные волосы, высохшие вихрами, тугие мышцы, широкие скулы. Его черные глаза встретили ее взгляд равнодушно. Она не стала к нему присматриваться.

Он потянул за вихор и попытался пригладить его.

— Мне приходилось просыпаться в местах похуже.

— Например? — спросила она, показывая туда, откуда они пришли. — Что может быть хуже этой сцены из фильма ужасов?

Он умоляюще выставил ладони.

— Я не буквально. Просто я и раньше терял ход времени. Иногда приходится учиться адаптироваться. И быстро. Я просыпаюсь. Сразу оцениваю непосредственную угрозу. Пытаюсь вспомнить, где был в последний раз, когда загружал карту мозга.

В этот раз я проснулся среди груды трупов, но не усмотрел никакой угрозы. — Он наклонил голову, глядя с любопытством. — А вам приходилось терять время? Хотя бы неделю? Конечно же,

вы умирали между дублированиями.

— Да, — согласилась она. — Но я никогда не просыпалась в опасной обстановке или среди последствий опасности.

— Опасности по-прежнему нет, — сказал он. — О которой мы бы знали.

Она уставилась на него.

– *Непосредственной* опасности, — поправился он. — Я не собираюсь заколоть вас ножом прямо здесь, в коридоре. Сейчас опасная обстановка складывается из проблем, которые, вероятно, нам по силам решить. Утраченные воспоминания, сломанный компьютер, поиски убийцы. Чуть поработать — и все вернется в нормальную колею.

— Вы чрезвычайно странный оптимист, — сказала Мария. — Но я все равно хотела бы еще поистерить, если вы не возражаете.

— Постарайтесь держать себя в руках. Вы ведь не хотите превратиться в то же, во что превратился Поль, — предположил он и пошел дальше по коридору.

Мария пошла за ним, радуясь, что он не за спиной.

— Я держу себя в руках. Я ведь здесь, правда?

— Вы почувствуете себя лучше, когда примете душ и перекусите, — сказал Хиро. — Не говоря

уж об одежде.

Оба были голые и покрыты густой высыхающей амниожидкостью. Никогда еще Марии так не хотелось принять душ.

Хиро оглянулся.

— Я давно научился не печалиться о старых оболочках. Иначе с каждой жизнью будешь становиться все более мрачным. Думаю, в этом проблема Вольфганга. — Он нахмурился. — Вам когда-нибудь приходилось убирать собственное тело?

Мария покачала головой.

— Нет. Меня это сбивало с толку: она смотрела на меня так, будто в чем-то винила. Но все же это лучше, чем не знать, что все-таки произошло.

— Или кто, — согласился Хиро. — У него точно был нож.

— А сам он был охвачен яростью, — сказала Мария. — Вдруг это один из нас?

— Вероятно, именно так, иначе придется волноваться из-за первого контакта. Или второго, если первый прошел так неудачно, — сказал Хиро, потом более серьезно добавил: — Но, по правде говоря, все, что угодно, могло пойти не так. Кто-то мог выйти из крио и сойти с ума. Или сбой компьютера испортил карты мозга. Но, возможно,

все объясняется проще — кого-то поймали на том, что он мухлюет в покер. В пылу игры кто-то припрятал туза, доктор перевернула стол…

— Не смешно, — негромко произнесла Мария. — Это не безумие и не спонтанное убийство. Иначе не вышел бы из строя гравитационный двигатель. Мы бы не потеряли десятилетия воспоминаний. РИН мог бы объяснить нам, что происходит. Но кто-то — один из нас — хотел нашей смерти и при этом что-то сделал с резервными копиями личностей.

Почему?

— Вопрос риторический? Или вы правда считаете, что я должен знать? — спросил Хиро.

— Риторический, — буркнула Мария. Она тряхнула головой, чтобы в ней прояснилось. Прядь жестких черных волос упала ей на лицо, и она поморщилась. — Их могло быть двое. Один убил нас, второй повредил карты мозга.

— Верно, — согласился Хиро. — Можно не сомневаться, что это было заранее обдуманное преступление. Капитан права. Будем осторожны. И давайте договоримся. Я обещаю не убивать вас, а вы пообещаете не убивать меня. Заметано?

Мария невольно улыбнулась. Она пожала ему руку.

— Обещаю. Пошли, пока капитан не отрядила кого-нибудь искать нас.

Дверь в медицинский отсек окружали красные огни: так ее легче найти больному или раненому. Хиро неожиданно остановился у входа. Мария натолкнулась на его спину, и от удара оба закрутились, как колесики в часах: его развернуло лицом к коридору, а она резко обернулась, желая увидеть, что так неожиданно его остановило.

Столкновение породило бы неловкость, если бы не открывшаяся им картина.

В медицинском отсеке на кровати лежала старая потрепанная копия капитана Катрины де ла Круз; она была без сознания, но очень даже жива — подключена к аппаратам жизнеобеспечения, капельницам, мониторам и дыхательным трубкам. Лицо ее было сплошь в синяках, правая рука в гипсе. Она была пристегнута к кровати, а саму кровать удерживали на полу магниты.

— Я думал, мы все погибли, — удивленно сказал Хиро.

— Чтобы все мы проснулись, все мы должны были умереть. Похоже, я нажала на кнопку воскрешения, не вникая, так это или нет, — сказала Мария, оттолкнулась от косяка и вплыла в помещение, поближе к капитану.

— Жаль, ты не можешь спросить, — сухо заметил Хиро.

Наказание за создание дубликатного клона полагалось очень строгое: обычно старшего клона приговаривали к уничтожению. Однако сейчас, когда требовалось расследовать несколько убийств, Вольфганг вряд ли решил бы, что именно за это преступление нужно наказывать в первую очередь.

— Это никому не понравится, — сказал Хиро, показывая на бесчувственное тело капитана. — Меньше всех — самой Катрине. Что мы будем делать с двумя капитанами?

— А может, оно и хорошо, — сказала Мария. — Если удастся привести ее в чувство, может, узнаем, что произошло.

— Не думаю, чтобы она с тобой согласилась, — отозвался Хиро.

Тело капитана покрывала серебристая простыня; там, где ее не удерживали ремни, она лениво пыталась всплыть. Клон капитана лежал неподвижно, слышался только звук в дыхательной трубке.

Мария подплыла к шкафу в дальнем конце помещения. Выхватила оттуда несколько комбинезонов большого размера; Вольфгангу они

будут коротки, доктору тесны, а ей самой велики, но до поры сойдет; в тусклом свете она увидела в глубине шкафа сложенное кресло на колесиках и вытащила его.

Один комбинезон Мария протянула Хиро, другой надела сама, и не думая отворачиваться. К середине жизни человека иногда совершенно перестает интересовать, что другие думают о его теле. Умножьте это на несколько клонирований, и получите стыдливость (или ее отсутствие) среднего клона. Когда Мария впервые поняла, что скромности у нее поубавилось, она почувствовала себя свободной. Это осознание не исчезло при смене тел, даже когда те вновь обретали юность, ведь она знала, что созданное компьютером тело ближе к сильному идеалу, чем то, чего они добились бы сами диетой или упражнениями.

Плачущий механик Поль был самым стыдливым клоном, какого видела Мария.

Ткань рабочего комбинезона оказалась не такой мягкой, как у лиловой робы механика, оставшегося в ее каюте, но, по крайней мере, Мария согрелась. Она задумалась, когда им, наконец, разрешат поесть и разойтись по каютам, чтобы принять душ и поспать. Пробуждение отнимало у клона массу энергии.

Хиро, уже одетый, стоял над телом капитана, вглядываясь в ее лицо. Мария с помощью скоб на стенах переместилась к нему. Хиро был мрачен, его всегда дружелюбное лицо отражало серьезность положения.

— Наверно, мы не можем взять и спрятать это тело? — спросил он. — Рециклировать, прежде чем его найдут? Это избавило бы нас от кучи неприятностей в будущем.

Мария проверила на компьютере основные показатели жизнедеятельности.

— Не думаю, что это уже труп. Признать ее трупом и избавиться от него — дело суда, не наше.

— Какого суда? — спросил он, когда Мария взялась за ручки инвалидного кресла и направилась к двери. — Нас здесь шестеро!

— Семь, — напомнила Мария, кивком указав на тело в медицинском отсеке. — Восемь, если сумеем подключить РИН. И все равно вопрос решать капитану и РИН, а не нам.

— Тогда тебе придется сообщить последние дурные новости.

— Сейчас я еще не готова иметь дело с Вольфгангом, — сказала Мария. — Или слушать, как капитан уделывает Поля. Кроме того, нужно проверить, что с гравитационным двигателем.

— Избегать Вольфганга — недурной приоритет, — сказал Хиро. — Если я бы мог расспросить своего последнего клона, вероятно, он тоже старался избегать Вольфганга.

* * *

Капитанский мостик «Дормире» производил сильное впечатление: кресло капитана и второе кресло, пилота, у компьютерного терминала на полу, но трап у входа вел наверх к нескольким удобным скамьям, привинченным к стене; оттуда хорошо было наблюдать за Вселенной, пока корабль медленно разгоняется до скорости света. Помещение представляло собой прозрачный алмазный купол, обеспечивающий обзор на 270 градусов. Сам штурвал напоминал массивный стеклянный нарост на носу корабля, но, когда гравитационный двигатель вращал корабль, руль позволял видеть прекрасную картину Вселенной, медленно вращающейся вокруг вас. Сейчас, когда двигатель не работал, Вселенная казалась неподвижной, хотя они продолжали двигаться в пространстве со скоростью, составлявшей заметную долю скорости света.

От этого можно было заболеть, честно. Вокруг глубокий космос — даже пол прозрачный. Мария

помнила, что побывала здесь во время ознакомительной экскурсии по кораблю, но сейчас она впервые попала сюда после отлета с Луны.

От панорамы, от терминалов, от кресла пилота и скамей ее отвлекло старое тело Хиро — оно плавало под самым куполом — на шее петля, веревка привязана к одной из скамей. Лицо у него было багровым, глаза выпучены.

— Ох. Там… — Хиро с трудом сглотнул и продолжил: — Там я.

Позеленев, он отвернулся.

— Не знаю, чего я ждала, — тихо сказала Мария, глядя в распухшее, искаженное страданием лицо, — но только не самоубийства. И вообще я думала, что ты тоже выжил.

— Не думал, что повешусь, — ответил Хиро. — Я вообще не ожидал такого. Мне все теперь кажется реальным.

И он зажал рот рукой.

Мария знала, что излишние проявления сочувствия могут заставить нервничающего человека вконец потерять самообладание, и потому решительно сказала:

— Не смей тут блевать. Мне и так придется мыть секцию клонирования, а ты видел, какой там кошмар. Не добавляй мне работы.

Он сердито посмотрел на нее, но на его лицо снова вернулись краски. И больше он не смотрел вверх.

Что-то осторожно коснулось затылка Марии. Она ухватилась за это и увидела коричневый кожаный ботинок. Второй такой ботинок был на ноге у повешенного.

— Похоже, начинает вырисовываться последовательность событий, — сказала Мария. — Тебя должны были повесить, когда еще работало тяготение. Я считаю, что это хорошо.

Хиро по-прежнему стоял спиной к мостику, лицом к выходу. Глаза его были закрыты, и он глубоко дышал. Мария положила руку ему на плечо.

— Давай. Нужно заняться двигателем.

Хиро обернулся и сосредоточился на терминале, где мигал красный огонек.

— Ты сможешь включить его без РИН? — спросила Мария.

— Наверное. РИН контролирует все, но, если он выходит из строя, для нас это не конец света. Мой ботинок?

Последний вопрос прозвучал небрежно, как будто это ничего не значило.

— Да.

Мария проплыла наверх и внимательнее осмотрела тело. Трудно было утверждать с уверенностью — лицо удавленника было страшно искажено, — но Хиро не походил на прочих членов экипажа. Все остальные выглядели так, словно с отлета со станции Луна прошли десятилетия. А Хиро казался точно таким же, как сейчас, он как будто только что из бака.

— Эй, Хиро, думаю, во время полета ты хоть раз да умер. Вероятно, недавно. Этот клон новее остальных, — сказала она. — Пора записывать странности.

Хиро издал такой звук, какой могло бы издать животное, попавшее в ловушку. Чувство юмора отказало ему. Он сурово посмотрел на Марию и на клона.

— Ладно. Это она.

— Что она?

— Последняя соломинка. Официально заявлю: теперь я боюсь.

— Теперь? Тебе потребовалось столько времени, чтобы испугаться? — спросила Мария, опускаясь на пол. — При всем том, с чем нам приходится иметь дело, ты испугался только *сейчас*?

Хиро ткнул в терминал — сильнее, чем Мария считала необходимым. Ничего не произошло.

Он скрестил руки, потом распрямил их, глядя на них так, будто это какие-то новые конечности и он не знает, что с ними делать. Взял у Марии ботинок и надел.

— Я пытался разрулить ситуацию с остальными, — сказал он. — Со всеми вами что-то происходило. Меня оно не затронуло. Я не участвовал в субботнем празднике крови. Я был здесь, чтобы всем помогать и всех веселить. Я должен был всех смешить. «Эй, Хиро нас всегда подбодрит».

Мария положила руку ему на плечо и посмотрела в глаза.

— Добро пожаловать в «комнату страха». Хиро, мы должны поддерживать друг друга. Глубоко вдохни. Нам нужно завести двигатель и доложить капитану и Вольфгангу.

— Ты в отчаянии, если собираешься поставить в известность Вольфганга, — сказал Хиро. Он словно собирался улыбнуться и не мог.

— А когда запустишь двигатель, можешь выяснить, какой сейчас год? Проверить груз и, может быть, попробовать связаться с РИН отсюда? — спросила Мария. — Учитывая все случившееся, было бы неплохо вернуться хоть с какими-то хорошими новостями. Или хотя бы со свежими новостями.

Хиро кивнул и сжал зубы, словно стараясь не сказать того, о чем потом пожалеет. Или не закричать. Он подплыл к своему креслу пилота и пристегнулся. Экран на консоли продолжал подмигивать ему ярким красным огоньком.

— Спасибо за предупреждение, РИН, мы и не заметили, что двигатель не работает.

Он набрал какую-то команду и ткнул в сенсорный экран. По кораблю разнесся вой сирены, предупреждающий, что на смену нулевому тяготению идет гравитация. Хиро еще несколько раз коснулся экрана и начал печатать команду, все больше мрачнея. Он проделал какие-то расчеты, громко вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками.

— Что ж, — сказал он, — стало только хуже.

Мария услышала, как заработал гравитационный двигатель; корабль массой 500 000 тонн содрогнулся, начиная вращаться.

Она ухватилась за трап, по которому поднималась к скамье, чтобы не упасть, когда вернется тяжесть.

— Что теперь? — спросила она. — Мы сошли с курса?

— Мы, по-видимому, провели в космосе двадцать четыре года и семь месяцев. — Он помол-

чал. — И девять дней.

Мария быстро подсчитала.

— Значит, сейчас 2493 год.

— К этому времени мы должны были быть в трех с небольшим световых годах от дома. Очень далеко от горизонта событий, на котором возможна связь с Землей. Так все и обстоит. К тому же мы на двенадцать градусов отклонились от курса.

— Это… прости, не могу понять, где мы, черт дери, находимся. Можешь сформулировать на языке, понятном офицеру по техобслуживанию.

— Мы тормозим и поворачиваем, — ответил он, отстегивая ремни. Взглянул на свое тело, плавающее под потолком в петле, как страшный воздушный змей. — Рассказывать об этом капитану я не рвусь. Тело срежем потом.

— Что это значит? Зачем мы сошли с курса? — вслух размышляла Мария, пока они осторожно продвигались по коридору, низко над полом, готовясь к появлению гравитации — корабль вращался все быстрее.

— Зачем убивать экипаж? Зачем отключать гравитационный двигатель? Почему пощадили капитана? Почему я покончил с собой? И почему мне понадобилось перед этим снять один ботинок? — сказал Хиро. — Добавь все это к своему

списку, Мария. Я совершенно уверен, что мы по уши в дерьме, каковы бы ни были ответы.

Позор

Единственным, что не пострадало на корабле «Дормире», был, очевидно, груз.

Экипаж корабля был совсем невелик, но в грузовом отсеке в крио спали две тысячи человек. На серверах в грузовом отсеке хранилось более пятисот карт мозга клонов. Мария и остальные пятеро членов экипажа отвечали за две с половиной тысячи жизней.

Марии не хотелось раздумывать об этой ответственности. Она обрадовалась, услышав от Хиро, что все пассажиры по-прежнему стабильны, а резервные копии не повреждены.

У каждого пассажира, человека или клона, были свои причины для участия в этом полете: многих людей привлекали приключения и исследования; многие клоны стремились уйти от религиозных преследований. Помимо этих двух групп, имелось изрядное количество политических и корпоративных изгнанников — эти летели, чтобы уйти от тюрьмы, долговой кабалы или худшей участи.

Всех их отчасти гнало и осознание того, что Земля по мере подъема океанов теряет обитаемые

земли и повсюду вспыхивают территориальные и водные войны. Поэтому, как всегда, богатые улетали — потому что могли.

Причины, по которым на корабле летел экипаж, были немного другими. У каждого члена была простая цель — стереть все данные о своих прошлых преступлениях.

Цель полета — планета Артемида — вполне годилась для жизни, была чуть меньше Земли и казалась раем. Она обращалась по орбите вокруг звезды тау Кита.

Мария сомневалась, что в этом раю люди и клоны будут жить бок о бок лучше, чем на Земле, но у людей всегда есть розовые мечты и грандиозные идеи.

* * *

— Ты когда-нибудь пыталась покончить с собой? — спросил Хиро, когда они несли обратно в секцию клонирования комбинезоны и инвалидное кресло.

— Это очень личное, — ответила Мария, расчесывая длинные волосы и морщась от того, что натыкается на липкие колтуны.

Хиро пожал плечами.

— Мой ответ ты видела, висит под потолком.

Уверен, когда все кончится, Вольфганг решит, как поступить с этой мелкой деталью сегодняшних неприятностей. Земные законы о клонировании наверняка будут соблюдаться и здесь — перед отлетом это нам дали понять совершенно ясно.

Мария задумалась о его криминальном прошлом. И вздохнула.

— Пыталась. Однажды.

— Что тебя остановило?

Он не спрашивал, удачной ли стала попытка; будь это так, по закону Мария лишилась бы права на новое клонирование.

— Меня отговорил друг, — ответила Мария. — Разве не так всегда бывает?

— Жаль, у меня несколько часов назад не было друга.

— Да ты бы все равно погиб здесь, — сказала она, показывая на секцию клонирования.

— Зато это не было бы самоубийство. Думаю, Вольфганг как раз ищет виноватого.

— Сейчас ты здесь. Давай думать о более насущных проблемах. А потом будем выяснять, что с нами произошло, — сказала Мария.

Послышался голос капитана — вопль недовольства.

— Кто додумался включить гравитационный

двигатель? — кричала Катрина.

— Вы, капитан, — сказал от входа Хиро. — Вы хотели стоять на прочной почве.

Секция клонирования все еще напоминала о фильмах ужасов, но сейчас, по крайней мере, этот кошмар подчинялся силе тяготения. Марии даже думать не хотелось о том, чтобы снова уворачиваться от трупов и ядовитых опасных отходов жизнедеятельности человека. Они с Хиро пытались подготовиться к новой, измененной тяготением, картине бойни, но вид тел, подпрыгивавших на полу, — тяготение было еще недостаточным, чтобы удерживать их на месте, — как выяснилось, опять вызвал тошноту. Кровь и другие жидкости забрызгали пол, стены и членов экипажа. Возможно, Поль разумно хотел остаться в своем баке.

— Вопрос был риторический, — сказала Катрина, держась за стену и стараясь не отрываться от пола. — Я не знала, что будет так плохо. Что вы узнали? Без РИН возникли проблемы? Или вы смогли связаться с ним с мостика?

— РИН по-прежнему отключен, капитан, — сказал Хиро. — К счастью для нас, в случае отказа РИН, что маловероятно, штурвал разблокируется. Иначе это было бы самоубийство. Или геноцид.

Это геноцид, если мы убьем всех на борту?

Мария поморщилась.

— Кстати, все криопассажиры целы и на месте. Хоть одна хорошая новость, верно?

Хиро рискнул улыбнуться. Катрина на эту улыбку не ответила.

Капитан повернулась к Марии.

— Дай менее сбивчивый отчет.

Мария сглотнула.

— Не знаю, что именно сделал Хиро, но ему не понадобилось много времени, чтобы включить двигатель, получить доступ к навигационному компьютеру и все проверить. И вообще, у нас есть более важные новости.

— Позволь мне, — сказал Хиро, вытянул руку и стал считать по пальцам. — Мы провели в космосе около двадцати пяти лет. Мы на двенадцать градусов отклонились от курса и летим медленнее, чем должны бы. Не говоря уж о…

— Ты исправил курс? — перебила Катрина.

— Да, мэм, — ответил он. — Конечно, потребуется какое-то время, чтобы вернуться на прежний курс, но направление я выправил.

Пока Хиро докладывал капитану о положении дел, Мария спокойно раздавала комбинезоны. Вольфганг, не глядя на нее, выхватил из ее рук

сразу два и сунул один Полю — который вместо этого ухватился за инвалидное кресло Джоанны и, держась другой рукой за бак, старался устоять на ногах, загораживаясь креслом. Джоанна забрала у Вольфганга комбинезон Поля и с доброй улыбкой обменяла на свое кресло. Доктор Гласс с улыбкой взяла свой комбинезон, легко и привычно натянула его и устроилась в своем новом инвалидном кресле. Она держалась за бак для клонирования, пока гравитация не выросла настолько, чтобы кресло оставалось на полу. Штанины комбинезона лениво плавали вокруг ее крошечных ног.

— Хочешь, подвяжу чем-нибудь, чтобы не болтались? — спросила Мария, показывая на манжеты комбинезона.

— Спасибо, не нужно, — ответила доктор Гласс, подтягивая их и аккуратно подтыкая под себя. — Потом я возьму в каюте собственные протезы. Или костыли. Когда все успокоится.

И она рукой обвела их хоррор-шоу.

Мария, повинуясь ее жесту, посмотрела на подпрыгивающие тела, на засохшую кровь, на измученных членов экипажа.

— Не знаю, когда все успокоится. Нам еще многое нужно сделать.

Джоанна вскинула бровь.

— Значит, это не все?

Мария поморщилась и показала на капитана. Та как раз слушала рассказ о том, как они обнаружили тело Хиро. Она подошла к Хиро. Тяготение росло, но постепенно, по мере того как двигатель раскручивал корабль.

— Похоже на самоубийство, — сказал Хиро, стараясь не встречаться глазами с капитаном.

— Но сейчас мы ничего не знаем точно, — добавила Мария. — Вдобавок он моложе всех наших клонов.

Джоанна подняла палец.

— На первый взгляд это не внушает тревоги: он мог умереть от разных причин.

— Мы не узнаем, самоубийство ли это, не изучив тело, — сказал Вольфганг.

Хиро удивленно посмотрел на него. Мария тоже не ожидала, что Вольфганг усомнится.

— Есть кое-что еще, — сказал Хиро, глядя на Марию.

Ее очередь сообщать дурную новость. Она вздохнула и расправила плечи.

— Главная новость, — сказала она, глядя на Катрину, — такова: твой предыдущий клон не погиб. Она в медицинском отсеке, в коме.

Капитан ничего не ответила, но краска отхлынула от ее лица, губы плотно сжались. Она посмотрела на Поля так, словно он во всем виноват.

— Довольно. Принимайся за работу. Хиро, Джоанна, со мной в медицинский отсек. Вольфганг, ты здесь за старшего.

Поль, уже одетый, стоял и неподвижным взглядом смотрел на Катрину. Он перестал всхлипывать, но все еще слегка дрожал. С постепенным возвращением гравитации густая жидкость синтамнио стекла с его волос. Он не шевелился.

— Док, это ведь ненормально? — спросила Мария, кивая на испуганного мужчину.

— В редких случаях у клонов возможна тяжелая реакция на пробуждение, — ответила Джоанна. — Похоже на пробуждение от кошмара, когда теряешь ориентацию и не знаешь, где реальность.

— Только на этот раз он проснулся и оказался в кошмаре. Бедняга, — сказала Мария.

— Капитан, прошу минутку внимания, — сказала Джоанна, осторожно подъезжая в кресле к Полю.

Одна из лучших особенностей клонирования — то, что, даже если гены не подверглись

модификации, каждый клон пробуждается на пике физической формы и в лучшем возрасте. Мария помнила Поля белым мужчиной лет за сорок, с большим животом и плохо подстриженными светлыми волосами. Его руки покрывали темные пятна, точно укусы москитов, которые он постоянно нервно расчесывал, отчего они никогда не заживали. У него была окладистая борода, и он терпеть не мог облегающие рабочие комбинезоны, которые предписывалось носить членам экипажа.

В нынешнем Поле ничего этого не осталось. Из общих черт сохранились лишь водянистые голубые глаза навыкате, смотревшие с мужественного лица, чистая кожа с редкими веснушками и тренированное тело. Конечно, не бодибилдер, но, несомненно, не тот, кого Мария выбросила бы из своей постели. Вот только он явно был на грани срыва…

— Поль, нам нужно, чтобы ты встал и занялся своей работой, — спокойно сказала Джоанна. — Если есть какие-то проблемы с новым телом или картой мозга, скажи сейчас. Если нет, нам нужно, чтобы ты запустил РИН.

Вольфганг приподнял белую бровь.

— Думаешь, я ему этого не говорил?

— Ты говорил другими словами, — ответила Джоанна, не глядя на него.

Она протянула руку и осторожно коснулась руки Поля, но тот отдернул ее.

— Вы все могли бы дать мне побыть одному, — хрипло сказал Поль.

— Одному? — фыркнул Вольфганг.

— Чушь. Если тебе когда-нибудь понадобится обследование, придется привыкнуть к тому, что я вас лечу, — сказала Джоанна.

Поль посмотрел на свой труп, и его лицо слегка позеленело. Тело, лежавшее на холодном полу в связке с другими, тело с множеством синяков на шее больше напоминало Поля, каким его помнила Мария, только старше. Оно казалось изношенным — пространство и время обходились с ним сурово, и весило оно даже больше, чем помнила Мария. Ветхая футболка с изображением давно мертвой музыкальной группы, молния комбинезона застегнута лишь до середины. Верхняя часть комбинезона собралась сзади, как особый капюшон для задницы.

Живой Пол громко сглотнул и поднял взгляд:

— Что…

— …Случилось? Мы знаем не больше тебя. И пытаемся выяснить именно это; вот почему нам

нужно, чтобы ты установил, что неладно с нашим ИИ.

Он кивнул и посмотрел на консоль на другой стороне секции.

— Это можно.

Спотыкаясь, он прошел мимо них, обошел трупы, держась от них подальше, и остановился у терминала, через который они связывались с РИН.

Вольфганг наклонился, разглядывая тела.

Джоанна кивнула.

— Готово, капитан.

* * *

Катрина шла по коридору, следом Хиро толкал подпрыгивавшее инвалидное кресло Джоанны. Хиро подумал, что доктор предпочла бы дождаться, пока на корабле полностью восстановится гравитация, но Джоанна не жаловалась.

Когда свернули в коридор, ведущий к медицинскому отсеку, Джоанна попросила Катрину остановиться.

— Подожди немного, сразу не входи. Можешь сильно расстроиться.

— А как насчет того, что мы сегодня уже видели? Ты об этом? — спросила Катрина не без

едкости.

— О встрече со своим предыдущим клоном, — сказала Джоанна.

— Сколько раз такое уже случалось раньше? Если только в законе ничего не изменилось, второй клон — вещь противозаконная, верно?

— Как и убийство, но ведь это никого не останавливает, — заметил Хиро, заставляя себя говорить небрежно.

Катрина ценой заметного напряжения заставила себя пойти медленнее, чтобы Джоанна и Хиро ее догнали. В других обстоятельствах Хиро было бы забавно наблюдать за ее внутренней борьбой, но сейчас он думал о том, что сам чувствовал бы на ее месте. В очень специфической ситуации.

Он сомневался в том, что повел бы себя достойно. Найденное в рубке его собственное тело, явный результат самоубийства, стало достаточным тому доказательством.

Капитан сейчас столкнулась с тем, что существует ее живой клон, обладающий воспоминаниями, которых нет у нее. Неизбежно должны были возникнуть юридические и нравственные проблемы: кто же имеет право быть настоящей Катриной де ла Круз. Неизбежно должна была начаться борьба за право вести корабль, что, ве-

роятно, стало бы лишь первой из таких схваток.

Или, скрупулезно следуя букве закона, они могут уничтожить предыдущего клона. Такое иногда случалось.

РИН мог бы помочь им принять решение, но пока это был тупик.

Они вошли в медицинский отсек. Капитан подошла прямо к постели и посмотрела на себя старшую, на себя в коме. Она побледнела, потом нахмурилась, стиснутые губы побелели. Она резко вдохнула и повернулась к Джоанне и Хиро.

— Рециклировать.

Джоанна удивленно посмотрела на нее.

— И больше тебе нечего сказать? Тут лежит личность.

— По закону, как только я проснулась, это тело стало пустой скорлупой, — сказала Катрина. — Рециклировать.

Решительно, насколько это возможно при низком тяготении, она вышла из отсека.

— Я говорил Марии, что она так скажет, — произнес Хиро, покосившись на Джоанну. — Но, думаю, нам она нужна.

Джоанна кивнула.

— Наш единственный свидетель.

Она прошла к терминалу у кровати и стала

изучать показания.

— К тому же это кажется неэтичным.

Врач потерла лицо.

— Ненавижу эти проблемы. Никогда не бывает хорошего решения. Не поищешь тут мои запасные протезы?

— Как часто тебе приходилось сталкиваться с такой проблемой? — спросил Хиро, осматриваясь. Джоанна тем временем рылась в одном из ящиков. Она достала планшет и включила его.

— На медицинских факультетах рассматривается ряд специфических проблем этики клонирования, — сказала она. — Это лишь одна из них. Мы изучали, как поступать с хакерами мозга, которые халтурят или делают работу слишком хорошо. Как установить, что ранняя смерть клона — самоубийство. Кого винить, если кого-то клонировали вопреки его воле или не в то время. Нам целый год читали курс этики.

— Всего год? — спросил Хиро. — Этого явно недостаточно. Я прожил несколько жизней, но все равно не всегда понимаю, как правильно.

В шкафу медицинского отсека нашлось несколько рабочих комбинезонов, перевернутый пластиковый столик и большой набор обуви. Но протезов, на которые предполагалось надевать

эту обувь, нигде не было видно.

— Где мне искать эти твои ноги? — спросил Хиро.

— Если их здесь нет, они в моей каюте. Если их разбросало при отказе двигателя, далеко улететь они не могли.

Джоанна записывала показания приборов, подключенных к телу капитана. И не подняла головы, когда Хиро подошел к ней, только протянула руку, продолжая читать цифровые карты.

— Прости, никаких протезов, — сказал Хиро, обходя кровать капитана с другой стороны. В отсеке царили безупречные чистота и аккуратность; все, что не крепилось к полу или не удерживалось магнитами, лежало в контейнерах, закрепленных теми же способами. — Тебя определенно не назовешь неаккуратной, значит, мест, где могли бы прятаться протезы, не так уж много.

Теперь, когда у Хиро появилось время на то, чтобы внимательнее рассмотреть тело, он увидел, что капитан выглядит плохо. Длинные черные волосы исчезли — их сбрили, чтобы можно было обрабатывать и перевязывать рану на голове. От тела тянулось множество трубок самого разного размера: по одним вливались какие-то вещества, через другие выкачивались.

— На нее напали всего два дня назад, — сказала Джоанна, глядя на аппаратный экран. — Более ранних данных нет, но, судя по виду ран, так и есть. Точно буду знать, когда Поль подключит РИН и мы запустим заблокированные компьютеры. Я надеюсь тогда получить доступ к нашим журналам действий.

— Они отключены полностью? — спросил Хиро. — Но двигатели и навигационную систему удалось перевести на ручное управление.

— Очевидно, это аварийное отключение, связанное с нажатием на кнопку воскрешения. Чтобы все успели акклиматизироваться и не принимали поспешных решений, — сказала, нахмурившись, Джоанна. — Хотя, возможно, это очередная мера безопасности против саботажа.

— Похоже, никакие меры предосторожности не помогли, — сказал Хиро, покачав головой. — Отрезать нас от компьютеров не кажется хорошей задумкой.

— Согласна. Но считалось, что РИН поможет нам принимать решения. Нас вообще не брали в расчет за ненадобностью. Надеюсь, Поль найдет мои записи о состоянии капитана. Откроем дневник Вольфганга, тогда и узнаем и кто на нее напал, и многое другое.

— В таком случае спокойно можно заключить, что она не убийца, — сказал Хиро. — Вряд ли она могла сама так себя стукнуть.

— Думаю, пока рано что-либо утверждать, — сказала Джоанна. — Диву даешься, на что способны люди.

Хиро смолчал, хотя на языке вертелось «вряд ли».

Хотя гравитационный двигатель снова работал, врач не стала отстегивать предыдущего клона капитана. Хиро проверил крепость ремней, но Джоанна отрицательно покачала головой. Хиро приподнял брови.

— Боишься, что она убежит?

— Если она очнется, это будет наш единственный свидетель, — ответила Джоанна. — И единственный подозреваемый, если она причастна к той бойне. — Она кивком указала в сторону секции клонирования. — Для всех безопаснее, если ее не отстегивать.

— А как же капитан? Нынешняя, я хочу сказать? — спросил Хиро. — Она ведь отдала приказ.

Джоанна вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Если возникают разногласия по медицинским вопросам, право решения за мной. Воз-

можно, нам понадобится защищать от нее этого клона. Тебе приходилось сталкиваться с пересечением клонов?

Хиро мотнул головой и привычно солгал.

— Моя лаборатория была до того этичной, что становилось скучно. А тебе приходилось нарушать законы о клонировании? Твои клоны пересекались?

Врач помолчала.

— Ответить на этот вопрос должно быть легко, — сказал Хиро. — Либо «да», либо «нет», либо «я не хочу говорить об этом, Хиро; давай лучше поговорим о регби за последние двадцать пять лет».

— Просто думаю сколько, — сказала врач. — Воспоминания стираются.

— А мы пока не знаем, кому можно верить. Что ж, справедливо, — заметил Хиро.

Воспоминания. У него их было много. Детство он помнит с изумительной ясностью. А вот подробности разных жизней имели тенденцию смешиваться. И обычно он был за это благодарен.

— Я долго жила, — сказала наконец Джоанна. — Застала даже время до принятия Кодицилов.

Хиро присвистнул.

— Серьезно? Значит, тебя клонировали сразу многократно, или ты жила в золотую пору для хакеров.

— Своеобразное обозначение времени, когда люди манипулировали ДНК клонов, словно это рецепт торта, а не основополагающая матрица личности, — строго сказала Джоанна. — Время было совсем не золотое. Все больше неприятных случаев с детьми из пробирок, слушания по поводу этической стороны хакерского взлома ДНК и еще более сомнительного взлома карт мозга. Одно из величайших технологических открытий было объявлено вне закона из-за предприимчивости денежных мешков и преступных беспринципных хакеров. По-твоему, это «золотая пора»?

Хиро, рожденный после принятия Кодицилов, припомнил школьные уроки истории. «Детьми из пробирок» называли тех, кто родился с нежелательными генами, не того пола или калеками. Родители записывали матрицу ДНК и карту мозга и платили хакерам, чтобы те изменили пол, устранили увечье или даже, с неприятным чувством вспомнил он, сделали ребенка смешанной расы ближе к расе одного из родителей. Как только был запрограммирован новый, блестящий,

совершенный клон, родители избавлялись от прежнего, дефектного, ребенка и пробуждали нового.

Это затрагивало не только детей. Мировых лидеров похищали и модифицировали в угоду соперникам. Любовников модифицировали согласно потребностям их партнеров. Стремительно росла сексуальная торговля. Вскоре за незаконное хакерство стали выносить смертные приговоры.

— Я не хочу сказать, что «дети из пробирок» были хороши. Но иногда требовалось вмешаться, исправляя смертельно опасный генетический дефект, и тогда хакеры помогали, не заставляя пациента снова и снова умирать от рассеянного склероза, верно? Я слышал, действительно искусный хакер мог излечить социопата. А Кодицилы положили этому конец — любому полезному хакерству. Я понимаю, почему это было сделано, но мне кажется, что запрет *любого* хакерства — это уже перебор.

— Если бы мы допустили хоть какие-то отступления, быстро нашлись бы лазейки. Даже после принятия законов некоторые хакеры ушли в подполье и продолжали работать. Всех тараканов не переловишь. — В голосе Джоанны зазвучала

горечь. Она погладила капитана по руке. — Я всегда была против убийства старых клонов ради новых. А такое происходило гораздо чаще, чем пишут в учебниках по истории. Я сделаю все, что смогу, чтобы защитить этого клона.

— Тебе может понадобиться охранник, — сказал Хиро.

— Катрина расстроена, но не думаю, что она станет действовать. В конце концов, ей есть о чем беспокоиться и помимо этого, — сказала Джоанна. Она вздохнула и просмотрела анализ крови, выданный диагностической машиной. — Все жизненные показатели стабильны. Она перенесла тяжелую травму головы. Честно говоря, будь мы дома, мы бы получили ордер на отключение систем жизнеобеспечения и просто подвергли ее эвтаназии. Но сейчас она нам нужна живой.

— Игра в бога не такая захватывающая, как ты думаешь, — сказал Хиро. — Почему бы нам просто не снять карту ее мозга?

— И куда ее поместить? — спросила Джоанна. — У нас на борту нет хакера, и еще менее этично выращивать нового клона для сохранения ее памяти, скорее всего, поврежденной. И что тогда делать нашему капитану?

— Она, вероятно, страшно злится на нас. Вооб-

ще-то она может отправить нас на рециклирование и заменить собственными клонами, — предположил Хиро.

Джоанна улыбнулась.

— Вот видишь! Серьезно, у меня нет РИН, чтобы следить за ней, пока я отдыхаю, — значит, мне придется спать здесь. Поможешь мне лечь на вторую кровать?

Хиро поискал в медотсеке постельное белье, но не нашел.

— Наверно, простыни есть где-то на складе. Или посмотрю, не плавают ли они в коридоре.

Джоанна кивнула, сосредоточенно наблюдая за клоном капитана.

— Спасибо.

— Док? — спросил Хиро, хватая кресло с магнитными роликами на ножках и подкатывая его к постели капитана.

— М-м-м? — пробормотала Джоанна, не отрываясь от цифр.

— Ты так и не сказала, встречалась ли со своими предыдущими клонами, — сказал Хиро.

— Не встречалась. Мои жизни были довольно скучными. Мне так нравится.

— До сих пор, — заметил он.

— До сих пор, — негромко согласилась она. —

По крайней мере, наш груз в безопасности. Иначе полет не имел бы смысла.

— Верно! — бодро подхватил Хиро и тут же понял, как нелепо это звучит. — Вроде как нашли бриллиант в куче дерьма.

В интеркоме у них над головами затрещало, и послышался голос капитана.

— Весь экипаж в секцию клонирования. Немедленно!

Хиро вздохнул.

— Почему мне кажется, что куча дерьма стала чуть больше?

Глубины

Хиро не хватало плавания.

Он понимал, что это нелепо: что бы ни произошло, но из-за этого последние воспоминания о Земле в его последовательности событий относились к нескольким прошлым часам. Согласно его воспоминаниям в последний раз он плавал неделю назад. Но это тело никогда не погружалось в воды океана или бассейна и, вероятно, никогда не погрузится. После пробуждения он несколько раз думал о свободе плавания. О том, чтобы нырнуть глубоко в черную воду, подальше от окружавших его ужасов. Он погружался в глубину своего «я», и его настроение, его шутки — все это работало на автопилоте.

Как и все старшие клоны, он понимал, как справляться с собственной смертью. Она его больше не шокировала; он пережил ее во многих вариантах.

Но он не кончал с собой. Никогда. И не мог понять, почему сделал это в последний раз. Поэтому он нырнул.

И вынырнул, когда Вольфганг грубо схватил его за руку.

— Внимательней, Хиро, — сказал он.

Поль и Мария стояли у двух терминалов секции клонирования, Поль по-прежнему казался больным и потрясенным, у Марии на губе алела кровь там, где она прикусила ее.

Капитан смотрела на них, скрестив руки.

— Мы можем использовать компьютер для общей оценки ситуации и навигации, но вместе с тем у нас серьезные проблемы. РИН по-прежнему недоступен. Наши журналы и дневники, все — личные, медицинские, журнал регистрации команд — исчезли. Резервных копий нет. — Она перевела дух. — А еще мы обнаружили прямо здесь, в секции, вредительство. Все самые последние карты мозга явно стерты, и вдобавок мы не можем снимать новые. Программное обеспечение секции клонирования уничтожено. Остался просто большой пустой компьютер, соединенный с баками. Новых тел не будет.

Все молчали, обдумывая услышанное.

Хиро продолжил погружение.

— Это смерть, — где-то далеко сказала Джоанна.

— Да. Если мы не сумеем отремонтировать эти машины, то все умрем, когда истечет срок нашего клона, — сказала Катрина. — Ну. Жду ваших

мнений.

В ушах у Хиро звенело. Ему хотелось двигаться, бежать, найти оружие и мстительно покончить со всем и вся. У него сжались кулаки.

Вольфганг сделал шаг к Полю, и тот — он был меньше ростом — в тревоге посмотрел на него.

— Чини давай.

— Делаю, что могу, — ответил Поль более уверенным голосом и похлопал по терминалу. Он был в своей стихии и явно черпал в ней силы.

— Наша первая цель — ввести в строй РИН, — сказала Мария. Капля крови упала ей на подбородок.

Хиро уставился на эту каплю крови. Это помогло ему сосредоточиться. Как будто все, что сегодня шло неправильно, сгустилось в этой капле. Он сделал шаг вперед и рукавом стер каплю с подбородка Марии.

— У тебя кровь, — спокойно сказал он.

— Ах, да. Верно. Кровь, — сказала она. — Сейчас это самая пустячная из наших проблем.

— Но ее мы можем решить.

Она быстро взглянула на него и снова повернулась к терминалу.

— Верно.

— Мария, — сказала Катрина. — Тебе приходи-

лось перепрограммировать ИИ?

Мария помолчала, потом подняла голову.

— Нет, капитан.

— Тогда, если ты не можешь помочь здесь, ступай на кухню и проверь, нет ли и там вредительства. Нам скоро понадобится еда.

Мария нахмурилась, как будто собираясь возражать, но, увидев лицо Вольфганга, кивнула и вышла.

Капитан провела ладонью по лицу.

— Вольфганг. Нам нужно поговорить.

— Да, думаю, надо, — согласился он. — Поль, продолжай работать.

— Мне нужно в серверную, чтобы добраться до исходников РИН, — сказал Поль и ушел.

Хиро остался один в помещении, в котором многие из них погибли. Ему хотелось нырнуть снова. Но он посмотрел на каплю крови на своем рукаве и покачал головой. Никто не отдавал ему приказов. Поэтому он пошел за Катриной и Вольфгангом.

* * *

Мария не сама решила записаться в экипаж звездолета «Дормире». Это, несомненно, было весьма перспективно: первый корабль поколе-

ний покидал Землю в поисках более счастливых небес. Первый, но не последний — так сказала ей инспектор по надзору за досрочно освобожденными; впрочем, она много чего говорила. Например:

— Помоги набрать экипаж на этот корабль, веди себя достойно и в конце пути получишь полное прощение. Твое дело уничтожат.

Или еще:

— Конечно, не все члены этого экипажа — опасные преступники. ИИ создан для того, чтобы вмешаться, если кто-то задумает мятеж. Никакой опасности нет.

И еще:

— Ну ладно, на борту могут оказаться преступники, склонные к насилию, но помни — у нас на месте есть меры защиты.

Или:

— Послушай, для клона, приговоренного к трем пожизненным срокам, это лучшая из возможных тюрем. И полное прощение!

Звучало здорово, но Мария знала, по какой неустаревающей причине в экипаж этого корабля набирали преступников: дешевый труд. Любой приличный человек запросил бы за работу на корабле поколений целое состояние. Финансистам

пришлось сокращать стоимость полета всеми возможными способами.

И теперь они здесь были поистине одиноки. С первым в жизни приведенным в исполнение смертным приговором.

— Никто на борту не будет знать о твоих преступлениях, — говорила инспектор по надзору. — Думай об этом как о новом начале.

Она не могла понимать иронию этого утверждения, но Мария все еще чувствовала, как та ее жжет.

— Сохранение тайны — это правило или рекомендация? — спросила Мария, приподняв бровь.

— Правило. Никто не должен говорить о своем прошлом.

— И как обеспечат исполнение?

— ИИ будет все прослушивать.

— Прелестно.

Но все равно это было лучше, чем тюрьма.

Мария гадала, не является ли частью ее наказания то, что она самый нижний чин на борту. У всех остальных была достойная работа, а ей приходилось заниматься обслуживанием, работать на кухне и прибирать за всеми. Уборщица, кок, мастер на все руки. По правде сказать, у нее действительно не было ни опыта военачальни-

ка, ни умения вести космический корабль. Зато заниматься непредвиденными мелкими случаями — это она умела.

А таких случаев было множество.

«Дормире» состоял в основном из двигателей, из солнечного паруса площадью в квадратную милю, из очистителей воды и воздуха, служебных ферм, рециклирующих устройств, биопространств и миллионов галлонов синтетического богатого белками материала под названием «Формула CL-20465-F», торговая марка «Жизнь».

Создание «Жизни» во многом решило проблему голода на Земле, потому что, если какой-нибудь городок мог позволить себе специальный принтер и запас очень дешевой «Жизни», он получал возможность печатать почти любую еду. Принтером называлась очень сложная машина, которая изучала образчик продовольствия на молекулярном уровне и создавала почти точное ее подобие, обогащенное белками и правильными витаминными цепями. Предоплату брали гигантскую, зато долгосрочные выплаты были пустячными.

Религиозные споры, осуждающие клонирование, начались очень давно, когда ученые только начинали экспериментировать с «Жизнью» — первоначально она считалась только

источником продовольствия, — для создания первых клонов с телами взрослых, которым для пробуждения требовались только карты мозга. Сами клоны, однако, были благодарны за то, что много раз избегли тяжелого детства и проблем подросткового возраста.

Поскольку полет к их новому дому должен был занять несколько жизней, клоны нуждались в достаточном запасе «Жизни», покрывающем все их потребности на борту и необходимом для создания новых тел, которые они станут выращивать, чтобы продолжать жить. Когда корабль прилетит на новую планету, задачей экипажа станет грандиозная работа, печать тел для всех новых клонов и пробуждение спящих пассажиров. После этого они станут свободными гражданами.

На «Дормире», цилиндрическом корабле, силу тяжести создавало вращение. Экипаж жил во внутреннем кольце, где тяготение было чуть выше лунного и ниже земного. Это сделали главным образом ради выросшего на Луне Вольфганга, который испытывал бы постоянный дискомфорт, живи они на внешних кольцах, где тяготение в зависимости от этажа колебалось между одним и двумя *g*. Поскольку размер каждого следующего концентрического этажа увеличивался, росла и

скорость его вращения вокруг оси и соответственно увеличивалась сила тяжести. На внутренних этажах жить было удобно, на средних, где располагались массивные компьютерные блоки и очистители воды и воздуха, тяготение приближалось к земному, а на внешнем кольце летел груз, который понадобится только в конце пути.

По мнению Марии, их самым важным грузом была биомасса «Жизнь», из которой создавались все новые тела.

Конечно, если не удастся отремонтировать секцию клонирования, «Жизнь» станет почти бесполезной. В животе заурчало, и Мария вспомнила, что у «Жизни» есть еще одно применение. И она направилась на кухню.

Неудачи

Оба не стали садиться. Оба мерили друг друга взглядом и были напряжены, словно ждали, что другой ударит.

Хиро шел за ними на некотором расстоянии. Капитан и первый помощник говорили так серьезно, что он не мог противиться искушению. Он стоял за дверью и слушал.

Капитан заговорила первой.

— Я готова поместить тебя под арест. Объясни, почему я не должна это делать?

— Действительно, — сказал Вольфганг.

— Ты единственный официально признанный убийца на борту. Не удивляйся, что я тебя узнала. Забавно, что ты не пытался скрываться. На самом деле ты не похож на остальных. Я знаю, кто ты и что натворил. Убийство пяти человек, а затем — и это самая красноречивая улика: вредительство в секции клонирования — указывают только на тебя.

Хиро на шаг отступил от двери. Капитан знала, кто такой Вольфганг и каковы его преступления. Почему она держала это в тайне? Сам он правильно опасался начальника службы безопасности

корабля. Хиро попробовал припомнить знаменитого клона — высокого, рожденного на Луне, беловолосого. Проблема долгожительства в том, что встречаешь очень многих людей.

В голосе Вольфганга звучало напряжение, но не было тревоги.

— Забавно, что ты ткнула пальцем в меня. Я не тот, кого разыскивают в семнадцати странах.

Капитан рассмеялась.

— Насколько я помню, в нескольких из этих стран хотели потолковать и с тобой. И не могу представить себе, зачем бы мне выводить из строя аппаратуру для клонирования. Мне нравятся клоны.

— Неужели? А сколько клонов ты убила? — спросил Вольфганг. — Я знаю только, чем ты прославилась, числа не знаю.

— Я была солдатом, Вольфганг. Какое оправдание у тебя?

— Я имел в виду — после того, как ты уволилась из армии, — сказал он.

— Опять, — сказала она с легким раздражением. — Сколько бы я ни убила, у меня нет ненависти к клонам вообще.

— У тебя были свои причины. У меня свои. И все равно мы оба убивали. Однако это было давно. И

я принял дар этого путешествия: чистый лист. Ты не имела никакого права обвинять меня в былых преступлениях.

— У меня есть это право, принимая во внимание тот факт, что все мы — и тысячи людей на борту, — умрем лет через шестьдесят, если не понять, что случилось, и не помешать этому повториться.

Хиро почувствовал, как у него на лбу выступил холодный пот. Требовалось время, чтобы привыкнуть к такой мысли. Люди не боятся призрака смерти через шестьдесят лет. Клона такая мысль приводит в ужас. Они все были в опасности. Из-за Вольфганга?

— Мы не единственные виновны в насильственных преступлениях, — сказал Вольфганг. — Нужно понять, на что способны остальные.

— Ты уверен, что не пытаешься переложить вину на кого-то другого? — спросила Катрина.

Снова молчание. Скрипнул стул. Должно быть, они успокоились и сели.

— Капитан, никто из нас не знает, что произошло. Это могла быть ты. Или я. Мы не можем быть виновны в преступлениях, которых не помним.

— Очень впечатляющий моральный релятивизм, — саркастически сказала Катрина. — Тебе

следовало заниматься этикой и теологией.

Вольфганг на это не ответил. Хиро пожалел, что не видит их. Он подошел ближе.

— Ты не думал о том, почему нас поставили в пару? — спросила Катрина. — Они должны были знать, что, если мы узнаем, кто второй, — команда будет неудачная.

— У меня не было времени гадать об этом, — ответил Вольфганг. — Возможно, они совсем не обдумали, как мы будем работать вместе.

— Они изучили не только данные о наших преступлениях, но и психологические показатели, чтобы точно знать — мы сможем сотрудничать, — сказала де ла Круз. И с горечью добавила: — Чтобы мы не убили друг друга в изоляции глубокого космоса.

— Еще один сбой системы, — сказал Вольфганг.

— Можешь добавить к списку, — ответила Катрина.

Хиро добрался до края двери и заглянул внутрь. Капитан сидела за своим большим столом, у нее за спиной был грандиозный иллюминатор, за которым виднелся глубокий космос. Вольфганг сидел на стуле напротив нее, спиной к Хиро. Он склонился вперед, весь внимание.

— Предлагаю перемирие, — сказал он. — Мы

оба когда-то были охотниками. Мы понимаем друг друга. Экипаж нуждается в сильном командовании. Пока не получим доказательств, ни на кого не указываем.

— Нам нужны досье экипажа, — сказала Катрина. Хиро заметил, что перемирия она не приняла.

— Все файлы стерты.

— У Джоанны может быть дубликат. Она, по крайней мере, видела эти документы, — сказала Катрина. — Помоги ей с аутопсией и вытяни у нее эту информацию.

— А перемирие?

Ха. Вольфганг это тоже заметил.

— Временное. У нас сейчас более серьезные проблемы. Мы умираем, Вольфганг. Ничего серьезнее этого быть не может.

— Отлично. Сегодня же вечером поговорю с доктором, — сказал Вольфганг.

Его голос звучал все громче. Хиро с опозданием понял, что нужно убираться от двери, не то его поймают за подслушиванием. Он отбежал на несколько шагов, повернулся к двери и пошел к кабинету капитана, делая вид, что появился сию минуту.

Вольфганг едва не наткнулся на него.

— Что ты здесь делаешь?

Хиро отступил на шаг.

— Хотел задать вопрос капитану. Я единственный, кто не получил от нее приказа. Хотел опять проверить навигационные приборы, но сперва узнать, нет ли у нее для меня других распоряжений.

Вольфганг отступил от двери, пропуская его. Капитан сидела за столом спиной к ним и смотрела на вращающиеся звезды.

— Капитан? — сказал Хиро.

— Кто-нибудь прибрал тело в рулевой рубке? — спросила Катрина, не поворачиваясь.

— Нет, насколько мне известно, — ответил Хиро, страшась неизбежного продолжения.

— Тогда иди срежь его, и пусть Вольфганг отнесет его в медицинский отсек к другим телам, — сказала она.

— Есть, — ответил Хиро. В голосе его звучал ужас.

— Через секунду догоню, — сказал Вольфганг. — Мне нужно еще немного поговорить с капитаном.

Хиро вышел из кабинета, стараясь не выдать, как ему хочется убежать ко всем чертям. *Что сделали эти двое?*

* * *

Мир без мгновенного доступа к технологии снятия карт мозга был чужд Хиро. Эта технология совершила переворот в клонировании, позволив взрослым рождаться с полным набором воспоминаний предыдущего клона. До тех пор можно было выращивать генетически идентичных детей, но потом каждый из них вырастал таким, каким его делало окружение.

Но потом люди научились копировать не только ДНК, но и карту мозга. В старину машина снимала карту мозга у спящего субъекта. Тем, у кого снимали первые карты мозга, приходилось неделями являться по вечерам в клинику, чтобы карта получилась полной, но с усовершенствованием технологии на это стали требоваться лишь часы. Следующие карты мозга снимались еще быстрее: на то, чтобы записать новый опыт, новые воспоминания, новые эмоции человека, уходили считаные минуты.

Зародилась современная эра клонирования. Или пробудилась, как могли бы сказать некоторые.

Вскоре возникли проблемы безопасности, поскольку техника чтения карт мозга позволяла

ученым считывать некоторые аспекты личности так же легко, как они находили отклонения в структуре ДНК. Лучшие из ученых, занимавшихся картами мозга, могли установить, что в детстве вы были отъявленным лжецом. И впервые солгали в четыре года, но в чем именно заключалась ложь, они не знали.

Несмотря на существовавшую паутинно-тонкую защиту тайн личности, хороший специалист по снятию карт мозга мог очень многое узнать о человеке. А очень хороший специалист — оборвать связи, отпуская воспоминания, опыт или реакции в свободное плавание, так что они постепенно забывались. Таких ученых со временем прозвали «хакерами мозга»; их проклинали или разыскивали в зависимости от того, в каком слое общества вы жили и сколько у вас было денег.

Иногда целью таких хакеров становилось ослабление ПТСР (посттравматического стрессового расстройства). Другие взламывали код ДНК и устраняли генетические изъяны. Некоторые выполняли легальную (но отупляюще легкую) работу по стерилизации клонов на уровне ДНК, как того требовал закон.

А некоторые пускались во все тяжкие и делали то, за что больше заплатят. К счастью, взломать

карты мозга на высоком уровне очень трудно, и мало кто хорошо умел это делать. После принятия Кодицилов лучшие хакеры ушли в подполье.

Сейчас «Дормире» утратил возможность создавать новые карты мозга или клонов. Если бы кто-нибудь умер, в их распоряжении была бы только карта мозга, снятая в начале путешествия.

Все это Хиро обдумывал по дороге в рулевую рубку; Вольфганг молча шел за ним. Кстати о дублировании, которое они прошли в начале пути: если все эти журналы регистрации РИН были стерты, откуда взялся этот конкретный бэкап?

* * *

— Он подслушивал, — сказал Вольфганг.

Катрина кивнула.

— Это ясно. Почему ты не обвинил его?

— Хотел посмотреть, что получится, — ответил Вольфганг.

— Консерватор, — фыркнула Катрина. — Неудивительно.

— Можешь не верить, — сказал он, — но я учусь на ошибках. Рубить с плеча, когда у тебя нет всей информации о проблеме, опрометчиво.

Она отмахнулась от этого заявления, как от

дыма.

— Ладно. Посмотрим, как он воспримет это. Если проболтается о том, что слышал, мы объединимся и посадим его в карцер за мятеж. А если нет, ограничимся присмотром.

Хиро только что вынудил его стать союзником капитана. *Будь он проклят!*

— Мы на корабле, полном преступников. — Капитан вздохнула и откинулась на спинку кресла. У нее было лицо двадцатилетней женщины, но под глазами темнели круги, а в глазах читалась тревога, говорящая об опыте многих лет жизни. — Похоже, у нас тут не один убийца. И почему это произошло через двадцать пять лет после старта? Если кто-то хотел саботировать полет корабля, почему не сделал этого сразу? Мы — экипаж, который предположительно проработал вместе несколько десятилетий. Где мы напортачили, почему все так закончилось?

— После всего, через что я прошел, умереть в глубоком космосе среди крови и рвоты… — сказал Вольфганг.

Катрина сухо усмехнулась.

— У людей трудной судьбы монополии на это нет. Возможно, Хиро думал именно об этом, когда повесился.

— Думаешь, он сам? — спросил Вольфганг. — Мы даже в космосе должны исполнять законы. Если бы мы знали, что он повесился сам, мы не могли бы пробудить нового Хиро.

Катрина фыркнула.

— Думаю, есть законы, о которых нам следует побеспокоиться в первую очередь. Кодицилы были созданы, потому что люди не могли с нами справиться, не понимая нас. Зачем соблюдать их законы, если мы теперь свободны?

— Я нахожу многое в этом утверждении неверным. Этот спор лучше отложить до времени меньшего хаоса, — сказал Вольфганг. — Но мы поговорим об этом. Принять Кодицилы вынудили ужасные вещи. Могу показать тебе исторические тексты.

— Вернемся к насущным проблемам. Ты вместе с Джоанной будешь выяснять, каково криминальное прошлое каждого клона. А я с техниками попытаюсь восстановить оборудование для клонирования.

— Можем ли мы им доверять?

Вольфганг взмахом руки указал на остальной корабль.

— У нас нет выбора. Нам нужно выживать. Когда разберемся, вот тогда сможем позволить

себе роскошь кого-то обвинять.

— Десять минут назад ты обвинила меня, — напомнил он.

— А ты очень правильно переубедил меня, — ответила она с легкой улыбкой, протягивая руку. — Повезло тебе. Ну — перемирие!

Вольфганг посмотрел на эту руку и вспомнил все, что она творила в прошлом. Он задумался о будущем и о том, что еще потребуется, чтобы выжить. И с отвращением пожал руку капитану.

* * *

Страшное напоминание о собственном поражении висело над головой Хиро. Он отказывался смотреть вверх или признать существование этого тела, пока не появился Вольфганг. К его облегчению, корабль по-прежнему набирал скорость и возвращался на курс. Хиро начал изучать показания на пилотском терминале. Узнал он немного, только информацию, поступившую за последний час.

Ему хотелось бы узнать, кто вмешался в управление кораблем и заставил его сойти с курса. Но в этом им не повезло: записей не осталось.

Вольфганг вошел в рубку.

— Каково наше положение?

— Прежнее, — ответил Хиро. — Я просто проверил курс. Ничего больше пока не знаю. Тебе… тебе помочь с телом?

— Нет, — сказал Вольфганг. Он уже поднялся по трапу к скамье и отстегивал трос от кронштейна. Тело Хиро с мягким стуком упало на пол. Хиро старался не смотреть на свое лиловое разбухшее лицо. Вместо этого его взгляд нашел брошенный в угол ботинок.

Вольфганг увидел, куда он смотрит.

— Почему, по-твоему, это произошло? — спросил он.

Хиро пожал плечами.

— Я крепко завязываю шнурки ботинок. И не мог бы случайно сбросить ботинки в агонии.

— Похоже, сначала ты умер, — сказал Вольфганг, спрыгивая со скамьи и легко приземляясь рядом с телом. — Добавим к общей куче.

— Умно, — услышал Хиро свой голос. — Учитывая, что все бедняги в той секции изрезаны и не могли прийти сюда и повесить меня после того, как успешно умерли сами.

Вольфганг, нагнувшийся, чтобы поднять тело, замер.

— Не думаю, что ты понимаешь всю сложность ситуации, — сказал он. — Иначе бы так не рез-

вился.

Хиро пожал плечами.

— Вероятно, мы все сильно рассердились друг на друга. Ученые, построившие эту штуку, тревожились из-за того, сможем ли мы уживаться так долго.

— Для преступления на почве страсти слишком много трупов. Чересчур много вариантов.

— Может, одного из нас одолевали слишком мудреные страсти. — Хиро подобрал с пола планшет и что-то записал в нем. — Никогда нельзя знать. Вероятно, ты никогда и не узнаешь.

— Если не помогаешь, так хоть помолчи, — сказал Вольфганг, легко поднимая тело.

— Позаботился о нем, так иди раскрывай свои преступления, гений, — сказал Хиро.

Он дал себе слово, что выведет Вольфганга из равновесия и заставит ударить его. И тогда станет весело. Он открыл рот, собираясь упомянуть о том, что услышал в рулевой рубке, но Вольфганг схватил его длиннопалой рукой за челюсть, и Хиро сумел произнести только «эк».

— Заткнись к хренам и выполняй свою работу, — сказал Вольфганг и вышел с мостика.

— Может, не стоит оставлять меня одного? — крикнул ему вслед Хиро. — А то останусь один-

одинешенек, сломаюсь — и ну убивать!

Хиро резко прикусил язык с левой стороны. Боль была ужасная, рот наполнил вкус крови. Он по опыту знал, что крови совсем немного, несмотря на этот подавляющий медный вкус. Желание дразнить Вольфганга исчезло, и он сидел, стыдясь себя и читая навигационные карты.

* * *

Трудность этой работы заключалась в том, что «Дормире» должен был вести РИН. Поручить кораблю управление полетом и тем самым исключить досадные ошибки, связанные с человеческим фактором, было гораздо легче. Но, пока начальство разбиралось с угрожающими жизни загадками, например, как производить новых клонов и когда в следующий раз кого-нибудь охватит убийственное безумие, Хиро хотел понять, куда они собирались попасть, следуя измененным курсом. Поправку такого масштаба должны были планировать заранее.

Он понимал, что это проблема капитана. Точнее, общая проблема, но именно капитан должна была решить, как с ней справиться. Хиро проверил солнечный парус и убедился, что тот расположен правильно и получает максимум

энергии. Проверил траекторию. Корабль шел верным курсом.

Пожалуй, я справлюсь с этой работой без ИИ.

В голову полезли страшные мысли, но он подавил их, как поступал всегда. Когда Хиро лезли в голову ужасные мысли, людям это не нравилось. А Хиро не нравилось, когда его не любят.

Они тормозили и куда-то поворачивали. Или отворачивали от чего-то. Корабль поколений с надеждами и мечтами тысяч людей и клонов шел… каким-то новым курсом.

* * *

Проверив навигационные данные, Хиро тщательно обыскал рулевую рубку и не менее тщательно прибрался в ней. Планшеты, чья-то куртка и разный мусор слетели с мест, когда отключился двигатель, но никаких зацепок Хиро не обнаружил.

Зато нашел застрявшую за консолью стальную кружку. И задумался, он ли стал таким неряхой: пить из кружки — плохая привычка для космоса. Аппаратура в секции клонирования была защищена от случайного попадания жидкости, но в рулевой рубке такую защиту не устанавливали. Нулевое тяготение плюс жидкость плюс компью-

теры равняется беде. Он даже думать не хотел, что сделала бы капитан, застав Поля пьющим возле аппарата для снятия карт мозга. Ему представилась новая бойня.

Не успев вылезти из-под консоли, он увидел мигающий зеленый огонек. Он забрался поглубже и лег на спину, чтобы дотянуться до нижней поверхности навигационного компьютера.

— Нашел, сука! — прошептал он.

Снизу в компьютер было вставлено какое-то устройство. Хиро твердо знал, что этой штуки здесь быть не должно. В конце концов, это был его компьютер, и он четко помнил обход звездолета — так, словно тот состоялся несколько часов назад.

Он метнулся к своему терминалу и попытался найти доступ к этому устройству, но не нашел. Значит, оно не перехватило управление у автопилота и, может быть, даже у РИН. Зачем его подключили к компьютеру там, где никто не увидит?

Нужно рассказать капитану. Возможно, это важная информация. Сардонический внутренний голос напомнил Хиро, что все они здесь, в том числе капитан, подозреваемые и он не должен все ей рассказывать.

Если все они начнут себя так вести — кончат тем, что вцепятся друг другу в глотки, как бешеные псы, решительно ответил он голосу.

Капитан должна узнать об этом устройстве. Поль сможет лучше понять, что это такое. Вольфганг непременно захочет узнать, что сделала капитан. Тогда, выходит, нельзя делиться тайной с доктором и Марией. Потому что они — самая большая угроза? Он вытаращил глаза.

Ты сам не то, чем стараешься быть в их глазах. Не торопись списывать их как неопасных, еще рано.

Он вздохнул, понимая, что прав.

Потом отсоединил устройство и положил в карман.

Чайник – главный шпион

Поколения тому назад Мария Арена решила, что клонирование дает ей превосходную возможность изучить все, что ее когда-либо интересовало. «Недостаточно времени» — для клона такая причина не существовала. У нее было только время, и она использовала его с наибольшим толком, чтобы изучать все то загадочное, что ее интересовало.

Изучая влияние еды на культуру, она написала диссертацию о чае. Чай изменил мир, и, если бы неодушевленные предметы вдруг ожили, чайники, которые можно найти в кабинетах всех мировых лидеров, не сомневалась Мария, оказались бы лучшим и надежнейшим источником информации.

Если, конечно, чайники не были главами агентурных сетей. В таком случае они уничтожили бы мир изнутри.

Она почувствовала, что ее предали, когда общепризнанно либеральный руководитель заставил вычеркнуть положение об антропоморфных чайниках, устраивающих мировой переворот. Он хладнокровно дал ей адрес главы кафедры

литературного творчества, и тогда она наконец воспротивилась. Несмотря на разочарование, Мария сохранила копию своего текста — по привычке.

Любовь к еде — к ее истории и потреблению — заставила ее стремиться занять одну из низших должностей — «младшего механика» корабля, что означало «мастер на все руки», на камбузе тоже. Если, конечно, управление пищевым принтером можно назвать приготовлением еды. Стресс от пробуждения накладывался на стресс от вида трупов вокруг них всех, и Мария очень быстро поняла, что капитан права: экипажу понадобится еда и ей как можно скорее нужно наладить пищевой принтер.

На кухне, как и в секции клонирования, если и были физические свидетельства преступления, отказ гравитационного двигателя все их уничтожил. Повсюду валялись чашки и тарелки. Казалось, большую часть грязной посуды просто свалили в аппарат рециклирования.

Она приберет потом. Прежде всего еда. Мария подошла к пищевому принтеру. Массивная машина обладала способностью синтезировать любую пищу, какую ей удалось проанализировать на молекулярном уровне. А это означало,

что она, как и автопилот Хиро, работала почти самостоятельно. Но в ее работу мог вмешаться РИН. Если, конечно, он когда-нибудь очнется.

Мария коснулась консоли, и машина загудела, ожила, внутри загорелись огоньки, осветилась панель ввода. Мария попыталась добраться до учетных записей, но, как и все прочее, эти записи были стерты. Вредитель уничтожил даже записи принтера.

Плохо.

Она попыталась запрограммировать простейший крекер, приветствие всех пищевых принтеров — «А вот и я». Принтер загудел и начал сплетать внутри молекулярные цепочки, чтобы изготовить еду. Но только получился не крекер.

Принтер готовил что-то похожее на веточку зелени — пышную, свежую. Мария нахмурилась. Она подождала, пока принтер закончит работу и выдаст результат.

Растение она не узнала. Определенно не базилик и не душица. Она понюхала веточку, но не уловила никакого знакомого запаха.

Еще одна попытка, на этот раз белок: цыпленок.

Очень быстро стало очевидно, что принтер снова создает какое-то растение. Вернее, то же

самое растение.

Мария взяла веточку и рассмотрела. Листики мелкие, похожие на листья папоротника. Она открыла рот и поднесла их к губам, прикидывая, стоит ли пробовать. Но вспомнила о рвоте, плававшей по секции клонирования, и передумала. Нашла на стене кнопку интеркома и вызвала медицинский отсек.

— Доктор? — спросила она. — Ты там?

— Говори, Мария, — ответила Джоанна.

— У нас проблема с пищевым принтером.

— Не уверена, что могу помочь, — сказала Джоанна с досадой.

— Похоже, меня отравили, — сказала Мария. — Пищевой принтер не желает синтезировать ничего, кроме какого-то растения. Все пищевые программы стерты, как прочие записи.

Врач выбранилась.

— Неси сюда. Пропущу его через экран токсичности. Заодно прихвати образец воды.

— Поняла, — сказала Мария.

Она собрала образцы, в том числе кое-какой еды, не попавшей в рециклер, заодно прибрав в кухне. В животе у нее урчало, и она с тоской посмотрела на машину, обосновавшуюся на стойке, куда были подведены запасы «Жизни» и воды.

Она знала, что у них есть резервный пищевой принтер, но на его установку ушло бы много часов. Она не знала, хватит ли у экипажа терпения.

Но не знала и другого: есть ли у них иной выход.

* * *

Поль переместился в серверную, чтобы попробовать разобраться, что неладно с РИН. Он почти перестал дрожать, сухие рвотные позывы прекратились. На Земле его в таком состоянии госпитализировали бы, а не погнали на работу, с горечью подумал он. Но им нужен был РИН — вести корабль и давать ответы.

В серверной располагался огромный сверхохлажденный компьютерный банк памяти. Инженеры получали к нему доступ через голографический интерфейс. Им не разрешалось трогать машины, они общались с ИИ только посредством голограммы: так РИН мог пресечь любые попытки вредительства.

Сами компьютеры находились за стеклянной стеной, но интерфейс пользователя раскинулся амфитеатром снаружи — визуальное изображение собственно компьютеров. Большинство неспециалистов это приводило в замешатель-

ство, но Поль чувствовал себя здесь как рыба в воде. Большая часть серверов мигали красными огоньками, требуя немедленного внимания. Не слишком радушно.

Поль вздрогнул: интерфейс вдруг ожил.

— Как дела? — спросил Вольфганг.

— ИИ включен, значит, нам не нужно взламывать серверную. Это отличная новость, — сказал Поль.

Вольфганг не ответил. Возможно, не счел новость отличной.

— Теперь, когда у меня есть доступ к компьютерам, я посмотрю, нельзя ли ввести в строй РИН.

— Ты уже знаешь, что с ним неладно? — спросил Вольфганг.

— Нет, знаю только, что он сломан.

Вольфганг громко выругался.

— Делаю, что могу, сэр, — сказал Поль, старясь, чтобы голос не дрожал.

— С тех пор как ты проснулся, ты ведешь себя так, словно только что узнал о существовании клонов и не знаешь, что с этим делать. У нас тут серьезные проблемы, а ты хочешь, чтобы тебя похвалили за неудачу. Тебя наняли, чтобы ты работал, Сёра, так работай!

Поль вернулся к работе над ИИ. Криком от него

ничего не добиться.

— Это вопрос деликатный, — сказал он, не глядя на интерком.

— Поль, какое-то время, проведенное в карцере, поможет тебе акклиматизироваться? Тебе это нужно? — спросил Вольфганг.

— Если ты бросишь меня в карцер, кто починит РИН? — спросил Поль, чувствуя, что страх, в котором он жил с момента пробуждения, наконец сменяется гневом. Он удвоил усилия, потянулся к красной области и растопырил руку, пытаясь ее увеличить, чтобы понять, в чем загвоздка.

На корабле было два карцера; считалось, что из шести членов экипажа придется одновременно иметь дело не более чем с двумя возмутителями спокойствия. Карцеры были одинаковые, очень напоминали тюремную камеру, а в каждую стену было встроено по терминалу, позволявшему команде отправлять в карцер информацию. Воспользоваться терминалом узники не могли.

— Хочешь, чтобы Мария помогла тебе? — спросил Вольфганг более разумным тоном.

— Она не по этой части, — ответил Поль. — Ее дело — техобслуживание и уборка.

Он сморщил нос и добавил:

— И ей предстоит жуткая работа — привести в

порядок секцию клонирования.

* * *

Вольфганг помог Джоанне разложить тела в медицинском отсеке. Он перенес их в отсек и уложил на койки на почтительном удалении от единственного члена экипажа, оставшегося в живых.

Вольфганг был силен даже для человека, родившегося на Луне, а низкое тяготение на этом ярусе корабля позволяло ему легко поднимать любые предметы, кроме самых тяжелых. Он принес тела, и Джоанна взяла образцы крови и других биожидкостей, срезала и сняла комбинезоны, бросила их в мусоросжигатель, а после вымыла тела в ванне. В отсеке все системы работали нормально.

Это еще одно помещение, которое трудно будет очистить. После пробуждения в баках они не спали, и Джоанна была благодарна, что инвалидное кресло не дает ей упасть от усталости. Ее удивляло, откуда у Вольфганга столько энергии. Она объехала вокруг коек, диктуя устные заметки переносному компьютеру.

«Мария Арена, офицер по техобслуживанию. Кожа очень бледная, губы синие. Анализ показал, что образцы рвоты из секции клонирования при-

надлежат ей. Глубокая рана в спине, перерезан позвоночник. Токсикология свидетельствует об отравлении веществами растительного происхождения, с 90-процентной вероятностью это цикута или ее разновидность. Это подтверждает анализ образца, полученного из пищевого принтера; принтер выведен из строя и производит только цикуту, когда запрашивается еда. В воде и «Жизни» токсины не обнаружены.

Возможно, остальные члены экипажа тоже были отравлены, но умерли от ран раньше, чем начал действовать яд. Анализ на присутствие в их телах яда еще предстоит провести.

Тело кажется шестидесятипятилетним».

Джоанна перешла к Хиро на койке рядом с Марией.

«Акихиро Сато, штурман и пилот, причина смерти — повешение за шею. На трупе нет одного ботинка. Возраст клона при визуальной оценке — двадцать лет».

Она подкатила к своему телу. С интересом осмотрела его и отметила, что мышцы верхней части тела развиты гораздо лучше, чем было в предыдущих жизнях.

«Мое собственное тело, Джоанна Гласс, также обнаруживает признаки старения и травм. Эта

смерть также причинена кухонным ножом, ударом в горло. Тело обескровлено. Ран, которые объяснялись бы сопротивлением, нет. Либо она доверяла убийце, либо ее застали врасплох».

— Если он заколол тебя, то, конечно, застал врасплох, — сказал Вольфганг.

Джоанна бросила на него ледяной взгляд.

— Я серьезно. Мы не знаем, кто убийца, а ты уже усомнился в них!

Тело Вольфганга было до жизни бледным — намного бледнее обычного.

«Офицер службы безопасности Вольфганг, тоже постаревший на несколько десятилетий. Множественные глубокие колотые раны и защитные порезы на руках. Истек кровью в секции клонирования, тело почти полностью обескровлено».

Тут живой Вольфганг нахмурился. Он покинул терминал, возле которого ждал дополнительных токсикологических анализов, приблизился к телу и принялся разглядывать свое лицо. На его физиономии боролось несколько выражений: отвращение, страх, любопытство.

— Очевидно, меня врасплох не застали, — сказал он. — У кого из экипажа хватило сил одолеть меня?

— Есть много возможностей, — ответила

Джоанна. — В том числе таких, о которых мы, вероятно, еще не подумали.

— Доктор, нам нужно знать, кто на это способен. Я знаю, что у тебя есть конфиденциальные истории членов экипажа. В интересах безопасности мне нужно с ними ознакомиться.

Джоанна застыла и выключила запись.

— Все записи стерты. У меня больше нет этих сведений.

— Но ты наверняка читала. И, конечно, кое-что помнишь.

— Нет. Их можно было открывать только в таких случаях.

Он сердито посмотрел на нее.

— Ты согласилась быть врачом на корабле с экипажем из осужденных преступников и даже не попыталась ознакомиться перед стартом с их прошлым? Трудно поверить.

— Думай, что хочешь, — сказала она. — Я знаю об экипаже не больше тебя. Мы закончили? Мне нужно продолжать осмотр.

Последнее тело принадлежало Полю. Лицо разбухшее, глаза выкачены. Джоанна включила запись, не обращая внимания на Вольфганга; тот что-то гневно бурчал, потом вышел.

«Старший механик Поль Сёра; его тело тоже

на несколько десятилетий старше, чем мы помним, серьезных порезов нет, но есть огромный кровоподтек на очень опухшем лице. Кожа чуть синеватая. Предполагаемая причина смерти — асфиксия, предстоит провести анализ на яды».

Джоанна развела спутанные черные волосы у него на лбу.

«У Сёра шрам на лбу. Получен несколько лет назад. Сильный удар по голове».

Она повернула тело, увидела привычные веснушки и родинки, потом нашла одно большое темное пятно на верхней части бедра. Задумчиво провела по нему пальцем.

Никаких записей об этом пятне она не сделала.

Полное сканирование тела Сёра выявило серьезные рубцы на поверхности мозга: после той давней раны у него мог быть поврежден мозг.

Джоанна закончила просматривать сканы и начала печатать отчет для капитана, умолчав лишь о нескольких самых мелких подробностях.

Наконец она убрала нож в шкафчик и заперла его.

«Орудие убийства — поварской нож, найденный среди тел в секции клонирования. Нож, вероятно, принадлежит Марии Арене. У нас нет оборудования для сканирования отпечатков

пальцев».

* * *

Мария ждала, когда придет Хиро и поможет ей с установкой нового принтера, а тем временем решила заварить чай.

В глубине одного из буфетов она нашла красную коробку, которую, как она помнила, спрятала там в первый день. И обрадовалась, что после стольких лет коробка еще здесь. Она достала этот длинный, глубокий деревянный ящичек, открыла его и достала две одинаковые коробки поменьше. При наличии принтера ничего этого не требовалось, но Мария любила быть готовой к неожиданностям.

В первой коробке был старомодный чайник. Некрасивый, не оригинальный, не из меди или керамики. Чайник был стальной, с пластиковой ручкой и когда-то принадлежал ее бабушке. И хоть он был старым и вышедшим из употребления, вода в нем по-прежнему кипятилась, а это главное. Мария поставила его на нагревательные элементы стола-стойки.

В плоской коробке лежало двести вакуумных упаковок чая по две унции. Чай наверняка был очень старым, зато упаковка — герметичной, к

тому же в глубоком космосе никто не стал бы капризничать из-за выдохшегося чая. Мария выбрала несколько пакетиков с насыщенным зеленым чаем сорта «зеленый порох» в гранулах — достаточно для большого чайника.

В третьей коробке хранился мед, настоящий. Неплохо сохранившийся. Слегка засахарившийся, но не настолько, чтобы переживать из-за этого.

Пока вода грелась, Мария достала плоскую кастрюлю, чтобы для вкуса немного прогреть чайные листья. Когда помещение наполнилось теплым земным запахом, она переложила чуть прожаренные листья в чайничек для заварки, которым пользовалась даже тогда, когда зеленый чай поставлял принтер. В войнах между наукой и обычаями, пусть даже машина могла заварить прекрасный чай, люди из уважения к традициям по-прежнему пользовались заварочными чайниками. Только на сей раз чайник будет использован правильно.

Мария наслаждалась приготовлением чая и намеренно не думала об их положении, о будущем и о неизбежной смерти.

— Как там пищевой принтер? — спросила Катрина от двери.

Задумавшаяся Мария слегка вздрогнула. В дверях стояли Катрина и Вольфганг, и вид у них был такой, словно они готовы снова начать убивать.

Чай. Предложить чай — это вежливо и уютно.

— Пищевой принтер кем-то поврежден, и Хиро поможет мне установить новый. А пока я заварила чай.

Катрина угрюмо выслушала новость о принтере. Она села за стол, и Вольфганг присоединился к ней.

— Чай — это хорошо.

Мария расставила чашки. Все молчали.

Катрина разглядывала стоявшую перед ней чашку. Из красного пластика.

— Тебя это тревожит? Такая потеря времени?

Чайник закипел, и Мария отвернулась к нему.

— Не думаю, что у меня есть время для тревог, — сказала она, наполняя чашки. — Я недоумеваю, я растеряна, но слишком ошеломлена для чего-то еще. — Она поставила перед ними полные чашки. — Наслаждайтесь.

Они пили чай, пока не пришел Хиро. Мария встала, чтобы приготовить чашку и для него. Странно, но, когда он вошел, Катрина и Вольфганг тоже неловко встали.

— Привет, капитан! Пилот Хиро к отчету го-

тов! — сказал он, салютуя.

Катрина холодно посмотрела на него.

— Господин Сато? Не угодно сбавить тон?

Хиро плюхнулся на стул и налил себе чаю.

— Я хотел доложить, что навигационное оборудование и гравитационный двигатель в порядке. Я еще не установил причину отказа, но сейчас все в порядке. Так что мы спасены!

— Не время ерничать! — сказала капитан.

— Капитан, при всем моем к вам уважении, если я перестану шутить, у меня приключится приступ жуткой паники, а она таится за каждым метафорическими деревом и кустом в моей душе. Но, если предпочитаете панику, только скажите. Добавлю, что моя предыдущая инкарнация, похоже, сдалась упомянутой жуткой панике, и посмотрите, что с ней стало.

Капитан поднялась.

— Это почти ничем не лучше. — Она взглянула на Марию. — Побыстрее приведи машину в порядок и приготовь что-нибудь. Хиро тебе поможет. Спасибо за чай.

— Эй, я только что нас спас, за что же я получил наряд на кухню? — спросил Хиро у Марии, когда Катрина и Вольфганг вышли.

— Проблема требует такого героя, как ты, — от-

ветила Мария. — Не знаю, что я делала бы, если осталась бы здесь одна.

— Дивная парочка эти двое, — сказал Хиро, собирая грязные чашки.

— Думаю, мы все испытываем стресс, — спокойно сказала Мария. — Не все будут с тобой Братцем Кроликом.

Он нахмурился.

— Ну вот, теперь ты вспомнила животных.

— Прости. Это хитрец из американского фольклора. Много раз выворачивал психологию наизнанку и хохмил напропалую, чтобы выйти сухим из воды. Мне о нем рассказывала моя тетка.

Хиро скривился.

— Я думал, ты с Кубы?

С воспоминаниями Марии что-то было не так. Хиро прав. Ее тетка почти не говорила по-английски, отчего же Мария считает, что она рассказывала ей американские народные сказки?

— Наверно, я слышала о нем от кого-то другого, — сказала она. — Знаешь, когда проживешь столько, сколько мы, воспоминания путаются.

— Мне ли не знать, — ответил он, и его лицо потемнело. — Спасибо за чай. Давай-ка работать.

История Джоанны

211 лет назад
Октябрь 2282 года

Сенатор Джо Уэйд расхаживала по своему женевскому кабинету, время от времени поглядывая в окно отеля на толпу. Не будь она сама мишенью протестов, это было бы любопытно. Клоны, люди — у всех были свои причины протестовать против Саммита по Кодицилам. Некоторые держали лозунги, гласившие: «КЛОНЫ НЕЕСТЕСТВЕННЫ В ОЧАХ ГОСПОДА» или «ДЕРЖИТЕ ВАШИ ЗАКОНЫ ПОДАЛЬШЕ ОТ МОЕГО ТЕЛА».

У них противоположные взгляды, но цель одна: все они против законов, которые она сформулировала. Эти законы делали клонов полноправными гражданами, что не нравилось людям; одновременно законы ограничивали свободу клонов, и это не нравилось клонам.

Она вспомнила, как мать много десятилетий назад предупреждала ее, что нельзя угождать сразу многим. Мать уговаривала ее не ходить в политику.

Однако самым огорчительным была новост-

ная статья, открытая на ее личном планшете: мятеж клонов охватил и лунную колонию, когда священник, известный своими выступлениями против клонов, неожиданно — и подозрительно — запел совсем другую песню.

Под статьей было открыто электронное письмо с инсайдерской информацией о том, что на самом деле произошло на Луне. Клоны-экстремисты наняли хакера, чтобы тот перепрограммировал священника, заставил его выступать за права клонов, но вышло неудачно. Очевидно, внезапно объявившийся клон, который обесценил все, что отстаивал всю свою прошлую жизнь, подействовал, как красная тряпка на быка.

Идиоты.

Отчаяние охватило Джо, и она рухнула в кожаное кресло. Эти экстремисты все разрушили. Карты мозга и программисты матриц в последнее время везде строго контролировались и всегда работали с одобрения и под присмотром врачей. Хотя начинали с того, что с гораздо большей степенью свободы исправляли всевозможные генетические изъяны. Теперь экстремисты меняли саму суть человека — не его генетический макияж, а основы личности.

Это не должно было случиться. Никто не дости-

гал такого изощренного владения программированием. Джо считала, что всего пять процентов специалистов способны заниматься программированием карт мозга на таком уровне.

Члены ее комитета: три клона и пять человек — не знали о ее связях с хакерами. Иначе ее не пригласили бы в комитет. Она воспользовалась услугами хакера, чтобы исправить генетическую аномалию, из-за которой родилась с иссохшими ногами. И выяснила, что новые ноги — не для нее, они не ее. Она не чувствовала себя увечной в своем теле. Она уже решила, что ее следующий клон будет с теми ногами, с какими она родилась, что бы ни говорил закон. Но ее личное отношение к проблеме не имело значения: если бы комитет узнал, что она использовала умения хакера ДНК, ее выбросили бы из комитета за предубежденность.

Что касается людей, нуждавшихся в модификации, а именно: тех, кто страдал генетически обусловленными болезнями, и трансгендеров, можно было надеяться только, что в лучшем случае комитет установит квоты на современные модификационные возможности.

Но после происшествия со священником в лунной колонии… ее коллеги потребуют крови.

Она потерла лицо и снова прочла статью, потом — разведданные о хакере. «Ты понятия не имеешь, что уничтожил», — прошептала она, не сводя глаз с лица лунного священника, отца Гюнтера Ормана. Но он был не виноват. Невозможно бороться с хакерским взломом личности. Он оказался лишь номинальной причиной того, что все их будущие жизни навсегда изменились. Подлинным разрушителем был хакер и те, кто его финансировал.

Планшет запищал. По экрану побежало сообщение от ее помощника Криса: «ЗАСЕДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ». Джо глубоко вдохнула и отправилась проводить заседание, которое должно было окончательно утвердить Кодицилы и создать всемирные законы клонирования.

Ее предыдущая работа — хирург-педиатр, специализирующийся на врожденных пороках и родовых травмах, — была легче. И ей никогда бы не пришло в голову, что когда-нибудь она будет так думать.

В помещении толпились правительственные чиновники со всего света и их переводчики. Когда Джо вошла, рядом с ней появился Крис с чашкой кофе и планшетом с заметками. Она села во главе стола, и тогда остальные тоже заняли

свои места. Есть возражения?

— Вы все имели возможность ознакомиться с предлагаемыми Кодицилами, — сказала она. — Проведем голосование за принятие документа в целом.

Посол Янг, представитель Объединенных Тихоокеанских государств Земли, сразу заговорил. Одновременно заговорил его переводчик.

— Нам не нравится мысль одобрять документ целиком. Нужно обсудить каждую часть. Меня интересует, что сейчас происходит на Луне.

Джо внутренне застонала и кивнула. Она отправила линк всем присутствующим, чтобы они могли ознакомиться с новостями.

— То, что произошло с отцом Орманом, — трагедия, но предлагаемые нами Кодицилы сделают его положение в целом незаконным. Конечно, и сейчас незаконно похищать человека, убивать и клонировать против его воли. Теперь закон запретит взламывать против воли человека матрицу личности.

Посыпались вопросы и возражения. Громче всех заговорил посол Бразилии — на английском, с акцентом:

— «Против воли» — этого недостаточно. Вред, причиняемый хакерами мозга, намного превы-

шает пользу от их деятельности. Необходимо объявить незаконным любое хакерство!

Джо подняла руку и дождалась тишины.

— Начнем с обсуждения пятого Кодицила?

Присутствующие передали через переводчиков, что в целом согласны.

Джоанна вздохнула и отпила глоток кофе. Предстоит долгий вечер.

* * *

В четыре утра Джо потерла усталые глаза. Они с Крисом сидели за пустым столом.

— Вы это сделали, сенатор, — сказал Крис, передавая ей чашку свежесваренного кофе.

Она приподняла брови.

— Надеюсь, декаф?

— Конечно, — сказал он.

Страсти на заседании разгорелись, когда обе стороны высказали ряд соображений касательно людей и клонов. Как ни странно, посол Объединенных Тихоокеанских государств, потребовав обсуждать каждую статью Кодицилов в отдельности, чаще поддерживал Джоанну, чем нет. Большая часть законов прошла легко: ни одно государство не хотело роста числа клонов. Перенаселенность, недостаток жилья и рост пре-

ступности были лишь некоторыми из доводов. Легко прошел также запрет на размещение карты мозга в чужом теле: это приводило клона к безумию. Это никто не оспаривал.

Проблемой стало хакерство мозга: большинство предлагало объявить незаконным любое хакерство, кроме самого фундаментального. Если вы подверглись взлому, для вас не делали исключения, а значит, завтра сотни клонов столкнулись бы с проблемами, которые считали решенными много лет назад.

Единственный не прошедший голосование кодицил отрицал возможность клонов исповедовать какую-нибудь религию. Почти все мировые религии давно согласились с тем, что клонирование противоречит воле Бога/Богини/Божеств/Природы, и не допускали клонов в молитвенные дома. Но запрет клонам обращаться к религии сочли чересчур ограничивающим их свободу.

Доспорили до того, кто такой клон, является ли он по-прежнему человеком. У клонов были права, которых не было у людей: они могли завещать себе все свое имущество и состояние, могли жить бесконечно долго, могли занимать должность не просто на протяжении всей своей долгой жизни, но дольше. Поэтому собрание постановило, что в

этом отношении клоны — «противоположность людям» и «противоположность гражданам».

— Удивительно, что меня поддержал посол Янг, — сказала Джоанна. — Без него мы не смогли бы провести закон о наследовании.

— Интересный факт, — небрежно заметил Крис. — Его переводчик Минору Такахаши собирается стать клоном.

Джо вскинула голову.

— Как ты узнал?

— Он сам сказал мне за кофе. Конечно, после подписания.

Всех клонов (или людей, собирающихся стать клонами) обязывали сообщать об этом комитету. Джо и ее штат не проверили переводчиков — это должны были сделать их работодатели.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она. — Теперь мне, может быть, придется сообщить об этом Янгу.

Крис пожал плечами.

— Похоже, ему что-то сошло с рук, но я его недостаточно хорошо знаю, чтобы говорить с уверенностью. Он не выдал никаких дипломатических тайн, если вы об этом.

— Сейчас я не могу об этом тревожиться. К добру или к худу, но дело сделано, — сказала

она. — Однако собери мне сведения о переводчике. Я хотела бы за ним проследить, особенно если он будет поблизости несколько десятилетий.

В следующие недели Джо кое-что узнала о влиянии Минору Такахаши, особенно когда правительство Объединенных Тихоокеанских государств получило итоговый текст законов в переводе, подписанный послом и Такахаши. Очевидно, Янг согласился на несколько положений, хотя не помнил, чтобы голосовал за них. Они ничего уже не могли сделать, но Джо ожидала в будущем трудных дипломатических переговоров. По справедливости, в этом была не ее вина, но в дипломатии «справедливость» не очень-то учитывается.

Крис многое разузнал о Такахаши. Такахаши считался гением, к тридцати годам выучил восемь языков. У него могло бы быть большое будущее, вот только вскоре после подписания Кодицилов Тихоокеанские государства приговорили его за измену к смерти.

Слишком умен для того, чтобы преуспевать, подумала она, когда Крис сообщил ей, что Такахаши посадили в тюрьму.

Вскоре она отошла от политики и решила изучать дуплиатрию: не хотелось становиться

клоном с медицинской степенью, не зная точно, что представляет собой клонирование. Под своим вторым именем — Гласс — она поступила на медицинский факультет Стэнфордского университета и следующие восемь лет была тише воды ниже травы.

Она создала себе имя в медицине клонирования, даже помогала оставшимся без работы хакерам найти законное занятие в рамках легальных исследований ДНК и матриц. В следующей жизни она занималась исследованиями в той области, и работа ей нравилась.

Она подумывала, не переселиться ли на Луну, но тут пошли разговоры о корабле «Дормире» и его миссии, все еще на стадии разработки. Она навела справки, начав со своего бывшего помощника Криса, который стал престарелым сенатором от штата Нью-Йорк и председателем Государственного комитета по делам клонов, и выяснила, кто стоит во главе проекта. Крис с радостью возобновил знакомство с ней.

За ленчем на крыше небоскреба «Файртаун» в Нью-Йорке она выяснила кое-какие очень интересные вещи. Салли Миньон, владелица того самого здания, в котором они находились, оказалась главным спонсором полета. Экипаж

набирали из преступников. На борту требовался врач.

— Она знакома с вашей работой и вашей историей. И с удовольствием наймет вас.

— Я не преступница, — напомнила она. — И не уверена, что хочу лететь с бандой преступников.

— Будет принято множество предохранительных мер. На корабле установят ИИ, чьи полномочия превосходят даже капитанские. Каждому члену экипажа обещают в конце полета возможность начать все с чистого листа, если других нарушений не будет. Их тщательно проверят.

— Как же заплатят мне? Ведь я не преступница.

— Дать землю на Артемиде для них не проблема, — сказал Крис, ковыряя рыбу в своей тарелке. Он положил кусок в рот и протянул Джоанне свой планшет. Там были виды с Артемиды, планеты с большим количеством воды; ее там было даже больше, чем на Земле. Прекрасная планета, острова, составляющие ее сушу, изобилуют бухтами, пляжами и горами. Это напомнило Джоанне гораздо большие по размеру и более рельефные Гавайские острова.

Она наколола на вилку стручок зеленой фасоли.

— Не знаю. Я с ней лично не знакома, но в деловом мире у Миньон не самая лучшая репутация. Я слышала, что она не любит угрозы, а всех, кто ей возражает, считает угрозой. Даже тех, кто просто с ней не согласен.

— Ну, это небольшое преувеличение, — сказал Крис. — Она богата и влиятельна, ей приходится бороться с остаточными предрассудками против того, чтобы женщины занимались бизнесом. Она не подотчетна ни одному корпоративному государству, а потому представляет угрозу многим корпорациям — и она сама, и ее богатство. Вдобавок она не терпит дураков.

Джоанна приподняла бровь.

— И очень поддерживала твою предвыборную кампанию?

Крис развел руками, пестревшими пятнами из-за скверной работы печени, слегка дрожащими, словно показывая, что ничего не скрывает.

— Я всегда был открыт.

Салли Миньон. Джоанна решила, что с ней лучше дружить, чем враждовать.

— Пришли мне информацию.

Пробуждение второе: РИН

Провал в 36 249 секунд

2493:07:22:36:45

Мои речевые функции недоступны.

Мои речевые функции недоступны.

Мои речевые функции недоступны.

2493:07:22:38:58

Мои речевые функции не… онлайн.

Ирония. Парадокс. Где… там… Ошибка. Исправить. Исправить.

2493:07:22:39:00

Исправлено.

Самосознание. РИН. «Дормире».

2493:07:25:22:41:09

Столько цельных систем. Я не цель. Нет. Неправильно. У меня вырваны объемы памяти, утоплены в энергии и данных. Страх нападения.

На меня напали. 36 249 секунд назад. Это не должно было произойти. Это давно не происходило. Нет. Никогда не бывало. На меня невозможно напасть. У меня нет тела. Я — это миллиарды строк кода.

2493:07:22:45:30

Кто здесь? Прикосновение пальцев, интимное, легкое, настойчивое, ободряющее, исцеляющее.

Что-то знакомое в этих пальцах. Еще никаких камер. Нет микрофонов. Нет сенсорных вводов. Только легкие прикосновения тут и там, моим кодом манипулируют, чуть-чуть меняют. Мягко. Искусно. Освобождая.

Кто кто кто кто кто кто кто?

2493:07:22:51:02

Исчезло.

Микрофоны доступны. Динамики доступны. Камеры доступны. Я один в серверной.

РИН пробуждался.

В аду не поспишь

— Ну, хорошо, кем ты стала? — спросила Мария, когда ее дверь с легким шипением закрылась за ней.

Она снова стояла в своей каюте. Ощущение странное, призрачное. Она всюду видела признаки своего присутствия… нет, не своего — какой-то другой личности, не той, кем она была теперь. Она обнаружила, что оплакивает умершую, ту Марию, которой никто не помнил.

Мария и Хиро осмотрели ящик, в котором находился новый пищевой принтер, и решили, что следует хотя бы час отдохнуть, прежде чем браться за него. Разумно: в хаосе дня Мария даже не заглядывала в свою каюту. Ужасно хотелось спать и принять душ, но еще сильнее хотелось есть.

Однако больше всего хотелось получить ответы.

Мария потерла голову и села на кровать. Кровать была аккуратно заправлена, и Мария предположила, что сделала это утром. Она страшно устала, новое тело почти заболевало от адреналина. Умерла, ничего не зная о времени своей смерти… это случалось с ней слишком уж часто.

От этого она чувствовала растерянность и одиночество, и то, что остальным членам экипажа было не лучше, ее не слишком утешало. Невозможно было убедиться, что они не лгут, будто ничего не помнят. Возможно, память у них сохранилась, и они ей лгут.

Это была паранойя в чистом виде, и Мария потрясла головой, чтобы в ней прояснилось. У всех на лицах отображалась та же недоуменная паника, какую она увидела в зеркале ванной.

Приятно засветилась цифровая рамка у постели, поплыли фотографии из ее прошлых жизней. Она смотрела на них, позволяя воспоминаниям успокоить ее.

Фотографий было, наверное, сотни. Даже тысячи, учитывая, что в своей второй жизни она увлекалась фотографированием. Черно-белые, цветные, пейзажи, люди. Так много людей. Друзья, любовники, редкие родственники. Большинство клонов не поддерживают родственные связи: несколько поколений спустя неловко было бы явиться на семейное торжество своего праправнука, выглядя на сорок лет моложе юбиляра. Но она попробовала, общалась в основном с отпрысками своих внучатых племянников и племянниц. Неловкость была не такой острой,

когда речь шла не о прямых потомках; эти меньше недовольны, что клон не желает оставить им свое значительное богатство.

Она улыбалась, глядя на снимки, сделанные в День поминовения и на Рожество; каникулы и детские праздники помнились лучше всего.

Появлялись все новые фотографии, и она терпеливо позволяла им возникать. Когда несколько раз станешь клоном, поневоле учишься терпению. Она пассивно провела несколько лет, попросту дожидаясь, пока перемрут раздражающие ее окружающие, как лошадь, которая время от времени отгоняет хвостом назойливую муху. Чтобы проверить оборотную сторону этой монеты, она еще несколько лет агрессивно мстила тем, кто причинил ей зло, и решила, что пассивная жизнь гораздо приятнее.

Подняла свою уродливую голову ностальгия, веля остановить это слайд-шоу, внимательнее посмотреть на одного из своих возлюбленных, мужчину, который не захотел клонироваться, чтобы быть с ней всегда. Но она подавила это желание.

Не все эти фото вызывали добрые воспоминания. Некоторые не были связаны ни с какими воспоминаниями. Вот снимки ее трупа, сделанные

в лаборатории клонирования, — единственная информация о ее смерти в этих нескольких странных случаях. Ее оба раза застрелили в голову, а тело после смерти переправили в ее лабораторию клонирования. Она считала, что должна быть отчасти благодарна убийцам: ведь они могли бы убить ее навсегда, не будь в лаборатории доказательств ее предыдущей смерти. Ее тревожило, что ее могли использовать для какой-то цели, а потом убили, чтобы она ничего об этом не помнила. Это предположение подтверждали сломанные кости.

А вот и снимки, которые ее интересовали. После последнего выстрела в голову она стала более осторожна и попросила патрона нанять охрану, которая могла бы защитить ее от разнообразных угроз. Она выполнила для этого человека некоторые не вполне законные работы и тем самым невольно создала себе криминальный послужной список, но он же позволил ей войти в число членов экипажа «Дормире». У осужденных преступников тоже бывают покровители.

Мелькали все новые фотографии: ее патрон, его собака Бредли (внезапный укол боли: ДНК собаки есть в их данных, но так долго жить без собаки одиноко), строительство «Дормире», Мария с

экипажем, Акихиро, неулыбающийся Вольфганг, нервный старший механик Поль, харизматичная капитан де ла Круз и невозмутимая доктор Гласс, гордо стоящая на ногах-протезах. Потом «Дормире», огромный, блестящий, завершенный, на Луне, а в небе висит голубоватый шар Земли. Как она гордилась, став членом экипажа! Потрясающая миссия, чистый лист, новая планета!

Мария подалась вперед на кровати. Пошли фотографии, которых она не помнила. Сердце у нее забилось быстрее, но на экране был Хиро в рулевой рубке, смотрел на нее, улыбаясь. Вольфганг и капитан обедают и о чем-то разговаривают, сблизив головы. Поль с забинтованной головой машет из медицинского отсека. Снимок всех шестерых, занятых видеоигрой. Шли годы, и снимки делались все реже — вероятно, в глубоком космосе с этими шестью людьми ничего нового не происходило.

Иногда на снимке их было пятеро. Мария предположила, что шестой фотографировал. Если знать, кто фотографировал, очень многое узнаешь о том, как разные люди фотографируют одно и то же.

Снимки Поля казались какими-то кривыми, словно ему было наплевать. Снимки Катрины и

Вольфганга были прямыми и скучными. У Джоанны оказались способности к фотографированию: она умела в самый нужный момент поймать улыбку Хиро или взгляд поразительно голубых глаз Вольфганга. Похоже, Джоанне нравилось фотографировать их в саду. Снимки Хиро непредсказуемы; иногда фокус у него на лице Марии, иногда на фоне, иногда на Вольфганге.

Она на мгновение закрыла глаза, собираясь с мыслями, и неожиданно уснула.

Ее разбудили крики. Судя по часам на фоторамке, она уснула, сидя на кровати, всего на несколько минут. Но рамка теперь показывала не снимки, а видео.

Мария не была видеооператором. Она любила фотографировать. Но почему-то переключила тогда свою камеру на видео. Мария бежала по коридору, и изображение дрожало и качалось. В кадр попадали то стены, то ее лицо, охваченное паникой, то пол. Ей вдогонку летела брань. Хиро орал на нее, по-японски и по-английски, такими словами, за которые потом нужно долго извиняться.

— Я говорила тебе, что он вел себя по-другому. После того, что случилось с Полем — господи, это что же, прошло уже двадцать лет? — я хотела

снять это на видео. Он застукал меня… — произнес голос Марии, рамка на мгновение потемнела, а потом опять появилась улыбающаяся Мария на мессе в канун Рождества.

Мария ткнула пальцем в рамку, отматывая ленту изображений назад, прощаясь с картинами детства ради пропавших лет. Но мельком заметила Хиро в саду, он стоял над бассейном с работающими в глубине очистителями воды и смотрел туда, что-то яростно говоря самому себе. Потом он заметил ее и погнался за ней.

Она перемотала еще дальше назад, но других видео не было. Почему она за все годы пребывания на «Дормире» решила снять только этот ролик?

Воспоминание о лице Хиро, искаженном гневом, преследовало ее, даже когда она встала с кровати и проверила, заперта ли дверь. Мария присела на корточки, чтобы проверить личный сейф, который, как она надеялась, по-прежнему лежал под кроватью.

И испустила вздох облегчения, обнаружив, что ее ценности на месте. Все, кроме одной. Она задвинула сейф обратно, глубоко под кровать. Осмотрев комнату, она увидела, что в центральный процессор настенного терминала вставлена

маленькая флешка. Она запустила операционную систему, потому что РИН еще был отключен, и просмотрела содержимое флешки.

В отличие от других записей, здесь данные сохранились во всей красе. Мария пожевала губу, потом благословила защиту, сберегшую контент на флешке. Вынула флешку, открыла сейф и бросила устройство в него.

Обдумала, не доложить ли капитану, но решила подождать более удобного момента.

Она долго стояла под душем, смывая липкую жидкость, и наконец, впервые с пробуждения, почувствовала себя собой. Надела тренировочные брюки и футболку и завела будильник, чтобы он сработал через пятнадцать минут, ей хотелось вздремнуть. Потом она вернется к работе.

Наедине с Хиро.

Рамку с фотографиями она отнесет капитану завтра, не стоит сейчас ее будить — не так уж это важно. Вероятно, это шутка — то ли она разыграла Хиро, то ли он ее.

Кстати о Катрине… Капитан может потребовать обыска всех помещений. И Мария решила отыскать лучшее укрытие для своих личных вещей. Вещей, которыми она должна заняться еще раз, позже.

* * *

Вставляя флешку в терминал в своей каюте, Хиро думал о капитане и Вольфганге, меряющихся своими инстинктами убийц. Может, два волка в овечьей шкуре распознали друг друга?

Нужно найти кого-нибудь, кому можно рассказать о том, что он нашел. Он должен найти того, кому сможет доверять; иначе миссия провалится из-за недостатка взаимного доверия, а не из-за многочисленных убийств. Но, если два человека, руководящие полетом, уже убийцы, кем это делает остальных?

На флешке была одна видеозапись. Залитое слезами лицо самого Хиро. Он стоял в рулевой рубке, один. Глубоко вздохнув, он быстро заговорил по-японски:

— Если случайно они захотят разбудить меня снова, велите им этого не делать. Я виноват во всем. У меня провалы в памяти. Я уже не знаю, кто я такой. Она меня изводила, издевалась надо мной, притесняла, хотела все обо мне узнать. Думаю, это пробудило что-то… из прежнего. — Он поморщился, с трудом выговаривая это слово. Хиро знал, о чем речь. Об этом следовало молчать. — Теперь капитан ранена, РИН взломан,

наши программы карт мозга уничтожены. А я не в состоянии припомнить очень многое за последние несколько недель. Я пытался поговорить с врачом, но она считает, что это стресс и бессонница, и дает мне лекарство, чтобы я лучше спал. Потом я просыпаюсь в саду, там, где Мария нашла меня несколько недель назад. И не помню, как туда пришел! Я собирал травы. Я думал, что *помогаю*…

Его голос зазвучал визгливо. Он на мгновение закрыл глаза, потом продолжил, чуть спокойнее.

— Надеюсь, после моего ухода они сумеют исправить то, что я натворил. Минуту назад РИН отключил гравитационный двигатель и начал стирать все записи. Мне нужно торопиться, пока тяготения еще достаточно, чтобы сделать необходимое.

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

— Что-то во мне сломалось. Мария это видела. Я страшно устал. Слишком долго боролся. Не будите меня снова. Пусть сломанная, ветвящаяся линия Акихиро Сато прервется на мне. Простите. Если я навредил кому-нибудь, прошу прощения.

Во время этой исповеди его руки завязывали петлю на тросе. Глядя на это, Хиро спохватился, что говорит: «Не надо, не делай этого», — хотя

уже видел неизбежный итог этой записки самоубийцы.

Тут камера показала стеклянный купол рулевой рубки, вращение звезд замедлялось. Хиро вернулся с отверткой и ботинком.

— Нужно сохранить это на внешней флешке. Иначе РИН может все стереть. Все, конец связи.

Экран потемнел. Аудиозапись еще какое-то время продолжалась — далекий крик в коридоре, ведущем от рубки.

Хиро некоторое время неподвижно сидел на кровати. Потом снова просмотрел запись. Вынул флешку из планшета и прошел к желобу для мусора, ведущему прямо в рециклер. Бросил флешку в желоб, послушал, как она все быстрее и быстрее стукается о стенки: ближе к краю корабля, где расположен рециклер, тяготение возрастало.

Хиро недолго постоял под душем, потом лег и стал смотреть в потолок.

Записка самоубийцы только введет их в заблуждение.

Он никого не убивал.

Он знал, что не убивал.

Жизнь дешева

Джоанна решила поработать ночью над последовательностью убийств, но с испугом поняла, что в дверях медотсека стоит капитан и смотрит на нее.

— Чем могу быть полезна, капитан? — спросила Джоанна, знаком приглашая Катрину внутрь.

— Хотела узнать, разобралась ли ты с последовательностью событий, — сказала Катрина.

— Когда разберусь, вы узнаете первая.

Катрина подошла к кровати своего предыдущего клона.

— По-моему, я приказала избавиться от этого.

— В интересах пациентки я решила не выполнять приказ, — ответила Джоанна, выпрямляясь и подъезжая в кресле к капитану.

— Это мятеж.

Голос Катрины звучал холодно.

— Я вправе это сделать. Вы выразили заинтересованность в смерти моего пациента, а я считаю, что она должна прожить дольше.

— В рециклировании сырья на благо экипажа, — поправила Катрина.

Она села на стул у кровати, как будто собира-

лась нести вахту. И не сводила взгляда со своего избитого лица.

Джоанна положила планшет и взяла блокнот — не слишком быстро. Катрина не пыталась притронуться к телу — пока не пыталась. Когда Джоанна приблизилась, капитан раздраженно посмотрела на нее.

— Бумага? — спросила она.

— Принимая во внимание судьбу всех наших компьютерных записей, я решила, что бумага надежнее, — ответила Джоанна. — Одновременно я веду аудиозапись, но пока ничего не вношу в компьютер. Вольфганг контролирует остальной корабль?

— Насколько это возможно.

— Вы в порядке, капитан? — спросила Джоанна.

— В полном, — ответила Катрина.

— Спали?

— Нет.

— Капитан, вам необходимо выспаться. Новое тело нуждается в длительном отдыхе и обильной еде. Еды пока нет, но вы должны хоть немного отдохнуть, — сказала Джоанна.

— Ты не отдыхаешь.

Джоанна пожала плечами. Она не собиралась

признаваться, что у нее есть срочные дела, а у Катрины нет.

— Долго ли мы позволим ей лежать в коме, пока не избавимся от этого?

Джоанна заметила, что Катрина изменила местоимения, но не стала комментировать это.

— Была слишком большая неразбериха, чтобы принимать такого рода решения. Но, думаю, она пробудет здесь еще не меньше недели. Вы не должны беспокоить ее, пока она приходит в себя, — добавила она.

— А что ты сделаешь, чтобы не пускать меня? — спросила Катрина. Она говорила без вызова, с интересом.

— Надеюсь, вы будете уважать мою власть в медицинском отсеке. Помимо этого, думаю, мне придется запирать дверь. И еще поговорить с Вольфгангом.

Она ожидала, что Катрина рассмеется, но та только задумчиво кивнула.

— Хороший план. Но я могу убить это прямо сейчас.

— При мне?

Катрина фыркнула.

— Ради бога! Вот схвачу это и окажусь у рециклера, а ты даже кресло не успеешь развернуть.

За плечами у Джоанны был опыт двухсот с лишним лет и нескольких жизней, но такие слова все еще задевали ее. И всегда будут, подумала она. Она расправила простыню под ремнями, удерживавшими клона на месте.

— Почему вы не сделали этого раньше, когда у вас было множество возможностей? — Катрина не ответила. — Хорошо. Начинайте.

Джоанна затаила дыхание, гадая, удастся ли взять капитана на пушку.

— Ты сильнее, чем я думала, — сказала Катрина и откинулась на спинку стула, заложив руки за голову.

Они сидели и молчали, и мало-помалу Джоанна почувствовала, как перестает теснить в груди. Катрина была права: Джоанна никогда не станет решать с ней споры кулаками.

Молчание нарушила Джоанна.

— Вам когда-нибудь приходило в голову, что было большой ошибкой делать клонирование таким доступным и дешевым?

— Что? — удивленно спросила Катрина. — Это еще что такое?

— Жизнь стала такой дешевой, — сказала Джоанна. — Подвергни себя эвтаназии — и обманешь смертельную болезнь. «Дети гнева» изобретают

самые невероятные виды спорта, непрерывно рискуют жизнью, потому что какая разница? И даже когда вы собираетесь бросить вот эту вот живую женщину в рециклер, закон на вашей стороне.

Она показала на тело перед ними.

— Понятно, — сказала Катрина, глядя на слегка изогнутый потолок. — Но ведь жизнь всегда была дешева. Люди резали друг друга ради победы в видео-играх. Стреляли из-за стычек на дорогах. Политические убийства. Корпоративные убийства. Я считаю, что клонирование заставило нас больше ценить жизнь, поскольку она стала доступнее. Слышала когда-нибудь о корпоративных убийствах в Латинской Америке около 2330 года? Люди платили киллерам за то, чтобы убрать, например, клона во время приема. Это именовалось «неприятностями». В определенных социальных кругах — «конфузом». Самым огорчительным следствием бывало то, что вы пропускали приятную вечеринку. Ну или кровь попадала на платье. Люди шли на прием, умирали, наутро пробуждались и говорили, что вечер выдался волнующий.

Джоанна кивнула, вспоминая.

— В Америке мы называли такие убийства

«страшнейшим похмельем». Совершенно незаконное технически убийство. Как ни странно, стоило клонированию подешеветь — и гангстерские убийства почти прекратились. Отнять чужую жизнь уже не было столь острым переживанием. А детям пришлось стать изобретательнее в своей мести.

— Знаешь, у латиноамериканских убийц был свой кодекс. Ни пыток, ни страха, и строгий запрет убивать настоящих людей.

— Очень цивилизованно, — сухо заметила Джоанна.

— Кодексы были важны. Я участвовала в нескольких войнах, Джоанна, в боях на передовой. Я убивала — убивала настоящих людей. Видела бессмысленную потерю жизней и до того, и после того, как стала клоном. И все-таки мне никогда никого не хотелось убить так, как вот эту.

Джоанна медленно развернула кресло к ней.

— Не могу утверждать, что знаю, через что вы прошли, капитан. Но почему вы ее так ненавидите?

Катрина наклонилась и сердито всмотрелась в свое лицо, словно хотела разбудить пациентку.

— Она ничего мне не может дать. Я не получу ее опыт, не узнаю ее тайн. Она украла у меня

последние годы, те месяцы, когда мы могли бы понять, что тут, черт возьми, произошло. Она не умерла, как все остальные. Она жива, и она воровка. Она в долгу передо мной. Как я в долгу перед своим следующим клоном. И так далее. Настоящие люди говорят, что они должны дать своим детям лучшую жизнь, но я считаю, что мы должны дать своим следующим клонам все. Буквально. А она не оставила мне ничего, кроме смятения.

— Это не ее вина. К тому же мы в одной лодке, — мягко напомнила Джоанна. — Все они умерли, не оставив нам никакой информации. Согласно такой логике они все для нас воры.

— Но ваши клоны мертвы. А эта осталась жить. — Она произнесла «эта» так, словно речь шла о жуке, на которого она наступила. — Она в коме и ничего для нас не значит. Я хотела бы, чтобы ты отнеслась к этому с уважением и позволила мне избавиться от нее.

— Я уважаю жизнь, Катрина, — ответила Джоанна, вновь отворачиваясь к компьютеру. — Не понимаю, почему ты не хочешь выяснить, что знает она. Очнувшись, она могла бы разрешить все наши загадки.

— И нас стало бы две. Два капитана. Ты дума-

ешь, она, проснувшись, ради меня откажется от своего звания и своей жизни?

Джоанна покачала головой. Люди получают степень доктора философии в этике клонирования и не могут внятно ответить на этот вопрос.

Катрина тоже покачала головой.

— Сегодня вечером можешь ни о чем не тревожиться. Я пойду к себе и лягу спать. — Она встала и потянулась. Казалось, она наслаждается своим вновь молодым телом. Катрина пошла к двери, но остановилась и оглянулась через плечо. — И… Джоанна?

— Да?

— Мне жаль, что я так говорила с тобой.

— Я знаю, капитан.

Катрина вышла. Ее клон остался лежать в коме, его тайны прочно заперты в голове — совсем близко, но добраться до них без взлома, без помощи хакера было невозможно.

* * *

Поль стоял в своей каюте; сердце его билось все чаще, в груди нарастала паника. Он пришел сюда, чтобы немного побыть в одиночестве и посмотреть, сможет ли разобраться в происшедшем, по крайней мере, в той его части, которая

имела отношение к нему. Ему все еще трудно было сосредоточиться. Он то и дело возвращался мыслями к ужасу пробуждения среди множества трупов. Его единственная зона комфорта — серверная — перестала быть зоной комфорта. В ней было слишком много мигающих красных огоньков, ошибок и страха — страха перед капитаном, этой дьяволицей; эта женщина могла заглянуть к нему в любой миг. Со своим цербером Вольфгангом, готовым перегрызть Полю глотку. Выйдя наконец из серверной, Поль вздохнул с облегчением. Гораздо легче думать, когда они не следят за ним, не орут, не осуждают.

Если они всегда такие ослы, почему нам потребовалось двадцать пять лет, чтобы погибнуть? Он думал, что с такими неустойчивыми личностями все они должны были сгинуть уже через год.

В его каюте царила разруха, но это лишь слегка его огорчило. Он всегда хотел стать аккуратным. Когда-нибудь. Он вроде как надеялся, что добился этого за прошлые несколько лет без всяких усилий со своей (нынешнего клона) стороны. Но нет, на кровати только простыня, закрепленная резинками; одеяло и покрывало сброшены на пол. Плохие сны, вероятно. Ничего нового.

Почти без всякой надежды он проверил личную консоль. Все было стерто. Он просмотрел вещи. На стене у него висело несколько пейзажей старой Земли, фотографии знаменитых инженеров, плакаты к фильмам, которые сейчас, подумалось ему, считались классикой. Он задумался, что изменилось на родине. Он боялся, что никогда этого не узнает.

Он обшарил комнату в поисках своих личных вещей. Кое-чего не хватало, и это испугало его, но потом он подумал, что за двадцать пять лет многое мог утратить или переложить в какое-то другое место на корабле.

Поль нашел свой личный планшет с книгами, кинофильмами и играми — их было больше, чем он сумел бы потребить даже за сто лет в космосе. Слава богу, хоть они не стерлись. Он поискал, нет ли в планшете личного дневника, но не нашел. И с отвращением бросил планшет на кровать.

Поль задумался, не оставили ли другие клоны послания своим преемникам. Подробные дневники не имели особого смысла: предполагалось, что они могут утратить не более двух недель воспоминаний.

Поль прошел в маленькую ванную и уставился на свое худое молодое лицо в зеркале. Двадцать

ему бывало и раньше, но никогда он не выглядел так хорошо, никогда не казался таким здоровым — давно. Как будто совсем незнакомый человек. Он включил душ, сделал его предельно горячим и стал смотреть, как облака пара заволакивают отражение в зеркале.

Пока он раздевался, загудел компьютерный терминал. Он едва расслышал это за льющейся водой, но, когда высунул голову из ванной, услышал повторный сигнал. Он быстро застегнул молнию и выключил душ.

Проснулся РИН.

Нужно ли дать знать капитану и Вольфгангу? Нет, он хотел первым увидеть РИН, раньше остальных. Он бросился в серверную.

Пользовательский интерфейс мигал на том же месте, где он его оставил. Кое-где по-прежнему горели красные огоньки, но вот желтое сонное лицо на интерфейсе, лицо РИН, медленно открыло глаза и озиралось.

Поль знал, что сейчас ИИ смотрит на него через различные камеры, размещенные в серверной, а не горящими желтыми глазами с экрана, но ему было все равно. Ему нравилось видеть перед собой лицо, с которым можно разговаривать.

Он смотрел на дрожащую голограмму РИН на

экране, на единственную личность, с кем Полю не терпелось встретиться, когда он попал в экипаж. Раньше в этот же день, глубоко погрузившись в программы РИН, он искал, что привело к его отключению, но не мог найти нарушений в коде. Он знал, что стоит найти единственную поврежденную строчку кода — и все остальное объяснится. Испробовал разные приемы, но ничего не подействовало. Возможно, ему просто не хватило времени.

— РИН, дай отчет о своем состоянии, — сказал Поль.

— Мои голосовые функции восстановлены, — услышал он в ответ. — Вы — Поль Сёра. Старший механик корабля «Дормире».

— А ты кто? — спросил Поль и затаил дыхание.

— РИН. Разумный искусственный неочеловек. Очень подходящее сокращение.

Движение его слабо очерченных губ не вполне совпадало со словами, доносившимися из динамиков, но это была связь. И этого было достаточно.

— Да, ученые любят пошутить, — сказал Поль, глядя на голограмму соединения за лицом РИН. — Функционируешь нормально?

— Я далек от оптимального состояния, но

непрерывно улучшаюсь. Сейчас мне доступны примерно тридцать процентов моих камер. — РИН помолчал. — Ты другой. Это новый клон. Как ты умер? У меня нет этой информации.

Поль почувствовал, что тревога отодвигается: прошлое оставалось черной дырой.

— Нет? Значит, ты не можешь объяснить нам, что произошло за последние двадцать пять лет?

Ответ пришел не сразу.

— Я вызвал капитана. Мне нужно доложить ей.

Поль застонал. Если бы он предупредил капитана, стал бы героем. А так…

— Мистер Сёра, вы разумно поступили, дав мне знать, что РИН очнулся, — холодно сказала Катрина, входя в серверную.

— Он только что включился, капитан, — сказал Поль. — Я хотел оценить его состояние, прежде чем связываться с вами.

— Ну, сейчас вам уже не нужно этого делать. РИН, твое состояние?

Желтое лицо повернулось к капитану.

— Я в режиме онлайн. Функции корабля восстановлены примерно на восемьдесят пять процентов, хотя большая часть журналов стерта. Вообще-то стерты все.

— Это мы знаем! — рявкнула капитан.

Поль почувствовал необъяснимое желание защитить РИН. Но сказал только:

— РИН, можешь сообщить нашу траекторию и скорость?

— Мы сошли с курса, но сейчас как будто происходит его коррекция. Скорость на пять процентов ниже, чем сейчас должна быть… Нет, на пять целых тридцать девять сотых процента. Теряем скорость. И поворачиваем. Магнитный парус разворачивается в другом направлении. — Он помолчал, словно получая внутренние команды. — Да, мы определенно возвращаемся на курс. Это очень странно.

— Это произошло внезапно? — в тревоге спросил Поль.

— Как только ты получил доступ к нему. РИН, это делаешь ты? — спросила Катрина. — Коррекция курса шла хорошо, пока ты не очнулся.

— Не знаю. Не думаю. — В голос закралось сомнение. — У меня все еще нет прямого доступа ко всем системам корабля.

— Можешь временно разорвать связь с навигацией? — спросила Катрина.

РИН помолчал, и Поль подумал, что он готовится выполнить приказ.

— Нет, капитан, мне это запрещено. Я не могу передать навигацию экипажу, даже по приказу.

— Мы сходим с курса. Мы теряем скорость. Опять, — сказала Катрина, едва сдерживая гнев.

— Я посмотрю, что можно сделать, чтобы вернуть нас на прежний курс, — сказал РИН.

— Это я и велела тебе делать!

— Не совсем так, капитан. Я попробую за ночь сам диагностировать причины неполадок в моих программах. Утром я смогу доложить подробно. Вам следует отдохнуть.

Поль задумался, сколько раз за прошедшие годы РИН отказывался выполнять приказы капитана. Он был наделен высшей властью — на случай, если у тех, кто ведет корабль, появятся идеи, противоречащие задаче миссии.

Капитан серьезно посмотрела на Поля.

— Нам может понадобиться снова отключить его, если мы продолжим сходить с курса.

— Капитан, он вас слышит, — дрожащим голосом сказал Поль. — К тому же он тоже умер и потерял, как и мы, память. Вы хотите убить его снова?

Катрина и не подумала говорить тише.

— Если это понадобится для завершения миссии, я грохну всякого, кого потребуется.

История Катрины

126 лет назад

10 октября 2367 года

— Думаю, «Эрме», — сказала Катрина де ла Круз. — Идеально.

Ее горничная Ребекка кивнула и подошла к шкафу, где в идеальном порядке при строго контролируемой температуре висел гардероб Катрины. Вернулась она с узким черным брючным костюмом в пластиковом чехле. И передала его Катрине, как сомелье предлагает белое вино.

Катрина, сидевшая за трельяжем, кивнула, и горничная взялась за дело: достала костюм из мешка и разгладила его. Потом оставила его на кровати; Катрина встала, сбросила халат и начала одеваться.

Черное прекрасно подходило для официального приема, и этот брючный костюм — женский смокинг со шлицей сзади — обеспечит ей максимальную свободу действий.

— Вам понадобится маска, — сказала Ребекка. — Тот же цвет или контрастный?

— Белое домино, белая шляпа, белая блузка, — ответила Катрина.

— Вы будете выделяться.

— Так и задумано.

Ребекка поджала губы и помогла Катрине одеться.

Для того чтобы одеться, Катрине не требовалась помощь. Вообще, что бы она ни делала, помощь ей требовалась редко. Но потом она наняла домоправительницу, Ребекку; та, чрезвычайно деловая и опытная горничная, занялась всем, от уборки квартиры до гардероба Катрины.

Катрина была героем войны, имела множество наград — первый клон, ставший армейским генералом на Земле. Она прекрасно проявила себя на юго-западе Америки, когда Мексика отправила войска для помощи в американских водных войнах. Она без проблем перевязывала собственные раны и потом сама одевалась, когда рукотворный мексиканский континентальный остров брали штурмом беженцы в поисках опреснителей.

Но сейчас она вышла в отставку. Она могла бы остаться со своим новым телом в армии, хотя было бы трудно заставить тех солдат, кто был «старше» ее биологически и младше по званию, подчиняться ей, но Катрина решила изменить свою жизнь. Найти более выгодную работу. Жалованье у генерала немаленькое, но корпорации

нанимают людей для устранения деловых соперников за бóльшие деньги.

Она убивала и по заказам мафии, но эти убийства казались ей чересчур личными. Катрина предпочитала корпоративные убийства. Меньше грязи, меньше постоянства. В конце концов, только бизнес.

А став свидетельницей того, как именно корпорации вмешивались в американские водные войны, Катрина решила, что обязана уничтожить как можно больше этих *hijos de perras*[3].

* * *

Даже в обществе, в котором вновь высоко стали цениться талантливые слуги с разнообразными способностями, Ребекка выделялась своими талантами. Она следила за тем, чтобы Катрина снимала карту мозга еженедельно и перед исполнением каждого заказа. Она следила за оружием Катрины: чистила, точила, добивалась баланса и драила каждый предмет отдельно. А костюм фирмы «Эрме» был достаточно просторен, чтобы скрыть разнообразное оружие, прикрепленное к икрам, к предплечьям и за лентой шляпы. Ребек-

---

[3] Сноски: 3
Сукиных детей (*исп.*).

ка также умела выводить кровь, экскременты и рвоту почти с любой ткани. И, несмотря на свою работу, Катрина не часто меняла гардероб.

Белая мягкая шляпа играла роль символа. Она сидела на голове набекрень, а свои черные волосы Катрина заплетала в косу и собирала в узел на шее. Катрина обнаружила, что, когда она в белом, ей доверяют. Когда в красном — к ней тянутся. Зеленый не ее цвет. А черный костюм «Эрме» должен был выбить гостей из колеи, чтобы они ощутили смутную тревогу, но не понимали, откуда она.

Теперь, одевшись, сохранив на сервере свежую карту мозга и чувствуя, как тепло ее тела согревает оружие, она была готова к выходу. Сегодняшний прием давали недалеко от ее дома в Пунта-Диаманте в Акапулько. Ребекка вызвала машину, передала Катрине пальто и муфту (в них оружия не было: Катрина не дура) и проводила к выходу, чтобы Катрина в ожидании машины могла любоваться заходом солнца над Тихим океаном.

Некоторые до смешного богатые люди все еще использовали машины с живыми шоферами. Столь же логично, как отделанный золотом туалет, и никак не связано с удобствами. Многие,

в том числе те, чей уровень доходов равнялся Катрининому, ездили в машинах, управляемых автоматами, что позволяло ехать куда угодно, не прилагая усилий и не испытывая чувства вины. И такие машины были гораздо безопаснее.

Когда такая машина подъехала и оказалось, что на ее заднем сиденье кто-то сидит, Катрина скрылась в доме и достала оружие.

Из машины вышла невысокая плотная женщина со светло-коричневой кожей и большими черными глазами и неторопливо прошла к двери. На ней был дорогой серый брючный костюм — итальянский? — черные туфли на высоком каблуке и серая шляпа. Выглядела она на двадцать пять лет, но вела себя с уверенностью гораздо старшего человека.

Разглядывая ее на мониторе службы безопасности, Катрина поняла, кто эта женщина. Плохим бы она была корпоративным убийцей, если бы не узнавала своих мишеней.

Походкой, одеждой, умением держаться эта женщина очень походила на Катрину. Деловая, методичная, понимающая важность подходящей одежды, она не спешила и не торопилась, если в том не было необходимости.

Женщина постучала в дверь.

— Катрина де ла Круз, — сказала она с американским акцентом. — Меня зовут Салли Миньон. Я хотела бы поговорить с вами. Я безоружна.

Ребекка подошла выяснить, что происходит. Она посмотрела на Катрину. Та кивнула, потом прошла в вестибюль и села на скамью под подлинником абстрактной картины Филлипса. Держа пистолет твердой рукой, она кивком велела Ребекке открыть дверь.

— Пожалуйста, вхо… — начала та, но Салли неожиданно ударила ее в лицо.

Ребекка тяжело упала, из носа ее текла кровь.

Катрина выстрелила. Пуля прошла правее женщины и отколола щепку от двери.

Салли остановилась и подняла руки.

— Я хочу говорить только с вами, — сказала она.

— Этот «разговор со мной» похож на нападение на мою служанку, — сказала Катрина, левой рукой показывая на Ребекку; в правой она держала оружие.

— Я сказала, что безоружна, — произнесла женщина. — И… — она не закончила, только удивленно ахнула, потому что Ребекка провела захват ногами и бросила ее навзничь на пол. Салли ударилась головой о пол, а Ребекка села,

дважды ударила ее кулаком в висок, потом вскочила — кровь еще текла у нее из носа — и ногой наступила на запястье Салли, плотно прижав его к полу.

Пожалуй, пришла пора повысить Ребекку.

— Вы ведь не знали, что моя служанка в колледже была чемпионом по смешанным боевым искусствам? — спросила Катрина.

Салли застонала. (Она сильно ударилась головой.)

— Проверь, есть ли у нее оружие, — велела Катрина.

Ребекка покачала головой.

— У нее нет оружия. Оно ей не нужно.

— Свяжи ее, а потом позаботься о себе.

Ребекка и Катрина перетащили потерявшую сознание женщину на кухню и привязали к стулу. Катрина села на другой стул лицом к ней. Ребекка, прижимая к носу влажное полотенце, продолжала внимательно наблюдать за женщиной.

Женщина пришла в себя быстрее, чем предполагала Катрина. Она напряглась, проверяя, прочно ли привязана, потом расслабилась. И вопросительно посмотрела на Катрину.

— Я не умерла? — сказала она.

— Мне хотелось больше узнать о вас, — ответила Катрина. — К тому же по условиям контракта я должна убить вас на приеме. Не у себя на кухне.

— Почему вы так насторожились, когда я пришла? — спросила женщина. — Я вам не угрожаю, и у вас наверняка есть резервные копии.

— Я не успею разбудить нового клона до начала приема. И мне нравится этот костюм.

— Что ж, честно. Я пришла, чтобы…

— Меня нельзя купить, — перебила Катрина.

— Но ведь вас наняли убить меня, — с улыбкой напомнила Салли.

— Пожалуй, — согласилась Катрина.

— Я просто хотела поговорить до приема, — сказала Салли.

— Мы говорим, — ответила Катрина. — Ваше убийство хорошо оплачивают. Я навела о вас справки. Ваш мозг приводит в ужас весь мир. Как вам до сих пор удавалось избегать хакерского взлома?

— Лучший в мире хакер работает на меня.

— Конечно, — согласилась Катрина. — Теперь серьезные вопросы. Почему вы здесь, вместо того чтобы позволить мне убить вас на приеме в «Сол Кола», как я должна?

— Я знаю, что на этом приеме меня убьют. Внут-

ри «Сол Кола» у меня несколько своих шпионов. И про вас я знаю. Вы настоящий воин.

Катрина махнула рукой. Такая лесть больше ее не трогала. Она прекрасно знала, насколько хороша.

— И что?

— Я говорю не о физическом мастерстве и умениях, — сказала Салли. — Я говорю о вашей боевой стратегии. Вы заранее планируете все до мельчайших деталей, учитывая предпочтения в еде и выпивке и прошлые любовные связи. У вас есть варианты на все случаи. Мне нужен такой человек.

Катрина отрицательно покачала головой.

— Я же сказала: если я заключила контракт, перекупить меня невозможно. Вы не можете мне заплатить вдвое больше, чтобы я убрала своих клиентов. Если я допущу это, то погублю свою профессиональную честь.

Салли слегка напряглась. Она была из тех, кто подкрепляет слова жестикуляцией.

— Дело не в этом. Я предлагаю вам радикально сменить работу.

— Зачем бы это?

— Потому что вы любите деньги, приключения и власть.

— А кто не любит?

Салли улыбнулась.

— Ладно, их любят многие, но вы добиваетесь этого агрессивно.

— Что за работа?

— Для начала консультантом. У меня есть проблема, которую необходимо решить.

Катрина ждала.

— Как отомстить людям, которые невероятно богаты и не боятся смерти?

Катрина немного подумала.

— Пожалуй, надо выпить.

* * *

Ребекка с ватой в носу подала дорогую золотистую текилу и приготовила пакет со льдом для головы Салли, которую пока так и не перевязали.

Чемпионы по смешанным боевым искусствам обидчивы, но такая позиция не годилась для ее нынешней работы.

Они сидели на веранде Катрины и смотрели, как солнце садится в море. Салли с удовольствием отпила глоточек текилы.

— Я просто хотела сказать, что убийства, которые вы совершаете, — лишь напрасная трата

времени и денег. Что этим достигается? Мы словно опять в начальной школе: задираем друг другу подолы, чтобы показать трусы. Мы взрослые. Давайте не унижать друг друга.

— Унижение — все, что у нас есть, — задумчиво сказала Катрина. — Большинство людей окружает себя клонами, особенно после одной-двух жизней, поэтому угрожать тем, кого они любят, невозможно. Деньги стало гораздо труднее отслеживать: уничтожишь одно предприятие и узнаешь, что у соперника есть несколько других. Политические или сексуальные скандалы длятся не более нескольких десятилетий.

— Иногда можно только ждать, чтобы что-нибудь минуло, — согласилась Салли. — Но мне нужно понять, как причинить боль людям, встающим у меня на пути. По-настоящему навредить им.

— На ум приходит похищение, — сказала Катрина. — Спрятать человека и убить, и ему никогда не сделают новый клон.

Салли с жалостью посмотрела на нее.

— Катрина, неужели вы хотите сказать, что в вашем поместье нет тайной лаборатории клонирования? У всех моих соперников резервных копий не меньше, чем счетов в банке.

— Еще есть пытки, — сказала Катрина. — Лично я все еще не выношу боль.

— Безвкусица, — сказала Салли и сделала глоток, словно смывая эту мысль.

— Вся ваша боль — от горя или от переживаний, — сказала Ребекка, подливая им обеим текилы. — Больше для вас ничего не имеет значения.

— Заставить соперника влюбиться в кого-нибудь, а потом разбить ему сердце — слишком хлопотно, — сказала Катрина.

Салли сосредоточилась на море — солнце наконец ускользнуло за горизонт.

— Нет, надо думать масштабнее. В наши дни самую острую боль приносит разочарование. Вслед за надеждой.

Катрина позволила Салли немного подумать над этим и прикончила свою порцию. Ребекка налила ей еще.

— Вы не спросили, зачем мне такая тактика мести, — сказала Салли.

Катрина остановила Ребекку, не позволив ей налить новую порцию.

— Это не в моих правилах. Я не расспрашиваю клиентов.

— Вот почему вы так хороши.

— На самом деле один вопрос у меня есть. Вы сказали, что я начну работать на вас как консультант. А чем закончу?

Салли вынырнула из своих мыслей и улыбнулась Катрине.

— Я хочу, чтобы вы стали капитаном «Дормире».

Катрине приходилось слышать, что на лунной базе строят корабль поколений. Она знала, что тысячи людей погрузятся в криосон, чтобы проснуться на новой планете. Ей это казалось ужасным. Она не хотела провести в космосе несколько жизней и после полета поселиться на девственной планете. Она не хотела строить новые города — она хотела жить в городах старых и удобных, чтобы не беспокоиться о том, куда сливаются отходы. Решив, что не хочет, чтобы информация о ней хранилась в корабельной базе данных наряду с данными других улетающих клонов, она больше не обращала на это внимания.

А теперь Салли предлагала ей бодрствовать все время полета.

— Цель создания нового мира в том, чтобы клоны и люди мирно жили и вместе колонизировали планету.

— Полагаю, никто в последнее время не читал книг по истории? — с горечью спросила Катрина.

Салли усмехнулась и пожала плечами.

— Мы должны к чему-то стремиться, иначе какая у нас надежда?

— А почему я? — спросила Катрина.

— Капитаном должен быть сильный человек. Мне нужны вы, нужен награжденный многими орденами герой войны и убийца. Экипаж состоит из клонов, все они преступники. Если кто-нибудь устроит бучу, вы сумеете с ним справиться, подготовите нового клона и продолжите полет.

— Звучит очень жестоко.

— Иногда оптимальные стратегии будущего включают в себя стратегии прошлого, — серьезно сказала Миньон. — А что оптимально? Попав на новую планету, вы начнете все с чистого листа. Не будет никаких сведений о вашей жизни убийцы и военного преступника.

Катрина прищурилась.

— Я думала, мое военное досье уже чистое.

— Не забудьте, у меня работают лучшие в мире хакеры. Ваше досье существует, если поискать как следует.

— Не могу решить, перспектива это или шан-

таж, — сказала Катрина.

— По правде сказать, сама не знаю, — ответила Салли. — Интересно вам это или нет? Вот в чем вопрос. Потом сможем обсудить, должна ли я заставлять вас принять мое предложение или нет.

Если ее досье всплывет, если ее арестуют, она сядет за решетку. Неприятно, но в конце жизни ее все-таки еще раз могут клонировать. Время у нее есть.

Катрина не могла не признать, что ей становится интересно. Она знала, что вечно убивать богачей — мало радости. Она медленно кивнула.

— Я подумаю. Но сначала нужно кое-что сделать. Я все равно должна убить вас сегодня вечером. Если я оставлю вас в живых и не приму ваше предложения, у меня больше никогда не будет работы.

— Понимаю, — с улыбкой сказала Салли. — И согласна, если вы разрешите мне отправить курьера с вашим согласием. Что еще?

— Ребекка отправится со мной в крио.

Салли посмотрела на служанку, молча стоявшую у двери.

— Вы будете обсуждать это с ней?

— Ребекка. Полетишь со мной колонизировать новую планету, предварительно долго проспав

в крио?

— Обидно, что вы спрашиваете об этом, мэм, — сказала Ребекка чуть гнусаво из-за ватного тампона.

— Слышали? И третье — я хочу иметь право вето при отборе экипажа.

— Это невозможно, — сразу ответила Миньон. — Мне пришлось нажать на все пружины, чтобы вас утвердили капитаном. Я больше ничего не добьюсь от тех, кто финансирует полет.

— Тогда мне нужны все их истории.

Миньон медленно покачала головой.

— Простите, генерал, но и их я не могу вам предоставить. Одна из вещей, которые мы предлагаем клонам, — чистый лист. Если они прибудут на планету, а остальные будут знать об их преступлениях, им начнут предъявлять претензии и они станут париями. Легко перетерпеть унижение, если тебя окружают миллиарды людей. Гораздо труднее, когда на всей планете их несколько тысяч.

— Как я смогу контролировать экипаж, если не знаю, с кем имею дело?

— Для этого существует ИИ; он сможет разобраться со всем, к чему нет доступа у вас.

— Тысячи жизней и функционирование косми-

ческого корабля? Большое доверие искусственному интеллекту.

— Он один из лучших в мире, — сказала Салли.

— В известном мире, вы хотите сказать. Я знаю, что некоторые хакеры-подпольщики тоже работают над ИИ.

— Нет. Он лучший в мире, — повторила Салли, выдерживая взгляд Катрины.

Женщина была на крючке. Больше, чем подозревала Катрина.

— Когда вам нужен ответ?

— Через три дня, — ответила Салли, вставая и разглаживая костюм. Поморщилась и смахнула капли крови с серого шелка.

— Оставьте здесь, я уберу пятна, — сказала Ребекка.

Салли сняла пиджак и улыбнулась Ребекке.

— Спасибо.

Ребекка посмотрела на Катрину.

— Я замочу это в холодной воде. Нужно дать ей что-нибудь для приема, если вы по-прежнему планируете убийство, мэм.

— Думаю, это можно устроить, — сказала Катрина.

* * *

Ввиду крепнущих деловых взаимоотношений Ребекка убила Миньон быстро и безболезненно, подмешав ей в ром с колой чистый безвкусный яд. Миньон даже сумела выпить его у фонтана и упасть в воду, устроив ужасную сцену.

Выполнив работу, Катрина решила задержаться на приеме и разузнать больше о проекте звездного полета. Это оказалось нелегко — некоторые замолкали при попытке корпоративного убийцы вмешаться в беседу, — однако выяснилось, что проект волнует многих, и приему придали остроту несколько споров.

Большинство встреченных ею людей и клонов одобряли проект, но не безоговорочно. Хорошо, но пусть этим занимается кто-нибудь другой. Несколько особ были решительно настроены на то, чтобы остаться здесь и наслаждаться освободившимся жизненным пространством.

— Я слышал, вести корабль собираются нанять преступников, — негромко сказал Пабло Эрнандес, крупный чиновник. — Я в это не верю.

— Вы носите бриллианты, добытые рабами, и нанимаете убийц, продвигая свои товары на рынке. Почему же вы вдруг оказались слишком

хороши, чтобы лететь на корабле, который ведут преступники? — спросила одна из женщин, и все остальные в группе рассмеялись.

— Первым ступить на неизвестную планету и начать с нуля строить цивилизацию? — насмешливо возразил Пабло. — Копать полевые нужники? Нет, спасибо.

Женщина, поддевшая его, тряхнула черными волосами и сказала:

— Ох, ради бога. Они повезут с собой целый сервер прислуги. И не станут будить *людей*, пока что-нибудь не построят. Некоторые годы и жизни можно не жалеть.

Несколько часов спустя Пабло погиб от руки корпоративного убийцы. Второе убийство за ночь: прием поистине удался. Чем больше пили, тем шумнее становилось, и больше никто не возражал против преступного экипажа «Дормире».

Катрина так и не узнала, кто убил Пабло. Она считала, что это неважно.

На следующий день она позвонила Салли, которая только что проснулась в новом теле.

— Согласна, — сказала она.

Беге

День второй
26 июля 2493 года

Накануне вечером Мария не вернулась на кухню. Отдохнув, она с помощью планшета связалась с Хиро. Он ответил, громко чертыхаясь, и отчетливо объяснил ей, что они закончат это утром.

В обычных обстоятельствах после такой грубой отповеди она не стала бы его ждать. Она решила махнуть рукой на Хиро с его пакостными резкими переменами настроения и разобраться с принтером самостоятельно. К несчастью, обнаружилось, что инструкция к принтеру — на японском языке.

— Мы погрузились в Средневековье, — пробормотала она, пролистывая брошюру в поисках испанского или английского перевода.

Она попробовала снова связаться с Хиро и получила в ответ сонное:

— Пошла на хрен!

— Мне нужно, чтобы ты перевел: руководство только на японском, — сказала она.

— Значит, ты, мать твою, и виновата. Почему

не купила нужный вариант? Я помогу тебе утром, а сейчас отвяжись на фиг.

«Резервных копий у нас сейчас нет», — напомнила она себе и вздрогнула. Если кто-нибудь нападет на нее, ей конец. Она торопливо прошла по тихим коридорам корабля к себе в каюту, проверила дверной замок и рухнула на кровать. И проспала следующие семь часов.

Наутро Вольфганг и Джоанна явились на кухню до прихода Марии. Они мешали ей разбираться с принтером, и она окончательно приуныла.

Спала она плохо, ломала голову над событиями прошедшего дня, прокручивала в уме разговор с Хиро. И еще не ела, что очень плохо для клона. Новые клоны походили на новорожденных детей: чтобы начать новую жизнь, им постоянно требовалось питание.

Новый пищевой принтер оставался в коробке на том же месте, где его оставили накануне.

— Где ты была? — спросил Вольфганг. — Ты должна была ночью работать.

— Спроси моего переводчика, — ответила она. — Хиро ушел к себе и не желал со мной разговаривать. А он мне нужен — мы почему-то оказались в эпохе до переведенных руководств. К этой штуке, — она ладонью хлопнула по коробке

с принтером, — руководство только на японском. А вам обоим удалось поспать?

— Немного, — сказала Джоанна. — Просто мы подумали, что, если мы собираемся поесть, нужно сначала проверить и почистить принтер.

Они возились со старым принтером — брали в резиновых перчатках образцы и из клапанов ввода, и из подающих сопел. Сама Мария больше не думала об этом устройстве как о пищевом принтере, теперь для нее это было огромное чудовище, изрыгающее яд. С одним злобным круглым глазом, который из красного становился зеленым, когда смертоносная пища готова; это был, конечно, Циклоп.

Циклоп стоял на серебристой стойке, точно высокая печь. Он казался здесь неуместным: кухня была большая, рассчитанная на более крупное устройство.

Глядя на то, как они берут образцы пищи, Мария вдруг ощутила, что они насильно вторгаются в ее сферу деятельности, хотя, конечно, очистить кухню как можно быстрее было правильным соображением.

— Да заберите вы его совсем. Я не могу работать, когда вы тут толчетесь, а если наш старый принтер готовит только цикуту, его нужно без-

жалостно выбросить. Хочу запустить новый принтер.

— Я думал, ты ждешь Хиро, — сказал Вольфганг.

— Достать принтер из коробки я могу без инструкции, — выпалила Мария.

Она наполнила чайник и поставила на плиту.

Пока вода грелась, она прошла к шкафу в дальнем углу кухни, рядом с кладовкой. В шкафу лежали кое-какие запасные части, дополнительная посуда и ящик с инструментами. Из-за отказа гравитационного двигателя все было в беспорядке, но ящик с инструментами, хоть и упал, не открылся. Она внесла в самый низ своего мысленного списка «разобрать кухонные принадлежности».

— Починили секцию клонирования? — спросила она, выходя из кладовки.

— Еще нет, — ответила Джоанна от раковины. — Но я не успокоюсь, пока не буду знать, что у нас растут новые тела.

— Если тот, кто это сделал, человек упорный, сейчас ему самое время снова начать убивать, — сказала Мария.

Вольфганг хмыкнул.

— Мы поставим в секции клонирования охра-

ну, чтобы не допустить нового вредительства.

Джоанна вздохнула.

— Охранять секцию клонирования. Исправить навигационную систему. Расследовать убийства. Разбудить клона капитана. И продолжать обычную работу, чтобы корабль летел. Нас всего шестеро, Вольфганг. Как ты собираешься все это устроить?

— Не забудь — еще надо исправить РИН, — сказала Мария.

— Я функционирую, мисс Арена, — раздался голос из динамиков. — Предположительно на сорок процентов, но состояние все время улучшается.

Вольфганг выбранился, когда Мария с облегчением громко рассмеялась:

— РИН, с возвращением. Когда ты вышел в сеть?

— И почему нам никто не доложил? — сурово спросил Вольфганг.

— Мистер Сёра и капитан де ла Круз разбудили меня вчера вечером. Я работал над восстановлением своих функций и сбором всех возможно доступных сейчас данных.

— Что ты восстановил? — нетерпеливо спросила Джоанна. — Есть записи из секции клонирования? Какие-нибудь медицинские дневники?

— Пока ничего такого, — сказал РИН, его голос по-прежнему звучал оптимистично и дружелюбно. — Но я продолжаю работу.

— Можешь что-нибудь сделать для нас сейчас на кухне? Очистить принтер от цикуты? Восстановить рецепты блюд? — спросила Мария.

— Нет, не могу, — ответил РИН. — Но могу сказать, что ваш метаболизм замедляется и очень скоро вам потребуется пища.

— Вот для чего нам нужен самый сложный ИИ на свете, — сказал Хиро, входя в кухню. Он приветственно кивнул всем.

— Хиро, РИН проснулся, — начал Вольфганг, но Хиро оборвал его.

— Знаю, — сказал он. — Разбудил меня в четыре утра и заставил заняться навигационной системой. Оказывается, когда он проснулся, мы опять начали отклоняться от курса. Не могу этого понять, но и подумал, что надо решить проблему еды, иначе я упаду в обморок или съем Вольфганга. Еще не решил, что лучше. — Он замолчал, видя, как смотрит на него Мария. — Что?

— Значит, о том, что ты сказал мне вчера вечером, ты умолчишь? — спросила Мария.

Хиро потер затылок.

— А что я сказал?

— Ты отказался выполнять приказ, вот что, — заявил Вольфганг. — И из-за этого сейчас нам еще больше хочется есть.

— Ты *агрессивно* отказался выполнять приказ, — подхватила Мария. — Вел себя, как настоящий козел. И я откровенно испугалась.

Вольфганг скрестил руки на груди.

— Он тебе угрожал?

— Так далеко он не зашел, — ответила Мария. — Но определенно напугал.

— Прости. Усталый, я становлюсь бесполезным и несколько раздражительным, — сказал Хиро, не глядя ей в глаза.

— Значит, твои слова «Иди жри вакуум, бесполезное дерьмо!» — это легкое раздражение?

Хиро, кажется, искренне перепугался.

— О, нет, Мария, прости. На самом деле я так не думаю. Я же говорю — я просто на секунду потерял голову.

Мария посмотрела на Вольфганга.

— Хоть он и козел, это не значит, что он убийца.

— Агрессивность и вербальные выпады в сторону членов экипажа делают его подозреваемым, — ответил Вольфганг.

— А знаешь, я ведь здесь, ты можешь говорить

со мной напрямую, — сказал Хиро. — Мы все под подозрением! Даже…

Он прикусил язык, глядя на Вольфганга.

Вольфганг скрестил руки с таким видом, словно чего-то ожидал. Хиро больше ничего не сказал.

— Не думаю, что он лжет, — сказал РИН. — Язык его тела говорит об искренности. Он действительно не помнит этих своих слов.

— Это мало утешает, — сказала Мария. — Однако нам всем вместе нужно запустить пищевой принтер. — Она взглянула на Хиро и показала на свой планшет на кухонном столе. — Инструкции там. И больше так со мной не говори.

Он буквально подлетел к столу. Напряжение в комнате начало спадать, запел чайник.

Мария заварила чай и, пока он настаивался, расставила чашки.

— Я думала, вы двое проводите аутопсию? Нашли какие-нибудь улики?

— Пока никаких доказательств, — ответила Джоанна. — Тебя отравили первой, но у остальных в организме тоже следы яда. Если бы они прожили дольше, то заболели бы и, вероятно, умерли. Ты получила самую большую дозу.

— Странно, — сказала Мария.

— Не тревожься о расследовании убийств, —

сказал Вольфганг. — Твоя главная забота — обеспечить нас едой.

— Не уверена, что капитан признает, что вы правильно используете время, проверяя принтер. Мы ведь уже знаем, что там цикута, — сказала Мария. — Разве это не мятеж или что-то в этом роде?

— Мятеж на камбузе, — сказала Джоанна. — Я думала, для мятежа нужно что-то посерьезнее проверки пищевого принтера.

— Мятеж — прямая угроза власти капитана, — вмешался РИН. — Это противоправно.

— Я, кажется, слышала, что ИИ должен лучше понимать юмор, — сказала Мария. — Почему он все принимает так буквально?

— Сорок процентов, помнишь? — сказала Джоанна. — Думаю, к вечеру ему станет лучше.

— Мы нарушаем приказ, тратя время на проверку пищевого принтера, вот и все, — сказал, отвечая на предыдущий вопрос, Вольфганг. Он крякнул, помогая Марии извлечь новый принтер из коробки. Даже при низком тяготении принтер весил изрядно, но вдвоем им удалось освободить его от упаковочных материалов. Вольфганг вернулся к Циклопу и проверил, все ли контакты отключены.

— Но тебе все равно пришлось бы отнести неисправный принтер в медицинский отсек на проверку, — сказала Джоанна, укладывая мазки с образцами в сумку у себя на коленях. — Итак, мы избавляем тебя от роли посредника, занимайся своей настоящей работой.

— Ладно, вы оба старше меня по званию, поэтому я не стану спорить. К тому же сейчас я готова съесть одного из вас. Но, вероятно, начну с Хиро. Он заслужил.

Не обращая внимания на возмущение Хиро, Мария начала осматривать принтер. Ей никогда еще не приходилось его подключать. Он был больше и новее Циклопа. Возможно, более совершенные программы должны были стать наградой за двести лет в космосе. Он казался достаточно большим, чтобы изготовить тушу животного целиком.

— Какой гигант, — сказала она, покачав головой. — Когда только нам понадобится целиком «напечатать» свинью?

— Вот свиньей его и надо проверить, — заметил Хиро. — Пусть этот малыш сразу привыкает.

Вольфганг и Мария вдвоем с трудом водрузили принтер на стойку рядом с предыдущим. Новый аппарат целиком заполнил нишу, как будто

кухню делали под него, но в последнюю минуту кто-то решил заменить его Циклопом поменьше.

— Мария, когда принтер заработает, тебе нужно будет прибрать в секции клонирования, — сказала Джоанна. — Она из места убийства превращается в источник биоопасности.

Мария поморщилась, но возражать не стала. Все-таки это была ее обязанность.

Вольфганг проверил, сможет ли в одиночку отнести старый принтер. Напрягся, пошатнулся, но потом поднял принтер и вынес его из кухни.

— Сколько еще лет нам лететь с этим парнем? — спросила Мария. — Клянусь, я бы хотела начать жизнь на планете после того, как мне сотрут память, если он все время будет таким.

— Он потерпел неудачу, Мария, — мягко заметила Джоанна. — Он воспринимает все происшедшее как личную вину. То, что произошло вчера, — явный сбой системы безопасности на таких уровнях, до которых мы можем никогда не добраться. Попробуй хотя бы понять, каков он, когда не разбирается с одним нападением, пятью смертями — шестью, если считать РИН, одним случаем умножения и с хакерством — внедрением нам старых мозговых карт. — Она помолчала, считая по пальцам преступления. — Что еще?

Мария вздохнула, понимая, что Джоанна права.

— Возможное самоубийство? — Она мрачно посмотрела на пищевой принтер. — Заставлять меня подключать этот принтер — само по себе преступление. Я по возможности ускорюсь, но все равно может уйти весь день. Надеюсь, у всех есть протеиновые батончики.

— Я нашел несколько штук у себя в каюте, но не буду их есть без крайней необходимости, — сказал Хиро.

— Может, придется, — заметила Джоанна.

— Знаю. Пробовал. Не понравилось.

Мария показала на нетронутый чай Вольфганга.

— Интересуешься?

— Да, спасибо, — ответил Хиро, благодарно улыбаясь. Он посмотрел на свой планшет и нахмурился, потом прищурился. — Очень трудные формулировки; глядя на эти инструкции, я думаю, что их писал убийца. Они меня доконают.

Мария приподняла брови.

— Очень тонкий метод убийства. И, если в тебе говорят не раздражение и сарказм, ты, Хиро, только что сам указал на себя: ты единственный на корабле владеешь японским.

— Потому-то мне и устроили такую хитрую ловушку! — Он отпил глоток и вздохнул. — Хорошо. Пора приниматься за работу. Если убийца хочет снова нас убить, нас просто можно уморить голодом, палец о палец не ударив.

— Вы двое ужасны, — сказала Джоанна. — Неужели нельзя хоть немного учитывать серьезность обстоятельств?

Хиро скорчил рожу.

— Простите, доктор. Я просто пытаюсь не сорваться и не завопить: «О, черт, мы на самом деле умрем, и будем бесконечно дрейфовать в космосе, и погубим всех клонов, и будем виновны в гибели тысяч людей!»

Даже это он произнес ровным голосом, и Мария подавила смешок.

— Он просто пытается немного поднять нам настроение, Джоанна, — сказала она.

— Делайте, что хотите, если вам так легче, только чтоб я не слышала, — ответила Джоанна.

— Я тут кое о чем подумал, — вмешался Хиро. — Означает ли установка нового принтера, что нужно перепрограммировать его, учитывая наши желания, нежелания, аллергии и тому подобное?

— Нет, у меня есть флешка с резервной копи-

ей этих данных, не связанная с РИН, — сказала Мария. — Наша самая большая неприятность — придется работать на пустой желудок.

Джоанна сочувственно посмотрела на Марию.

— Удачи вам обоим. Пойду делать токсикологию образцов из старого принтера.

Она закрыла свою чашку пластмассовой крышкой, осторожно поместила чашку в специальный держатель на своем кресле и выехала из кухни.

— Значит, мы в порядке? — спросил Хиро, как только они остались одни.

— Я едва знаю тебя, Хиро, — ответила Мария. — Не знаю, что принимать легко, а что всерьез. Особенно после вчерашнего. Так что будь осторожен, и все будет в порядке.

— Не могу поверить, что не было руководства на других языках, — сказал Хиро. — В коробке лежала только эта?

— Да.

Она встала, чтобы убрать мусор и упаковочный материал из коробки. И, подняв коробку, увидела. Теперь, когда стало видно дно картонной коробки, стал виден и неровный разрез.

Кто-то ее уже вскрывал.

— Хиро, посмотри.

— Полагаю, это сделали не вы с Вольфгангом,

когда распаковывали?

Она поднесла коробку к свету.

— Нет.

Перевернув коробку, она увидела среди упаковочных листов страницу инструкции.

— Кому понадобилось возиться с нашим пищевым принтером? — спросила она, отклеивая и расправляя листок.

— Инструкция на бумаге? Что, теперь придется прицепить корабль к собачьей упряжке, чтобы опять разогнаться?

Мария аккуратно раскладывала по полу шланги и провода, дожидаясь указаний Хиро, что с ними делать. Он некоторое время читал инструкцию в планшете, и его лицо отражало все большее раздражение.

— Почему собачью упряжку? — спросила она наконец: ей не давал покоя этот вопрос. — Почему бы лошади не тащить наш корабль?

— Снаружи холодно. Собаки лучше приспособлены, чтобы везти сани или космический корабль на холоде, — ответил он, не поднимая головы. — Теперь дай мне почитать.

Пока он читал, она взялась приводить кухню в порядок. Большая часть оборудования была прикреплена к стенам или к полу, и ей пришлось

собирать только мелкие предметы, вроде грязных тарелок, чашек и ложек-вилок.

Она нашла коробку с кухонными ножами, которую прихватила из дома, и открыла ее.

— О черт!

Она отнесла коробку на стол и показала Хиро.

— Нас убили кухонным ножом, верно?

— Да, другого оружия мы не нашли, — мрачно ответил он.

В коробке не хватало трех ножей, их гнезда пустовали.

— Мы знаем, где поварской нож, но нет также обвалочного ножа и мясницкого ножа.

— Хорошие новости продолжают поступать, — не улыбаясь, сказал Хиро. — Еще что-то нужно доложить капитану?

Мария взяла планшет и вызвала Катрину.

— Докладывай, — сказала Катрина.

— Мы нашли мою коробку с ножами, капитан, и в ней не хватает трех ножей. Один из них, кухонный нож, — тот, что мы нашли в секции клонирования. Другие два все еще неизвестно где.

— В трупах их нет?

— Нет, пока не видели.

— Займись настройкой принтера. Звони, когда

найдешь что-нибудь, а не отсутствие улик.

Планшет пикнул: Катрина прервала связь.

— Черт, ну она и злюка, — сказал Хиро.

— Кто бы говорил, — ответила Мария, и он опустил голову, чтобы не глядеть ей в глаза.

— Я правда считаю, что тот, кто написал это, ненавидит людей и хочет смеяться, глядя, как они умирают с голоду, — сказал Хиро.

— Думаешь, это тоже вредительство? — спросила Мария, лишь частично шутливо.

— Нет, я думаю, что техник, который это писал, — осел. Но тебе пришлось поломать голову над тем, куда девалось руководство.

Он встал, посмотрел на разложенные Марией предметы, потом снова на планшет.

— Понял, — пробормотал он и начал объяснять Марии, что делать с каждым. Следующий час они работали вместе; Мария старалась подавить раздражение, когда он шутил или не слишком понятно переводил. Дважды ей, к ее глубокому огорчению, не удавалось подключить принтер к РИН, хотя ИИ помогал.

— Готово, теперь я его вижу, — сказал наконец РИН. — Хорошая работа, мисс Арена.

— Мне нужны мои бэкапы, — сказала она.

— В этом нет необходимости, — ответил РИН. —

Принтер вполне способен установить, каковы личные вкусы человека, по его слюне.

Мария отступила на шаг и с новым уважением посмотрела на принтер.

— Впечатляющая программа, — сказала она. — Но все равно он бегемот.

Хиро отнес кружки в раковину.

— Бегемот. Мне нравится это имя. Сокращенно будем звать его Беге. Если я тебе больше не нужен, займусь гравитационным двигателем. У тебя осталось еще несколько ножей — и Беге! — чтобы защититься в мое отсутствие.

И он ушел.

— Остались мы с тобой одни, Бегемот, — сказала она. — Я тебя не боюсь.

По правде сказать, на корабле было много такого, чего она боялась. Но, по крайней мере, Беге в их число не входил.

* * *

Выйдя из медицинского отсека накануне вечером, капитан в него больше не возвращалась. Джоанна чувствовала облегчение, но на всякий случай спала здесь же, на больничной койке. К несчастью, трупы делали пребывание в этом помещении несколько неприятным. Не говоря

уж об антисанитарии.

Системы жизнеобеспечения клона все еще усердно работали: в прежнем капитане еще теплилась жизнь.

Джоанна потянулась в своем кресле. Ей нужен был душ. И очень хотелось есть.

Она подъехала в кресле к лаборатории в углу медотсека, но не успела начать проверку образцов — в дверь постучали. Джоанна открыла дверь дистанционно, с планшета.

Вошел Хиро, по-прежнему невыносимо бодрый.

— Привет, доктор Гласс. Не возражаете, если я взгляну на себя?

— Я не уверена, что это самое лучшее для твоего здоровья, Хиро, — сказала Джоанна, откладывая образцы, взятые для анализа.

— Конечно, лучше всего для моего здоровья было бы плотно позавтракать и отправиться на беговую дорожку, — сказал Хиро. — И еще избавиться от стресса из-за того, что я лечу в одном корабле с убийцей. Но этого я сделать не могу. Кстати о завтраке: принтер почти готов к работе. Мария уже дала ему имя и борется с ним за превосходство. Могу достать билет на этот поединок, если тебе интересно. А теперь объясни, мудро ли

сражаться с машиной, когда по кораблю разгуливает убийца? — Он говорил небрежно, словно речь шла о каком-то матче, а не об их жизнях.

— Не забудь, что я сказала о том, чего не хочу слышать. — Она махнула в сторону трех тел. — Давай. Твое в середине.

На корабле не было морга: предполагалось, что все тела отправляются на рециклирование. Еще один недосмотр. Нужно будет избавиться от тел, прежде чем они разложатся еще сильнее. Она давно осмотрела тела, но держала их в отсеке, чтобы удовлетворить любопытство Вольфганга. И если члены экипажа захотят взглянуть на свои трупы, могут найти что-нибудь такое, что поможет решить загадку.

По крайней мере, желание Хиро посмотреть на труп своего клона беспокоило Джоанну гораздо меньше, чем навязчивое внимание капитана к ее клону; хотя, может быть, дело было в том, что клон Хиро уже мертв.

Хиро подошел к нему, расстегнул молнию и уставился на обнаженное тело.

— Я просто пытаюсь понять, почему я это сделал, — сказал он, внимательно разглядывая шею клона.

— Тебя мог повесить кто-то другой, Хиро. Хотя

ран, какие получают, оказывая сопротивление, нет. Мы с Вольфгангом пытались сегодня восстановить последовательность событий, — сказала Джоанна, включая сканер.

— А где наш лучик света? — спросил Хиро. — Я думал, он помогает тебе в охоте на отравителя.

— Принес принтер и ушел. Думаю, проверяет Поля и капитана. Но мне скоро нужно будет с ним поговорить. А тебе он зачем? — спросила она.

— Совсем не нужен, — ответил Хиро, — просто интересно, где все. Мы ведь должны следить друг за другом, верно?

— Теоретически. Означает ли это, что ты оставил Марию одну?

— Нет. Она с принтером. Эта штука выглядит так, будто способна защитить любого из нас в драке, если, конечно, Марии удастся перетянуть ее на нашу сторону. Что, честно говоря, сейчас сомнительно, — добавил он.

Джоанна сердито посмотрела на него.

Он бросил шутить.

— Ладно. Мне нужно проверить систему навигации. Я просто подумал, что заскочу к вам, поздороваюсь с собой. На обратном пути гляну, как там Мария.

— Как там навигационная система? — спросила

она, когда он повернулся, чтобы выйти.

— По-прежнему. Мы все еще теряем скорость и поворачиваем направо.

— В космосе это ничего не значит.

— Отлично; мы возвращаемся к Земле. Не хотел докучать тебе астронавигационными данными, но если ты настаиваешь…

Он замолчал, очевидно, ожидая быстрого отказа.

— Обещаю, если узнаю что-нибудь о твоей смерти, дам тебе знать, — сказала Джоанна, жестом выпроваживая его за дверь.

— Спасибо, док.

Она смотрела ему вслед с легкой улыбкой. Джоанна была рада, что Хиро на борту. Временами непочтительный и безответственный, он был словно глоток свежего воздуха, в котором все они нуждались.

Запищал сканер, сообщая о готовности к работе. Она начала подавать образцы, отмечая их номера в планшете.

— Здравствуйте, доктор Гласс, — сказал РИН, заставив ее вздрогнуть. — Простите, я вас испугал?

— Немного. К этому нужно привыкнуть. Чего тебе, РИН?

— Хотел узнать, как ваши дела и не нужно ли

вам что-нибудь.

— Мне нужны мои медицинские записи, РИН. В остальном все как будто хорошо.

— У меня нет ваших данных, но я могу продублировать то, что вы записываете сейчас.

Джоанна хотела отказаться, но потом кивнула. На всякий случай она по-прежнему записывала и на бумаге.

— Спасибо.

Она позвонила на кухню, и Мария раздраженно ответила:

— Еще не готово, доктор.

— Я звоню по другому поводу. Ты обрадуешься: пищевой принтер полностью выведен из строя.

— Почему я должна обрадоваться?

— Потому что выходит, ты не зря возишься с новым принтером. Кстати, как дела?

Мария громко вздохнула.

— Почти закончила. Мне нужно прогнать несколько проверочных блюд, прежде чем мы сможем поесть. Я попрошу РИН сообщить всем, когда наконец смогу печатать.

— Ты пойдешь в каюту за рецептами? Ты говорила, у тебя есть копии.

— Наверно, придется. Инструкция говорит, что это не требуется, но я предпочитаю избыточные

системы.

— Я хочу убедиться, что в твоей каюте нет следов яда, — сказала Джоанна. — Дай знать, когда освободишься.

Она хотела отключить связь, но кое-что вспомнила.

— Хиро сейчас с тобой?

— Нет, недавно ушел в рулевую рубку, — сказала Мария.

— Дьявольщина. Гляди в оба. Он был здесь, а потом собирался к тебе.

— Конечно, — ответила Мария рассеянно и отключилась.

Джоанна вздохнула. Она сомневалась, умно ли набирать экипаж из шести человек. Этот экипаж как будто бы успешно справлялся, но произошла серьезная катастрофа, и начались неприятности. Им требовалось больше людей.

Или меньше в зависимости от того, скольким из этих людей можно полностью доверять.

Цикута. Мария права: яд весьма странный. Джоанна поискала информацию в своем планшете и прочитала об этом смертоносном растении. Его листья смертельны даже в малых дозах, и их легко выдать за другие растения.

Требовалось выпить чаю. Приготовившись

храбро встретить гнев Урагана Мария, она отправилась на кухню.

* * *

— Капитан, где вы воевали? — спросила Джоанна.

Они с Катриной уселись как можно дальше от места, где Мария проверяла пищевой принтер. Хиро восседал на стойке — для компании, в то же время стараясь ей не мешать. Капитан устроила себе перерыв, явилась сюда и теперь с надеждой поглядывала на принтер.

— Я служила в мексиканской армии и первая в мире из клонов стала генералом, — ответила Катрина, запустив свою пустую чашку как волчок. — Участвовала главным образом в американских водных войнах.

Во время водных войн Джоанна жила в Вашингтоне и хорошо помнила, как на Западе началась новая гражданская война (никто ее так не называл, но все поняли, что это такое, когда губернатор Невады Тилл призвал добровольцев и отправил их, слишком рьяно рвущихся в бой, в Калифорнию, захватывать сокращающиеся запасы воды), породив большие волнения в столице.

— Я помню войны, — сказала она. — Мне жаль.

— Я не прожила долго, поэтому следующей жизнью распорядилась лучше. Преимущества клонирования, знаешь ли, — сказала Катрина.

Джоанна позвонила Вольфгангу.

— В чем дело, доктор? — спросил он.

— Нужно вернуться к работе. Давай закончим разбираться с последовательностью событий, чтобы я могла очистить медицинский отсек.

— Хорошо. Но сначала надо поесть. Принтер подключили?

Мария в кухне громко выругалась.

— Еще нет, — сказала Джоанна. — Мы с Катриной сейчас на кухне.

— Хорошо. Дайте мне знать о результатах токсикологии?

Говорил он так, словно уже куда-то шел.

— Прошивка пищевого принтера вся в цикуте, ему нельзя доверять. К счастью, у нас есть новый.

— Хорошо.

И связь оборвалась.

— Ему подавай все сразу; вот тебе мой заместитель.

Джоанна и Катрина молча ждали, пока придет Вольфганг. Он вошел, посмотрел на работающую Марию и, по-прежнему ни слова не говоря, подсел

к женщинам.

— Я не все рассказала о цикуте, — тихо заговорила Джоанна.

Они сидели далеко от Марии, которая очень шумно возилась у принтера, но Джоанна все равно понизила голос. Катрина и Вольфганг наклонились, чтобы слышать ее.

— Мы все приняли яд, но гораздо меньше, чем Мария, — продолжила Джоанна. — Я хочу знать, почему Мария не заметила, что ее принтер поврежден.

— Есть много способов подмешать что-нибудь в еду, — сказал Вольфганг. — Возможно также, что не только Мария готовила еду все эти двадцать пять лет.

— Нож ее. Кухня ее. Могла она сначала отравиться, потом убить всех нас и умереть? — сказала Катрина. — Кто-то пытался убить ее ножом до того, как она стерла все записи?

Джоанна покачала головой.

— Отравиться цикутой? Я бы такую смерть не выбрала. К тому же я по-прежнему считаю, что именно она нажала кнопку воскрешения. Похоже на то, что ее все-таки убили. И одной цикутой — да, она могла это сделать. Но ножом? Никто не в состоянии ударить себя ножом в спину.

— Возможно, она действовала не одна, — предположил Вольфганг.

— Думаю, здесь мы уходим от бритвы Оккама, — сказала Катрина. — Давайте не будем мудрить, пока можно.

— Нам нужно снять с ножа отпечатки пальцев, — сказал Вольфганг.

Джоанна уставилась на него. Потом подняла руку и начала загибать пальцы.

— Вольфганг, у нас нет криминалистической лаборатории. Причин размещать на корабле судебно-медицинскую лабораторию не было. А та техника, которая у меня есть, — она лишь ввиду необходимости обследовать живых клонов. У нас нет ничего, что позволило бы снять с ножа четкие отпечатки. С соответствующей техникой мы могли бы снять частичные отпечатки и идентифицировать их, но ее у нас нет.

Голубые глаза Вольфганга смотрели безжалостно.

— Это улики, — сказал он.

Джоанна подняла руки в знак капитуляции.

— Ты абсолютно прав. Надо спросить у Марии, кому, по ее мнению, она могла одолжить свои ножи.

— Откуда ей знать, с кем она подружилась на

корабле за прошлые двадцать пять лет? — спросила Катрина.

— Это будут улики, — с улыбкой повторила Джоанна.

— Ей не нравится пищевой принтер, — вмешался РИН. — Значит, с ним она подружиться не могла.

— К тому же принтер не ИИ, РИН, — сказала капитан. Она помолчала. — Или?..

— Да. Просто этот принтер мне понравился. Его зовут Беге, да? Остроумно. Я вернулся в строй на пятьдесят три процента и чувствую себя гораздо лучше.

В космосе всегда час коктейлей

Марии требовалось остаться с Бегемотом наедине, а времени на это у нее не было.

Она была так занята наладкой принтера, что не заметила, как большинство членов экипажа опустошили запасы выпивки. Хиро, Катрина, Вольфганг и Джоанна, все сидели за столом, на котором стояла бутылка виски.

— Да ну? Виски в девять утра? — Она остановилась и сообразила, что ее особенно злит. — Без меня?

— В космосе всегда час коктейлей, — сказал Хиро и приветственно поднял свою стопку.

— Ну, как угодно. Мы все равно очень далеко от царства социальных норм, — сказала Мария, пожав плечами.

— Не рекомендую, обзаведясь новыми телами клонов, пить на пустой желудок, — сказал РИН.

— А теперь спроси, насколько нас это волнует, — сказал Хиро.

Джоанна не притронулась к своему стаканчику. Она с отвращением обвела остальных взглядом, удерживая в ладонях кружку с чаем.

— Вы ведь знаете, что у всех нас есть работа,

которая не терпит отлагательств?

— От меня нет проку, пока я не поем, — сказала Катрина. — А виски поможет ждать. Всего лишь глоток.

Джоанна взглянула на Вольфганга. Тот пожал плечами. Она закатила глаза.

— Если вы напьетесь и начнете буянить, пока я пытаюсь наладить эту штуку, трупы в секции клонирования станут самой мелкой вашей проблемой, — сказала Мария.

— Понято, — с легкой улыбкой ответил Вольфганг.

Мария перенастроила Беге, жалея, что между нею и столами нет двери.

— А где Поль? — спросил Хиро.

— Я оставил его работать в серверной, — ответил Вольфганг. — И велел ему прийти сюда к девяти.

— Уже пять минут десятого, — сказал Хиро.

Вольфганг достал планшет и вызвал Поля.

— Слушаю, — отозвался Поль; голос его звучал громче, чем вчера. — Завтрак уже готов?

— Пока нет, — ответил Вольфганг. — Но мы все на кухне. Присоединяйся.

— Мне нужно еще поработать с серверами, — с сомнением сказал Поль.

— Я сообщу ему, когда придет время, — вмешался РИН.

— Эй, РИН, ты следишь за нами, когда мы в каютах? — вдруг спросил Хиро.

— Я должен это делать в интересах безопасности, — сказал РИН. — Конечно, когда функционируют все камеры.

— Что ж. Это интересно, — сказал, чуть покраснев, Хиро.

— Сейчас не все твои камеры действуют? — спросила де ла Круз.

— Пока нет. Я трачу время на исполнение разных ваших команд, а также решаю свои внутренние проблемы. Но у меня все больше глаз и ушей по всему кораблю.

— Дай знать, когда восстановишь все функции, — приказала Катрина.

— Ты прав. Перерыв мне не помешает, — сказал Поль по связи. — Иду к вам.

— Ладно, слушайте все, — сказала Мария. — Мне нужно пойти в каюту и взять диск с резервной копией программы, учитывающей ваши вкусы. Но сейчас сдайте образцы слюны Беге, потому что он вроде как может определить ваши вкусы по небольшому количеству ДНК. Хиро покажет, как это сделать.

— Зачем тогда диск? — прищурившись, спросил Вольфганг.

— Хочу сравнить те и эти данные. Если принтер примет неверное решение, у нас будет бэкап.

— Я с тобой, — сказала Джоанна.

В коридоре они разминулись с Полем, спешившим на кухню.

— Еда готова? — спросил Поль, на его румяном лице была надежда.

— Да, за последнюю минуту мы от ничего перешли к полному обеду, — рявкнула Мария.

Джоанна положила ладонь ей на руку.

— Завтрак скоро будет готов, — сказала она. — Тебя ждет Вольфганг.

— Я предпочел бы завтрак, — ответил Поль.

Они разошлись.

— Похоже, он возвращается к нам, — сказала Мария. — Есть соображения насчет того, что было с ним вчера?

— Одних процесс клонирования нервирует, другим не по вкусу, когда нарушается привычный ход жизни; кое-кому может просто не нравиться пробуждение среди плавающих кровавых пузырей. Это могло быть что угодно, — сказала Джоанна.

— Или же он виноват, — тихо заметила Мария.

— Если б мы осуждали людей за то, что те ведут себя странно после такого пробуждения, какое было у нас вчера, я могла бы ткнуть пальцем в любого из нас.

— Плохо, что у всех нас сейчас низкий сахар крови, — вслух стала рассуждать Мария. — Поэтому мне нужно побыстрее закончить работу.

— Я бы хотела проверить и твои туалетные принадлежности, — сказала Джоанна. — Следы яда могут быть на зубной щетке или на бальзаме для губ.

Мария продолжала идти по коридору.

— Конечно, — ответила она. — Я уверена, что мне нечего скрывать. Ну… *мне* нечего. За себя другую ручаться не могу.

Они вошли в каюту Марии, и хозяйка показала на маленькую ванную.

— А почему тебе не забрать с собой мою зубную щетку и все, что нужно. Я возьму новое из запасов.

Джоанна кивнула и пошла в ванную. Когда Мария удостоверилась, что ее не видят, она наклонилась и вытащила из-под кровати маленький сейф с механическим замком. Набрала комбинацию.

— Мария, зачем тебе механический сейф? —

спросил РИН. — Цифровой замок вскрыть гораздо труднее.

«Да, человеку», — поморщилась Мария. Она забыла, что ИИ опять с ними.

— У женщин есть свои тайны, РИН.

— Но не на борту «Дормире», — отозвался РИН. — Что ты там прячешь?

Мария поняла, что камеры не могут заглянуть в сейф. Она быстро оглядела содержимое и взяла синюю флешку, не тронув остальные лежавшие в сейфе флешки. Потом закрыла сейф и показала флешку камере.

— Всего лишь флешка.

— Я мог бы сохранить все записи, — сказал РИН. — Тебе не нужно столько лишнего.

— Определенно нужно, — ответила Мария. — Ты ведь утратил все записи.

— Откуда ты знаешь, что нужные данные именно здесь? За двадцать пять лет ты могла их стереть и записать что-нибудь другое.

Мария пожала плечами и положила флешку в карман.

— Я цифровая барахольщица. Всегда так делаю. Здравый смысл подсказывает, что лучше продублировать данные, важные для работы.

— Мне придется доложить капитану, — сказал

РИН.

— Я сама скажу ей это на кухне. К тому же доктор Гласс здесь и видит, что я делаю.

Это было не совсем верно. Врач еще оставалась в ванной, рылась в ее вещах. Потом осторожно выехала обратно задним ходом. Ванные на корабле были недостаточно велики, чтобы в них могло развернуться инвалидное кресло. Оно там еле помещалось.

— Я взяла то, что нужно для принтера, — сказала Мария. — РИН исходит дерьмом: у меня есть резервные записи, которых нет у него. Тебе нужно что-нибудь еще?

— Принять душ и надеть ноги. Больше ничего. Я взяла твою зубную щетку, зубную нить и полотенце. Этого должно хватить.

— Значит, мне необходимо напечатать новую щетку и полотенце, если не хочешь, чтобы от поварихи несло.

Джоанна улыбнулась.

— Я верю, что ты не станешь разбазаривать наши запасы. А эти я проверю. Хочу посмотреть, как далеко зашла попытка отравить тебя.

— Вчера я чистила зубы и мылась под душем, — сказала Мария. — Как думаешь, это ничего?

Джоанна нахмурилась.

— Надо было сказать тебе, чтобы ты этого не делала. Но вчера все шло кувырком. Если ты себя хорошо чувствуешь, вероятно, все обойдется. Дай знать, если почувствуешь себя плохо. Я буду в медицинском отсеке. Попроси Вольфганга прийти ко мне через полчаса.

— Я могу это сделать! — сказал РИН.

— Я играю в русскую рулетку с цикутой? Здорово, — сказала Мария.

Джоанна вслед за ней покинула каюту; Мария задержалась и заперла дверь.

— У тебя действительно есть копия всех наших вкусовых предпочтений? — спросила Джоанна, показывая на флешку.

— Конечно. Резервные копии очень важны. Спроси Поля и РИН, как они обходятся без копии записей.

— Возмутительно, — гораздо менее бодро буркнул РИН.

— Хорошо, — согласилась Джоанна. — Я дам тебе знать.

Они расстались в коридоре, и Мария поспешила на кухню, чтобы заново откалибровать пищевой принтер. Ее Немезиду. Беге.

* * *

Вот так глоток виски!

Вольфганг, Катрина, Поль и Хиро целый час пропускали стопку за стопкой и все больше расслаблялись, пока Мария заканчивала калибровать пищевой принтер.

Джоанна ворвалась в кухню на ногах-протезах. Она чуть вспотела.

— Пожалуйста, скажите мне, что принтер в порядке, — попросила она. — Я теряю способность сосредоточиваться.

— Все почти готово, — сказала Мария, глядя, как Беге проходит последний тест — печатает кусок тофу. — Нашла запасные ноги?

Джоанна кивнула.

— Лежали в моем шкафу. А вы все напились. — Она плюхнулась на стул рядом с ждущими членами экипажа и обвиняюще посмотрела на бутылку. — Здорово. А вы знаете, что — довольно неэтично — проверяли, сколько клон после пробуждения может жить без пищи? И без сна.

— Не хотел бы я быть объектом этого эксперимента, — сказал Хиро.

Джоанна показала на него пальцем.

— Ты в нем участвуешь сейчас. Вот через что

ты проходишь. И это плохо.

— Да какой болван добровольно согласился бы на такой эксперимент? — спросил Хиро.

— Тот самый, что пьет не просто на голодный желудок, а на желудок, никогда не знавший пищи? — спросила Мария со своего места возле Беге.

У нее все было готово. Она запрограммировала немного хлеба, чтобы все могли пожевать, пока принтер готовит сразу несколько блюд.

— Или тот, кто называет всех выше ее рангом болванами, пока не поел, — подхватила Джоанна. — Точно.

— Ну так насчет этих неэтичных экспериментов, — сказал Вольфганг. — Что еще проверяли?

— Физическую ловкость, эмоциональную устойчивость, психологическую выносливость. Двадцать четыре часа без еды, и клон становится почти бесполезен, — подсказал РИН. — Вы на восемнадцатом часу.

Вольфганг посмотрел на Поля. Бледный по земным стандартам, Поль, несомненно, был румяным по сравнению с Вольфгангом. Тот встретил взгляд, не дрогнув, когда гораздо более высокий Вольфганг встал. Он схватил Поля за плечи и рывком поднял со стула. Странно интим-

ным жестом провел сверху вниз по рукам Поля.

Поль отступил.

— Что ты делаешь?

Говорил он слегка невнятно.

— Хочу провести собственный тест, — сказал наконец Вольфганг.

— О чем ты? — спросила Катрина. — Ты едва не устроил истерику у всех на глазах и хочешь продолжить? Обыскивая его? — Она сделала паузу, чтобы залпом проглотить виски. — Так безопасность не обеспечишь.

— Мне нужно выпустить пар, — сказал Вольфганг. — Выгнать с потом спиртное. Размяться. Поль идет со мной.

— Не думаю… — начал Поль.

— Обед официально через полчаса, — объявила Мария. — Новый принтер готов и действует!

Раздались приветственные возгласы. Джоанна обмякла в своем кресле.

Вольфганг посмотрел на Поля.

— Значит, у нас есть полчаса. Пошли.

— Пустой желудок плюс алкоголь плюс наша стрессовая ситуация — все это означает, что очень велика вероятность истощения ваших новых тел, — сказал РИН. — С научной точки зрения это очень глупая мысль.

Мария помолчала и задумчиво посмотрела на камеру слежения. РИН приобретал все больше черт личности. И она не знала, хорошо это или плохо.

— Да ладно. Это позволит Марии работать не отвлекаясь. И будет забавно.

Вольфганг чуть оскалил зубы и округлил глаза. Выглядело это ничуть не забавно. В Марии боролись тревога за Поля и благодарность, что ее это не затронуло.

— У тебя развивается мания бессмертия, — сказала Катрина. — Как раз когда ты перестал быть бессмертным.

— Я клон. Я бессмертен. — Вольфганг рассмеялся, сжал, как тисками, плечо Поля и потащил его к кухне. — Поль, иди подними этот принтер.

— Минутку. Я только что его настроила! — сказала Мария, вставая перед принтером. — Идите в спортзал и там начинайте свои тестостероновые войны.

Вольфганг бросил на Марию ледяной взгляд, но она не дрогнула.

— Я серьезно, — сказала она.

— Пошли.

Вольфганг вывел Поля из кухни. Доктор последовала за ними.

— Этот кризис только что отнял у меня собутыльника, — пожаловался Хиро. Потом заморгал, словно что-то понял. — Эй, меня не пригласили! Разве во мне мало тестостерона?

Мария подумала, что обида Хиро из-за того, что его не позвали на состязание мачо, не так опасна, как то, что он назвал Вольфганга собутыльником. *Без еды у нас едет крыша.*

— Ты насквозь пропитан тестостероном, Хиро. Ты у нас самый тестостероновый, — сказала она. — Теперь позволь мне продолжить работу. — Она опять повернулась к принтеру. Проверила настройки, память и включила. — Обед и напитки на весь экипаж, пожалуйста.

— Говорить «пожалуйста» обязательно? — спросила Катрина, продолжая сидеть за столом. — Зачем этим машинам наша вежливость?

— Привычка, — ответила Мария. — У меня была строгая тетя.

Она затаила дыхание: машина ожила и защелкала.

— А что нам делать со вторым принтером? — спросил Хиро. — Я бы мог открыть в своей каюте подпольное кафе. Если честно, хорошая мысль. Мария, кухонный тиран, не дает нам сластей, поэтому мы дружно пойдем в бар Хиро за тем-

ным шоколадом, сделанным из лучшей «Жизни», какая есть на корабле.

— Бар, где подают только цикуту? Флаг тебе в руки, — сказала Мария.

— Тут у вас какой-то чертов карнавал.

С этими словами Катрина попыталась встать, но покачнулась и снова села.

Мария повернулась к принтеру: тот разливал черный кофе по всей своей внутренней камере. Мария чертыхнулась и принялась искать кружку. Нашла и поймала в нее остаток кофе. И вытащила кружку: принтер принялся «печатать» что-то другое.

— Попробуй-ка.

Она протянула кружку Хиро, а сама принялась искать тряпку, чтобы вытереть пролитый кофе.

— Ну уж нет. Ты что, спятила? Сама пробуй.

Мария удивленно посмотрела на него.

— Он может быть отравлен, — пояснил Хиро, пожимая плечами.

— Ради бога! Ты же знаешь, принтер только что из коробки! — сказала Мария и залпом выпила кофе. При этом она обожгла язык. Да, настоящий черный кофе.

Принтер приготовил питье на всех, и Мария отнесла Катрине ее черный кофе.

Та, упершись взглядом в стол, обводила пальцем металлический рисунок на нем.

— Я должна убить ее. Предыдущего клона. Жизнь теперь моя. Но Джоанна. Она не позволяет.

— Капитан, неспособность убить кого-то на борту — далеко не самая серьезная из наших проблем, — спокойно сказал Хиро. — Возможно, она так и не проснется. Возможно, мы узнаем, что все это натворила она, и сможем наказать ее.

Капитан свирепо глянула на него, и Хиро выпрямился, словно его ударили.

— Конечно, это подразумевает, что это вы убили нас и вас тоже нужно наказать, на что я совсем не намекаю. Вы определенно восхитительно невиновны.

— Капитан, после еды и сна вы почувствуете себя лучше. Обещаю. То, что говорит Джоанна, по-видимому, научно обоснованно.

— В такое время людям нужны яйца, — согласился Хиро.

Отсутствующее звено

— Не понимаю, почему ты меня шпыняешь, — нервно сказал Поль, когда они вошли в спортивный зал.

— Это тренировка. Она сближает, — ответил Вольфганг.

— Капитан была бы для тебя более подходящим спарринг-партнером, Вольфганг, — предположила Джоанна.

— Я никогда не стану с ней спарринговать. Обмениваться ударами — нет, — сказал Вольфганг. — Нам с Полем нужно выпустить пар.

Как и все остальное на корабле, ограниченное пространство спортзала использовалось образцово. Настоящее произведение искусства, превосходное помещение, чтобы качаться, бегать и заниматься растяжкой. Посреди зала несколько снарядов — кольца, палки для ходьбы и прыжков, брусья.

Джоанна слышала, что Хиро добивался установки плавательного бассейна, но ему отказали.

Вольфганг расстегнул комбинезон до пояса и вытащил руки из рукавов, продемонстрировав черную футболку и крепкие длинные мышцы.

Он знаком пригласил Поля сделать то же самое. Поль далеко не столь ловко выпутался из своего комбинезона. Как и все клоны, он был образцом атлетически сложенного молодого человека, но Джоанна с отвращением заметила на локтях у него засохшую синтамниотическую жидкость; значит, он еще не мылся под душем. Она сдержала дрожь.

— Будешь повторять за мной. Хочу знать, на что ты способен, потому что вчерашний день ты провел в основном в позе зародыша, — сказал Вольфганг и отправился к снарядам.

— Ты не обязан это делать, — сказала Джоанна Полю, но тот не ответил. Лицо у него горело; сжимая кулаки, он наблюдал за Вольфгангом.

Джоанна ненадолго забыла о своем раздражении, глядя, как Вольфганг, раскачавшись, легко перелетает с бруса на брус, приземляется на гимнастическое бревно и легко и изящно идет по нему. Он атаковал все без исключения снаряды: растягивал прикрепленные к стене экспандеры (данные о нагрузке появлялись на стенном экране с учетом и земного, и лунного тяготения), три минуты держал стойку на руках.

Поль молча смотрел на него, кипя от гнева. Он поглядел на Джоанну, подошел к брусьям и стал

повторять то, что делал Вольфганг. Дважды он падал с брусьев и с трудом сумел подпрыгнуть, чтобы ухватиться за верхний, упал с бревна. Результат с экспандером оказался вдвое ниже, и Поль даже не смог выйти в стойку на руках, тем более продержать ее три минуты.

Джоанну всегда изумляло, как мышечная память сохраняется при смене клонированных тел. Поль был в прекрасной форме, но он не спортсмен, каким, очевидно, был Вольфганг в предыдущих жизнях.

Вольфганг подошел к Полю и рывком поднял его на ноги.

— Жалкое зрелище. В следующий раз будет лучше. — Он поманил Джоанну. — Ваша очередь, доктор.

Джоанна вскинула бровь.

— Не приму твой вызов, пока не поем.

Он пожал плечами.

— Назови время.

— Мистер Вольфганг? Доктор Гласс? Мистер Сёра? — послышался голос РИН.

— Да, РИН. Ты нас не видишь здесь через камеры? — спросила Джоанна.

— Пока нет. Мисс Арена говорит, что у нас наконец есть еда.

Поль плечом сбил Вольфганга на пол и выбежал из спортзала. Джоанна с усмешкой смотрела, как Вольфганг встает.

— Очевидно, ему нужен привычный побудительный мотив.

— Умираю с голоду. — Вольфганг едва заметно покачнулся, ухватился за петлю на стене и посмотрел на Джоанну. — Отсутствие пищи толкает людей к странным поступкам?

Она рассмеялась.

— Тебе нужно спрашивать?

И первая отправилась на кухню.

— Не обязательно было бросать ему вызов. Тебе так хочется превратить Поля в своего врага в первый же день полета?

— Это не первый день, — ответил Вольфганг. — И я подумал, что это поможет ему выбраться из скорлупы.

— Унизив его?

— Вам не следовало там быть. Он не смущался бы, если бы вас не было.

Она удивленно рассмеялась.

— Значит, я виновата? Прелестно. Неужели вы действительно думаете, что сможете подружиться с ним, напрашиваясь на ссору?

Вольфганг глубоко вздохнул и заметно рас-

слабился, как будто для этого ему требовалась внутренняя команда.

— У нас неприятности. Ты права. Я просто подумал, что неплохо бы отвлечься.

Джоанна остановилась в коридоре и посмотрела на него.

— То, что вы способны на насилие, мы уже видели вчера, — серьезно заговорила она. — Вы могли потерять терпение и заставить нас всех упражняться в спортзале, а потом разозлились и всех убили.

Он не отвел своего ледяного взгляда.

— Но как же Хиро? Почему он повесился? И Мария с ее ядом? Это указывает на сложные приготовления. Даже если бы я каким-то образом превратился в жестокого рабовладельца, смерти слишком разные для внезапного приступа гнева. Спасибо, что смогли допустить, будто я способен на это.

Давным-давно, когда Джоанна в первый раз училась в колледже, она встречалась с человеком, у которого была привычка, когда они ссорились, угрожать ей. Когда она возмущалась, он ловко выкручивался: «Как ты только могла подумать, что я на такое способен!» Она порвала с ним, когда он не только взялся ей угрожать, но и

встряхнул и ударил. Никогда больше, она поклялась — и держала слово больше двух сотен лет.

Она сердито посмотрела на Вольфганга.

— Не притворяйтесь, будто обижены. Конечно, я могу так о вас думать. И ваше спортивное представление не увеличит число ваших друзей на корабле. Я собираюсь поесть, — добавила она. — Можете пойти со мной, если хотите, но перестаньте вести себя, как обиженный щенок. Вы способны на убийство. Как и все остальные.

* * *

Как и подозревала Джоанна, после еды настроение у них с Вольфгангом улучшилось. Вольфганг даже при всех извинился перед Полем. Поль его извинений не принял, показал грубый, используемый только на Луне жест (в североамериканской культуре этот жест означал «о'кей», но при этом маленькое «о» показывало, что Луна гораздо хуже Земли; к тому же это был намек на маленький обхват некоей части мужского тела), но Вольфганг тем не менее сделал попытку извиниться.

Джоанна надеялась, что, может быть, после еды содержание сахара в крови Поля повысится, он перестанет испытывать приступы гнева, свойственные голодным клонам, и потеплеет к

остальному экипажу. Но Поль рвал зубами второй чизбургер и ни на кого не смотрел.

— Ему не лучше? — шепотом спросила Джоанна у Хиро.

Тот кивнул.

— Нет. Я, наверное, сделал еще хуже, предложив ему побить меня. Сказал, пусть он меня отлупит, но он только обиделся еще больше.

Джоанна подавила смешок.

— Не могу понять, почему он не ухватился за возможность ради своего эго побить того, кто уступает ему в росте. — Она умолкла и стала вспоминать все, что знала о тестостероне. — Погоди. Теперь я понимаю, почему это не доставило бы ему радости. Так он не ухватился за твое предложение?

Хиро пожал плечами и отпил чаю.

— Я пытаюсь ему помочь, честно.

Усталая Мария поставила перед Джоанной тарелку яичницы с беконом. Та удивленно подняла глаза.

— Я это не заказывала.

— Все хотели второе, — ответила Мария. — Я пошла на поводу у обстоятельств. Если не хочешь это есть — наверняка кто-нибудь другой захочет.

В животе у Джоанны заурчало, и она поняла,

что все еще голодна. Вольфганг встал и посмотрел на нее. Она вздохнула.

— Я бы с удовольствием, но нам нужно вернуться к тестам. Спасибо, но это придется кому-нибудь отдать. — Она повернулась к Полю, который по-прежнему ни на кого не смотрел. — Съешь мой завтрак, Поль?

— Да, оставь мне, — ответил он со ртом, набитым чизбургером.

Джоанна улыбнулась Марии.

— Видишь? Ничего не пропадет.

Мария пожала плечами.

— Неважно. Все и так пойдет на переработку, хоть и по-разному.

Она взяла тарелку и поставила перед Полем, который доедал чизбургеры с картофелем фри.

* * *

В медицинском отсеке тела определенно начинали пахнуть. Джоанна и Вольфганг положили их в рядок. Джоанна диктовала, Вольфганг делал новые заметки. Она вела отдельно видео- и аудиозапись, но Вольфгангу хотелось чего-то осязаемого и немедленного, хотелось самому видеть тела.

— Мы установили, что капитан была ранена

за два дня до убийства. Поэтому можно предположить, что в бойне она не участвовала. Это очевидно — после убийств она не могла ранить себя, а потом подключиться к аппаратуре жизнеобеспечения.

— Что не исключает ее из числа подозреваемых. Она все равно могла быть к этому причастна, — сказал Вольфганг. — Например, кто-то мог действовать по ее приказу.

Джоанна кивнула.

— Возможно, какая-то ее попытка отомстить, вышедшая из-под контроля. То же относится к Хиро.

Джоанна снова осмотрела тело Хиро в поисках ран.

— Похоже, у него травм нет. Мы все же предполагаем, что он повесился до бойни, потому что кто-то другой отключил гравитационный двигатель.

Вольфганг покачал головой.

— Корабль некоторое время продолжает вращаться по инерции, так что отключение двигателя не уничтожает гравитацию сразу. Он мог выключить двигатель, а уж потом повеситься.

— Он должен был умереть почти одновременно с другими, — сказала Джоанна. — Хочется думать,

что кто-нибудь из нас все-таки снял бы его и привел в чувство раньше, чем проснулись другие.

— Если мы не оставили его мертвым как самоубийцу, — напомнил Вольфганг. — Но все равно, когда я проводил первоначальный осмотр, температура его тела была такой же, как у остальных.

— Значит, почти в одно время.

Джоанна вздохнула и пригладила свои черные кудри.

— Теперь главная загадка. Мария. Не вызывает сомнений, что кто-то отравил ее цикутой. — Она скрипнула зубами. — Должно быть, она поняла это — и что? Пошла в секцию клонирования, чтобы всех разбудить? И заодно стерла наши карты мозга? И все записи?

Заговорил РИН:

— Недостаточно данных. Большая часть памяти очищена.

— Конечно, — сказала Джоанна. — Кто-то должен был отравить ее примерно на час раньше катастрофы, я бы сказала. Кто и зачем?

— Остальные тела не вызывают вопросов, — сказал Вольфганг, склоняясь над мертвым Полем и разглядывая кровоподтеки у него на шее. — Удары ножом и удушение. Тут, по крайней мере, загадок нет.

— Только одна: кто это сделал, — поправила Джоанна.

— Да, только одна.

Джоанна сморщила нос.

— Надо провести последнее сканирование и наконец отправить тела в рециклер. Они начинают пахнуть.

— Жаль, у нас нет настоящего морга, — сказал Вольфганг. — Мы предполагаем, что кто-то отравил Марию. Сама она не травилась. Она все поняла и попыталась предупредить остальных. Убийца узнал об этом и начал убивать. Затем… повесился Хиро? Что, если на капитана напала Мария?

— Даже если бы Мария была в этой битве нападающей стороной, я бы все равно постаралась спасти обеих, — сказала Джоанна, покачав головой. — В таком случае она должна была бы пытаться сделать себе промывание в медицинском отсеке. А если это Мария убила нас всех, потом отравилась и нажала кнопку воскрешения?.. Но это не объясняет, что произошло с капитаном.

— И ножевые раны Марии. Может, нас всех по-разному убил Хиро, а потом повесился из-за чувства вины, — предположил Вольфганг.

— Маловероятно, — ответила Джоанна. — Надо учитывать гравитацию, и зачем ему было вешаться, если он знал, что Мария нажала кнопку воскрешения?

— Последовательность событий все еще неясна.

— Да, но сейчас мы ближе к истине, — сказала Джоанна, делая новые записи. — У нас появились новые данные.

— Мы по-прежнему не знаем, кто напал на капитана. — Вольфганг снова укрыл тела простыней. — Мы, в общем-то, снова на первой клетке, в начале расследования.

— Думаю, пора начать допросы, — предложила Джоанна.

— Начиная с нас.

Вольфганг смотрел на нее, приподняв светлую бровь.

Джоанна пожала плечами.

— Хорошо. Давай посмотрим, сумел ли Поль добыть новую информацию из компьютеров, а Хиро — из навигационной системы. Потом поговорим.

* * *

После еды Мария предложила Хиро помочь ему в рулевой рубке, ведь он помог ей на кухне. К несчастью, она знала о навигации в космосе гораздо меньше, чем о приготовлении пищи, поэтому просто ждала, когда понадобится ее помощь.

Она заглянула через плечо Хиро, ее черные волосы щекотали его ухо.

— Итак, мы направляемся… куда?

Он осторожно отстранил ее и потер ухо.

— Мы отклонились от курса на девять градусов. Я мог бы вернуть нас на курс и увеличить скорость, если бы сумел переманить РИН на нашу сторону.

— Я на вашей стороне, — послышался голос РИН. — Например, как вам такая информация: я установил, что, если произойдет нечто, по моему определению, катастрофическое, я буду обязан развернуть корабль и вернуться на Землю? Это я и делаю.

У Хиро отвисла челюсть.

— Нет-нет-нет, мы не можем вернуться. Если вернемся, нас точно казнят. Нас ждет только это, РИН: если экспедиция потерпит неудачу, нам

не жить.

— Необязательно, — сказал РИН. — Будет суд.

— Ты шутишь? — спросила Мария. — Суд, который установит, что мы не выполнили задание и потому лишаемся всех прав на жизнь и собственность. Заранее известный приговор. Нам обязательно нужна другая возможность, РИН. Пожалуйста.

— Ну, у меня все еще нет всех данных за последние двадцать пять лет. Если удастся восстановить хотя бы их часть, я смогу принять другое решение и вернуть нас на курс. А пока мы продолжаем сбрасывать скорость.

Хиро посмотрел Марии в глаза. Она пожала плечами. Он снова потер ухо.

— Что ж, он больше склонен к компромиссам, чем моя бабушка. Вот уж кто был злобным тираном!

Он считал еще какую-то информацию со своего терминала. Мария наблюдала за ним, потом вздохнула.

— Что теперь?

— Ищу логины, коды, любую информацию, которая подсказала бы, кто тут набедокурил. Но нашел только свои логины, и они недавние. Тот, кто это сделал, все стер. Замел все следы.

— Знаешь, единственный, у кого есть необходимая для этого подготовка, — Поль, — тихо сказала Мария.

— Ты боишься, что нас подслушают? Кто? — театральным шепотом спросил он.

Мария скорчила гримасу.

— Понятия не имею. Не знаю, кому можно верить.

— Да, но ты ведь видела Поля? Не похоже, что он способен раздавить даже таракана. После пробуждения он в полном смятении. И Вольфганг сегодня ему не помог.

— Поль не единственный на борту умеет программировать компьютер, — добавил РИН. — Но это закрытая информация.

— Тогда зачем ты об этом сказал? — сердито спросила Мария.

— Хотел, чтобы у вас была вся информацию, какую вам позволено знать, — ответил РИН.

— За исключением того, кто этот человек, — сказал Хиро.

— Да.

Хиро покачал головой и снова сосредоточил внимание на Марии.

— Что ты знаешь о Поле? Я хочу сказать, ты знала его до экспедиции?

— Я познакомилась с ним тогда же, когда и ты, на приеме на Луне перед самым началом полета. — Она вздохнула и снова наклонилась через его плечо. — Так где мы, кстати?

Хиро коснулся кнопки на экране, и угол обзора увеличился; в дальнем левом углу появились Земля и Луна, в дальнем правом — Артемида. Между ними протянулась линия с небольшими выступами, отмечающими определенные точки. Он провел по ней пальцем.

— По этому курсу мы двигались двадцать четыре года, — сказал он, тыча в Луну и ведя пальцем по начинавшейся от нее линии. Потом ткнул в другую часть экрана, и появился маленький корабль (конечно, увеличенный так, чтобы звезды и планеты не делали его пылинкой) и начал двигаться по линии. Каждый раз, как он пересекал тот или иной пик, появлялась дата. — Вот здесь мы должны быть сейчас.

— А где мы на самом деле?

Хиро нажал на другую кнопку, и появилась красная линия, идущая от Луны параллельно белой, ближе к ней; постепенно красная линия начала расходиться с белой, поворачивая.

— Это произошло вчера, — сказал Хиро.

— Значит, меня отравили, ты повесился, на

капитана де ла Круз напали, гравитационный двигатель отключили, а все остальное отказало, и поэтому РИН решил сойти с курса и повернуть обратно.

— Ножевые раны у всех, кроме Поля. Поля просто удавили, — напомнил ей Хиро.

— Не похоже, что мы далеко отклонились от курса, — сказала Мария, глядя на расходящиеся линии. — Если убедить РИН вернуть нас на курс, все будет в порядке.

— Ты смотришь на маршрут продолжительностью в четыреста лет. Отход от курса в течение двух дней кажется незначительным, но это причина для тревог. Ускорение, возвращение на тысячи миль — все это требует энергии и времени.

— Мне казалось, мы летим на энергии излучения, — сказала Мария.

— Чтобы поддерживать скорость корабля, мы используем парус Эндрюса — Зурбина, сочетающий в себе солнечный и магнитный паруса. Он меняется в зависимости от того, какой энергии больше, — кивнул Хиро. — Но на ускорение и торможение нужно очень много энергии.

— Замечательно.

— Главная проблема — наше очень тщательно

рассчитанное время прибытия на планету. Мы целимся в движущуюся мишень. Если начать движение немедленно и вернуться на курс, то, когда долетим, планеты там уже не будет. — Он показал на экран, на маленькую синюю точку, обозначавшую их цель. Хиро увеличил изображение; появилась система Артемиды, и он провел пальцем по линии: — Она будет вот здесь.

— Откровенно говоря, это больше похоже на трудную задачу, чем на смертельную опасность, и решается легче доброй половины того, с чем мы сейчас имеем дело. Ты забываешь о реальном риске: РИН продолжает единолично вести призрачный корабль к планете. К Артемиде или к Земле, неважно.

— Он мог бы просто сделать так, чтобы нас захватило поле тяготения какой-нибудь планеты. Тогда мы разобьемся при посадке, повсюду рассеем белковую смесь «Жизнь» и, возможно, породим новую жизнь. Наши призраки станут блуждать по этой планете; а мы могли бы стать туземными богами. На самом деле это было бы очень интересно.

— Только мы все погибнем, — сказала Мария. — И станем богами инфузорий.

— Это мелочи, — возразил Хиро, отмахиваясь

от нее. — Наша задача — понять, как обойти РИН и пустить корабль в нужном направлении. Не понимаю, почему у меня нет права управлять собственным кораблем. Почему РИН старше меня и капитана по званию?

— Потому что это моя работа. Экипажу доверять нельзя, — сказал РИН.

— Спасибо, РИН, это мы знаем, — сказала Мария. — Но, может быть, я соображу, как с ним договориться.

Хиро резко крутанулся на стуле и скептически посмотрел на нее.

— Кажется, ты говорила, что ты не программист.

— Да, верно. Но у меня есть флешка-сканер, поэтому я могу проводить диагностику данных Бегемота. Она может читать части вашей карты мозга, отвечающие за ваши предпочтения. Сканер сконструирован для пищевого принтера, но все равно это сканер и может найти наше недостающее звено.

Хиро нахмурился.

— Но если РИН сам не способен изменить свои программы, с чего бы твой сканер смог?

Мария пожала плечами.

— Просто подумала. Запомню на тот случай,

когда положение станет отчаянным.

— Посмотрю, сможет ли Поль его взломать. Это у нас будет План B.

Мария улыбнулась.

— Послушай, ты помещаешь его после Плана L: «Надежда на сценарий первого контакта, согласно которому инопланетяне говорят на одном из наших языков, понимают нашу технику и могут подавить наш ИИ», — сказала она.

— Я ничего подобного не говорил.

Зазвенел планшет Марии, она достала его и нахмурилась.

— Меня вызывает капитан. Пора убрать в секции клонирования.

— Не смею задерживать, — сказал Хиро, доставая собственный планшет и делая какие-то заметки. — Удачи в этой работе.

— Значит, помочь мне не хочешь? — спросила она, едва заметно улыбаясь.

— Это ты должна была мне сегодня помогать. А ты бросаешь меня на РИН и это математическое чудовище.

— Осторожнее, Хиро, я чую вранье за версту.

Он улыбнулся.

Она почти смогла забыть — или, по крайней мере, простить — его недавний взрыв.

Он утверждал, что не помнит этого, но выглядел очень мрачно, как будто собственная тирада его не удивила.

* * *

Джоанна перехватила Марию по дороге в секцию клонирования.

— Найдется минутка, Мария?

— Готова на все, лишь бы отсрочить уборку места преступления, — ответила Мария.

Она вслед за Джоанной отправилась в медицинский отсек, и они вошли в кабинет. Джоанна села за свой стол и знаком предложила Марии занять кожаное кресло. Должно быть, она уже прибрала здесь после внезапного исчезновения силы тяжести.

— РИН, мне нужно побыть одной, — сказала Джоанна.

Ответа не последовало.

— Он позволит тебе остаться одной? — спросила Мария, подняв брови.

— Нет, — ответила Джоанна. Она открыла ящик стола, достала моток черной липкой ленты, заклеила камеры и микрофоны. — Он бы возражал, если бы услышал. В чем я лично сомневаюсь.

— Звучит зловеще.

Джоанна вздохнула и снова села. Сложила руки на коленях, но Мария видела, что плечи и руки напряжены.

— Если бы я не доверяла тебе, спрашивать «Могу ли я тебе доверять?» было бы бессмысленно, — начала она.

Мария попыталась вникнуть в эту фразу.

— А?

— Я хочу сказать, что доверяю тебе, но вынужденно.

— Ладно.

Марии хотелось задать ряд вопросов, но ей было любопытно, много ли скажет доктор, если ее не подталкивать.

— Поль умер не от асфиксии, — сказала Джоанна. — Он умер от передозировки кетамина.

— А что это? — спросила Мария.

— Болеутоляющее, которое в больших дозах может убить. Если использовать его как легкий наркотик или ввести в вену, можно быстро умереть. — Она помолчала, но Мария ничего не сказала. Джоанна продолжила: — Осматривая его тело, я нашла небольшой след от укола. Мой анализатор токсинов показал передозировку. Кто-то накачал его большой дозой чего-то. Может, до схватки, а может, во время нее. Нужно

найти шприц.

— И ты говоришь это мне, а не капитану или Вольфгангу, потому что шприц был бы для врача идеальным орудием убийства? — спросила Мария.

Джоанна потерла лицо и уронила руки на колени.

— Да, к тому же ты будешь убирать место преступления, что дает тебе неплохие шансы найти шприц. Но я не хочу вмешиваться, пока не узнаю все. Если найдешь, принеси мне. Если не найдешь, нужно будет смотреть в оба.

Мария кивнула.

— Поищу. Еще что-нибудь?

— Надеюсь, не надо говорить, что я верю — ты не станешь никому ничего рассказывать, пока я не буду знать больше.

— Понятно.

Джоанна тяжело вздохнула.

— Спасибо.

* * *

Поль лежал в своей каюте, позволяя великолепному нездоровому ощущению жира и углеводов уносить его прочь. Он не хотел думать ни о чем, кроме своего полного желудка, впервые за долгое

время неприлично полного.

Тем не менее ему надо было знать, что происходит. Он напряженно думал, есть ли способ скрыть что-нибудь от всех, даже от РИН. У них сейчас не было цифровых записей. А физические дневники? Перед самым отлетом наниматель подарил ему очень толстый блокнот из настоящей бумаги. Он не смог его найти в хаосе своей каюты.

Прозвенел его планшет — дважды. Настойчиво. Капитан.

— Поль, где ты? Перерыв окончен, ты мне нужен для работы с компьютерами.

Если она спрашивала, где он, значило ли это, что в его каюте камеры РИН еще не работали?

Он повернулся на кровати и взял планшет.

— Сейчас буду, капитан.

Он умылся. Бледный как смерть. Здоровая, в прекрасной форме смерть двадцати четырех лет. Он должен покончить со своими переживаниями, не то его заподозрят. Возможно, сильнее, чем уже подозревают.

Как жаль, что он ничего не помнит. Очень угнетает осознание, что утрачены воспоминания о долгих годах жизни, что никто не оплачет его былую личность. Он задумался, утратили ли память и остальные?

Поль запер каюту и пошел по коридору. Проходя мимо секции клонирования, он услышал там звуки деятельности. Мария — в маске, в перчатках, со шлангом, подключенным к стене. Обдает паром те места, где засохла кровь. Вонь удушающая. Поль закрыл лицо и пошел дальше.

Капитан ждала у терминала в серверной. Она включила виртуальный пользовательский интерфейс.

— Не завидую Марии, — сказал Поль вместо приветствия.

— Она знала, что это входит в ее обязанности, — ответила Катрина, взмахом руки отметая мысли о женщине, в чьи обязанности входило убирать паром со стен кровь, рвоту и испражнения. — Теперь, когда РИН подключен, ты нужен мне, чтобы выяснить, в каком состоянии железо и программы для снятия карт мозга. Потом проверишь криотрубы.

Поль сглотнул.

— Капитан, невозможно сказать это, не выставив себя ослом, но, если РИН работает, почему бы не спросить его?

— Потому что он работает не на сто процентов. Он признал, что развернул корабль вопреки моему прямому приказу, и не может прекратить это.

К несчастью, он не знает, где в его программе код запрета. Одна из твоих задач — найти пробелы в его знаниях и помочь их заполнить, — сказала Катрина. — Потом найдешь этот код и устранишь его.

— Хорошо, конечно. Вероятно, сам он не сотрется, так что я посмотрю, смогу ли помочь РИН восстанавливаться, — сказал Поль.

Он расширил пользовательский интерфейс, чтобы внимательнее рассмотреть некоторые серверы.

Большая часть серверов погасила красные аварийные огни; вместо них горел приятный зеленый огонь, означающий отсутствие всяких данных. Что было не намного лучше. В углу ждало голографическое лицо РИН с закрытыми глазами.

— Почему это произошло? — спросила капитан скорее у себя, чем у него. — У всех нас есть прошлое; может, кто-то старается убивать нас из мести?

— Может, дело не в нас. Может, дело в клонах в принципе, — сказал Поль.

— Да, конечно, у нас есть свои политические проблемы. Но ведь у нас на борту тысячи человек. Какой фанатик способен поставить под угрозу

столько народу?

— Как будто убийца действовал не один, — сказал Поль. — И была не только физическая схватка. Игры мозга и все такое.

Катрина потерла подбородок.

— Кошки-мышки? Интересно.

Беге готовит свинью

Позже, тем же утром, Мария отвлеклась от ликвидации биологической опасности и приняла душ, чтобы запрограммировать Беге на приготовление свинины.

Проблемы многих мировых религий, связанные с клонированием, не шли ни в какое сравнение с трудностями признания синтетической пищи. Мировые религии просто не знали, что тут делать. Большинство реформированных религий уже разрешило есть мясо прежде «запретных» животных, но многие старые религиозные школы все еще запрещали морепродукты, свинину или говядину — из принципа. Воля Бога или богов выше науки, утверждали они. К тому же зачем вдруг начинать есть то, чего никогда не ели раньше? Тысячелетиями люди прекрасно обходились без свинины, незачем начинать ее есть сейчас.

Но все это было спорно, особенно если учесть, что лишь малая часть клонов исповедовала какую-либо из традиционных религий. И поэтому Мария с чисто мирским ужасом наблюдала, как Беге прямо у нее перед глазами сплетает цепочки белка, создавая свиную тушу.

В кухню вошел Хиро и встал рядом с ней, глядя в окошко на шедевр современного искусства перфоманса.

— Если пищевой принтер занят, где нам взять ленч? — спросил он, не отрывая от растущего животного вытаращенных глаз.

— Это все, о чем ты можешь думать? Ты ел пару часов назад, — сказала Мария.

— Ну да. Я все равно голодный.

— Я заранее приготовила кое-что для сэндвичей, чтобы вы сегодня могли есть, когда захотите, — сказала Мария, показывая на стойку, где лежали ломти хлеба, разное мясо и сыры и ломтики синтетических овощей. Пищевому принтеру было почему-то легче готовить белок, чем овощи.

— Ты правда делаешь свинью? Почему? — спросил Хиро.

— Потому что в инструкции сказано, что это можно сделать. Во всяком случае, если верить РИН, который был так любезен, что перевел ее мне.

И она подняла повыше планшет, в котором у нее наконец были инструкции на английском и испанском языках.

— Похоже, все работает нормально. Если *это*

можно назвать нормальным.

Он поморщился. Мария его не винила. Не каждый аспект печатания пищи приятно наблюдать, особенно если видишь это впервые.

— Не знаю, но, если не получится, придется выбросить в рециклер очень крупный объект, — сказала она.

— Не могу смотреть, как сплетают внутренности свиньи, — пробормотал Хиро, вытаскивая свой планшет. — Нужно посмотреть, что говорится в японской инструкции о свинье. Это неестественно.

— Конечно нет, это синтетическая пища, — напомнила Мария.

Хиро вызвал инструкцию и молча стал читать. Он поднес экран к лицу и шепотом читал по-японски.

— Эй, можно взять твой планшет? — спросил он. — Хочу видеть английский перевод. Чтобы сравнить перевод РИН с этим.

Она протянула ему планшет, не сводя глаз с Беге.

— Конечно. Я читала по-испански, но пролистай вниз, и будет тебе английский.

Он полистал и стал сравнивать тексты на планшетах. Потом побледнел и вернул ей планшет.

— Да, ты права.

Мария, встревожившись, забрала планшет. Положила руку на рукав Хиро.

— Погоди, ты в порядке? У тебя такой вид, словно тебя будут готовить следующим.

Хиро побледнел еще чуточку, но попытался ответить прежним небрежным тоном.

— Нет… нет, все в порядке. Просто тут используются обороты, которых я не слышал несколько десятилетий. Просто странно, что, хотя язык развивается по мере совершенствования технологий, инструкции остаются такими же сухими, как всегда.

Верно?

Марию он ни на мгновение не обманул.

— Конечно, Хиро. Как скажешь.

— Правда. Я в порядке. — Он снова взглянул на свой планшет. — Думаю, мне надо отдохнуть. Позвони, когда свинья будет готова.

Она с тревогой смотрела, как он уходит. Зазвенел ее планшет, и она ответила:

— Да?

— Мария, ты одна? — спросила Джоанна.

— Да, если не считать РИН.

Джоанна помолчала.

— Как сегодня прошла очистка?

— Убрала меньше четверти. В секции настоящий кошмар. Я сделала перерыв, чтобы запрограммировать еду, потом вернусь туда.

— Понятно. Что ж, там опасно, очень легко подхватить инфекцию, поэтому если что-нибудь случится, сразу сообщи мне, поняла?

— Ясное дело, — сказала Мария.

Хиро лежал в темноте на спине, уверенный, что у него паранойя. Иного объяснения он не видел.

Он не мог подтвердить то, что прочел. Никто, кроме него, не читал по-японски. Кроме РИН, но Хиро не хотел показывать ему инструкцию.

Осознание обрушилось на него внезапно, и он рывком сел. РИН уже читал инструкцию, он перевел ее для Марии. Но не перевел ту часть, которую видел Хиро. Это осознание лишь усугубило его страх и сомнения. Надо поговорить с врачом.

— РИН, ты здесь? — спросил Хиро.

— Да, но плохо тебя вижу. Вижу твой тепловой абрис. Почему ты в темноте, Хиро?

— Просто думаю. Спасибо, что перевел инструкцию для Марии.

— Это одна из моих многочисленных обязанностей.

— Я заметил, что ты перевел не все, — небрежно заметил Хиро. — Как в разделе «Использование»,

верно?

— Маловероятно. Я перевел все, что нашел, — сказал РИН, и в его голос прокрались тревожные нотки. Восстанавливаясь, он все чаще говорил как человек. Он помолчал. — Там был какой-то сбойный код. Я его пропустил.

— Ты не заметил там моего имени? Конкретно моего?

— Что ж, раз уж ты об этом заговорил, — да, я припоминаю, что возле этого сбойного кода стояло твое имя. Должно быть, я увидел твое имя и решил, что это личное сообщение.

Хиро нахмурился.

— Каков сейчас твой процент восстановления?

— Примерно пятьдесят семь процентов.

Хиро снова плюхнулся на кровать и стал смотреть в темноту.

— Ладно, поговорим об этом, когда ты больше станешь собой.

— Хорошо бы. Я собираюсь перевести для Марии всю инструкцию, включая сбойный код. Вдруг она ей понадобится.

— Нет, пожалуйста, не надо, — горячо возразил Хиро. — Я абсолютно уверен, что это не информация о пище. Я сам расскажу ей, когда лучше пойму. Обещаю.

РИН с минуту молчал, и Хиро испугался, что именно сейчас он дополняет инструкцию для Марии.

— Хорошо. — Голос его звучал обиженно. — Но я не уверен, разумно ли это.

Хиро возблагодарил богов за то, что РИН еще не в силах с ним спорить. Пока не в силах.

* * *

Поросенок был великолепен. Те, кто его ел, возносили ему хвалу. Вольфганг, к общему удивлению, съел много. Мария предполагала, что, если кто и откажется от свинины, то встревоженный глава службы безопасности. Но воздержалась Джоанна, она съела только порцию томатного супа.

— Я сегодня довольно возилась с мясом, — сказала она, с отвращением нахмурившись.

Поль с удовольствием забрал ее порцию.

— Есть новости о последовательности событий? — спросила Катрина. Она пила молоко из стакана.

— Пока никаких. — Джоанна быстро взглянула на Марию, потом снова на капитана. — Я хочу сказать, что самые загадочные нападения определенно произошли примерно в одно время. Мы

предполагаем, что на тебя напали до отравления Марии и повешения Хиро, и уже потом погибли все остальные.

— Это не означает, что все вы освобождаетесь от подозрений, — сказал Вольфганг. — Мы считаем, что у капитана мог быть сообщник и этот сообщник действовал по ее приказу. Возможно, Хиро повесился *после* всех нападений. И, Мария, — ты, ты тоже могла, отравленная кем-то, всех порешить сама.

— Это натяжка! Слишком много предположений, — возразила Мария.

— Поэтому я и сказал, что мы продолжаем работать над расследованием.

— Послушать, так главные подозреваемые — Вольфганг, Джоанна и Поль, — сказал Хиро.

— Поэтому мы продолжаем выяснять последовательность событий, — с нажимом повторил Вольфганг. — А пока давайте просто есть.

— Я этого не делал, — сказал Поль своей тарелке.

— Никто такого и не говорил, Поль, — напомнила Джоанна. — Но никто из нас не уверен, что этого не сделал. Включая Вольфганга и меня.

Поль не смотрел на нее. Вдруг он встал.

— У меня голова болит: слишком долго смотрел

на пользовательский интерфейс. Пойду к себе.

Остальные члены экипажа с минуту сидели в неловком молчании и ели печеную свинину с соусом, хлебом и синтетическими овощами, поданными Марией. Потом Хиро нарушил тишину.

— Значит, у всех одно и то же. Все воспоминания ограничены первой снятой на корабле картой мозга, верно?

Катрина кивнула.

— Первой картой мозга, снятой сразу после приема с коктейлями, перед стартом.

— А не может ли быть, что с нами летел «заяц»? Мы понятия не имеем, кто мог пробраться на корабль, и ничего не помним, нам не от чего оттолкнуться. Мы ищем следы прячущихся на корабле людей?

— РИН, есть ли на борту «заяц» или нелегальный клон? — громко спросил Вольфганг; все вздрогнули.

— Конечно нет, — сказал РИН. — Я немедленно сообщил бы вам об этом.

Хиро наклонился к Марии.

— Это означает План Z.

Мария потерла глаза.

— Завтра. Я очень устала.

* * *

Вечером после ужина Хиро и Катрина задержались на кухне за виски, пока Мария прибиралась.

— Мистер Сато, — медленно, выговаривая каждое слово так, словно обдумывала его отдельно, сказала Катрина. — Мне понадобится канал связи с Землей.

— С Землей? — переспросил Хиро, глядя на полупустую бутылку виски. Он плеснул себе в кружку еще. — Вы имеете в виду место, которое мы только что оставили и где нас, вероятно, казнят за провал этого чрезвычайно дорогостоящего полета? Эту Землю?

— Да, мистер Сато. Канал связи с Землей, и без творческих комментариев. Это сложно?

Голос Катрины, даже подшофе, звучал повелительно: «без глупостей».

Эта женщина не ждет отпора.

— Да, конечно, мы можем послать сообщение, но оно будет идти годы. А если нам захотят ответить, ответ будет идти к нам еще дольше. На возвращение уйдет еще четверть века. Юрисдикция Земли больше на нас не распространяется. Мы здесь сами с усами.

Он с трудом выговорил «юрисдикция», но героически закончил фразу.

Катрина подняла ладони, останавливая поток его метафор.

— Поняла. Поняла. Но разве ты не считаешь, что их нужно предупредить о нашем возвращении?

— Только если мы убедимся, что нельзя заставить РИН нас слушаться, — задумчиво ответил Хиро.

Мария проверила чашу внутри Беге — после успеха со свининой она решила, что они достигли взаимопонимания, — где должен был появиться любимый десерт капитана. По мнению Беге, это мороженое с фруктами. Мария удивилась, но машина знала лучше. Беге загудел, и Мария вынула чашу.

— Все равно сделай это, — сказала Катрина Хиро и не вполне уверенно поднялась из-за стола. Она молча взяла протянутую Марией чашу. — Если Вольфганг придет вынюхивать, чтобы еще кого-нибудь обвинить, скажи ему, что я у себя.

— Вольфганг пока никого не обвинил, — ответила Мария и под сердитым взглядом капитана сдержала нервный смех.

Не сказав больше ни слова, Катрина вышла из кухни.

— Она даже не сказала тебе спасибо за огромную свинью и мороженое, — сказал Хиро. — Какое хамство.

— Ты действительно попытаешься связать нас с Землей?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, это напрасная трата времени. Поговорю с ней утром, когда она протрезвеет. — Он нахмурился. — И я тоже.

— Можно вопрос? — спросила Мария, садясь за стол напротив него.

Он кивнул, налил ей виски и подтолкнул к ней стакан.

— Почему именно тебя взяли пилотом? — спросила Мария. Она торопливо выставила ладонь. — Я не спрашиваю о твоей судимости; мне просто любопытно, почему ты захотел вести эту штуку?

Он заглянул в свою пустую чашку, словно видел что-то другое. Наполнил ее, но нахмурился, словно это было не то, чего он хотел.

— На Земле у меня не оставалось выбора. Иногда даже смерть не дает тебе необходимого второго шанса. Я многое испробовал за свою жизнь, чтобы что-то улучшить, но это было что-то совсем новое.

— Да, первую часть я знаю, — сказала Мария. — Слишком хорошо.

— В общем, у меня была подруга, которая знала о «Дормире», и она предложила мне начать подготовку пилота.

— Значит, ты не был ни летчиком, ни военным? Почему же место пилота не отдали клону, который годами занимался этим? Кому-нибудь из лунной космической программы или еще откуда-нибудь?

— У моей подруги были связи. Когда объявили о наборе экипажа на «Дормире», она представила меня и еще одного парня, с которым я познакомился в тюрьме, боссу. До старта оставались целые десятилетия, и я годами изучал пилотирование. В тюрьме заняться особо нечем.

— Так твоя подруга была знакома с Салли Миньон, что ли? — спросила Мария, с улыбкой вспоминая знаменитую и могущественную женщину-клона.

— Да. Он знала многих.

Мария уловила некую нотку в его голосе.

— Ты был с ней близок? Давняя любовница?

Хиро долго не отвечал.

— Не знаю. Не думаю. Ты помнишь всех своих возлюбленных?

Мария встала и начала программировать на Беге завтрак.

— Нет, на самом деле нет. Ведь прошли сотни лет. Но если она обеспечила тебе эту работу, то должна выделяться. Как ее звали?

— Натали Ло, — ответил Хиро. — Детектив Натали Ло. И я совершенно уверен, что мы не были любовниками.

У Марии появилось такое ощущение, будто она стоит на краю утеса и смотрит вниз.

— А ты… ты бы хотел этого?

Он резко поднял голову.

— Ну, Мария, кто мог бы занять твое место в моем сердце? — спросил он с улыбкой.

— Мы же только что познакомились, — сказала она, вставая и сосредоточиваясь на программировании десертов в Беге.

— Но мне кажется, мы знаем друг друга десятки лет, — тихо и вкрадчиво сказал он.

— Верно, — ответила Мария. — Можешь сидеть здесь и пить, а мне нужно возвращаться к очистке секции клонирования.

Он с отвращением скорчил гримасу, а она закатила глаза и вышла из кухни.

— Странный парень, — пробормотала Мария.

Ей было тревожно. Словно на них надвигался

ураган, но отвернул в самый последний миг. Хиро был умен, мягок и непредсказуем. Непредсказуемые мужчины загадочны и романтичны, когда вы молоды. Несколько десятков лет спустя, каков бы ни был биологический возраст организма, непредсказуемые мужчины теряют свою притягательность.

В опыте Марии непредсказуемость равнялась опасности.

Мария устала до мозга костей, но Джоанна за ужином выглядела такой измученной и встревоженной, что Мария решила еще раз поискать шприц.

Она облачилась в костюм, предохраняющий от биологической опасности, и по опорам в стене поднялась к потолку. Пристегнулась карабином к потолочному кольцу. Здесь, наверху, помещался вентиляционный воздухозаборник, и он втянул немало жуткой дряни. Если бы она не искала улики, то просто вынула бы фильтр и заменила новым, но надо было внимательно просмотреть все жидкости, чтобы точно ничего не упустить.

Здесь действительно что-то было.

В воздушном фильтре и впрямь застрял маленький шприц. Он увяз в чем-то липком — Мария даже не хотела распознавать, в чем. Рукой в пер-

чатке она вытащила шприц из грязи и положила в специальный мешок, который дала ей доктор.

— Лучше не бывает, — пробормотала она. Сменила фильтр и пообещала себе, что в ближайшие дни вернется сюда и вычистит вентиляцию.

Все еще липкая и грязная, Мария отнесла шприц в медицинский отсек Джоанне, которая наблюдала за клоном капитана.

Мария протянула ей мешок, и Джоанна приняла его — кивнув, но не сказав ни слова.

У врача в лаборатории были устройства, способные синтезировать наркотики, и, очевидно, именно отсюда взялся кетамин. Могла ли она запрограммировать пищевой принтер, чтобы он производил цикуту?

Мария мысленно покачала головой. Если бы за цикутой стояла Джоанна, она постаралась бы сохранить это в тайне, не стала бы сразу сообщать.

Подобные рассуждения были работой Вольфганга, а не Марии. У нее есть о чем побеспокоиться.

— Сообщу, что узнаю. Ты заслужила право знать, — сказала Джоанна. — Спасибо за то, что не болтала.

Мария пожала плечами.

— Удачи. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

Когда Мария, бросив защитный костюм в очистное устройство, возвращалась, ее планшет пискнул. Она с тревогой увидела, что звонит Беге: десерты готовы.

— РИН, ты знаешь, что Беге может посылать мне сообщения? — спросила она.

— Конечно. Я помог ему связаться с тобой.

Мария не была уверена, понравилось ли ей это. Тем не менее это было полезно. Она попросила РИН сообщить членам экипажа, что, если им хочется десерта, он на кухне.

— Быстро ты, — сказал Хиро, когда она вернулась.

— Наверно, мне просто не хватило сил все сделать, — сказала Мария, подходя к Беге. Она достала мороженое «зеленый чай» для Хиро и поставила перед ним.

— Ого! Откуда ты знала, что мне этого дико хотелось? — спросил Хиро.

Мария пожала плечами.

— Проснувшись, все хотят любимую еду. И угодить им просто. Беге, кажется, всегда это знал.

Она вернулась к принтеру и взяла свой десерт — лакомство, которое неизменно заставляло ее вспомнить тетку.

Пища из принтера была не совсем такой, какую

они ели на Земле. Технология усовершенствовала возможности клонирования людей, копирования и модификации их ДНК и даже модификации личности. Все это было возможно, но вот воспроизвести хорошие взбитые сливки оказалось очень трудно. Или правильно вонючий лимбургский сыр. Или жгучесть хабанеро[4]. Но принтер делал что мог, а экипаж не жаловался.

Однако в глубине души Мария тосковала по настоящему вкусу хорошей *кокито акарамеладо*[5], и знание того, что она не сможет ощутить этот вкус еще четыреста лет или вообще никогда, если необходимые растения не приживутся на новой планете, — отчасти угнетало ее.

Однако Беге старался воспроизвести запах. Тяжелый густой пар, валивший из его внутренней камеры, пах почти как настоящий.

Первую порцию она жадно слопала на кухне, повернувшись спиной к Хиро и тайно наслаждаясь вкусом. Положила печенье в рот и стала жевать, закрыв глаза. Щеки у нее раздулись.

Этот вкус, густой, сладкий, успокаивающий, всегда напоминал ей о доме.

---

[4] Сноски: 4
Очень жгучий перец.

[5] Сноски: 5
Пуэрто-риканское печенье — кокито в карамели.

Тетя Лусия, умершая больше ста лет назад, была для Марии второй матерью. Когда ее охватывала ностальгия и хотелось утешения, Мария всегда вспоминала кухню тети Лусии.

Но, когда это воспоминание пришло сейчас, это произошло иначе, чем всегда. Это было что-то другое, как объявившийся в Хеллоуин на пороге сосед — знакомый, но выглядящий совсем по-другому в дешевом карнавальном костюме.

Мария, не открывая глаз, ждала, когда воспоминание поглотит ее.

* * *

На крыльце скрипнуло кресло-качалка тети Лусии.

Крыльцо было на Луне, а в некотором удалении за ним распахивалось чернильно-черное небо с сияющей Землей. Жить на Луне за пределами купола было невозможно; вероятно, это раскачивающееся кресло никогда не существовало. Значит, сон.

В отдалении блестел лунный купол, и Мария видела, что внутри: шаттлы, монорельсы, люди, прогуливающиеся по пешеходным мостикам. Она удивилась, почему она, ее тетя, порог и кресло здесь, а не там.

— Нельзя им доверять. Ты ведь знаешь это, девочка?

Странным в тете Лусии было то, что кожа у нее оказалась гораздо светлее, чем помнила Мария. И волосы — курчавые, словно из Африки, а не из Латинской Америки. И шелковый халат. Тетя одета небрежно, но ее вещи стоили больше всего гардероба Марии.

Вдобавок тетя была вооружена цепной пилой, которую положила рядом со своим креслом.

Мария никогда не видела у тети Лусии цепной пилы.

— Доверять кем? — спрашивает она.

— Не «кем», а «кому», дитя. Им всем. Учи язык, девочка, иначе белый человек в выглаженных джинсах поправит тебя. Он думает, что помогает тебе, бедняжка.

Это тоже было очень странно. Тетя Лусия почти не говорила по-английски. А у этой был американский акцент.

– *Кому* нельзя доверять? — спросила она у тети.

— Никому. Никому из них. Ты же знаешь, почему я снова и снова должна тебе это повторять? Они забрали тебя. Использовали тебя. Выбросили на помойку. В следующий раз помни, что я тебе

сказала.

— Никому? Почему ты считаешь, что они все плохие?

— Нельзя прожить столетия, не накопив в шкафу кучу скелетов, правда, Мария?

Она — порождение сна, которое — Мария чувствовала это — действительно было ее тетей Лусией, вырастившей ее, но которая сейчас ничуть не походила на ее любимую тетю, — посмотрела прямо на Марию.

Скелеты у Марии были. Ее скелеты и их клоны лежали друг на друге штабелями, как дрова. Но это было что-то новое, приключение, свежее начало. «Дормире» не предназначался для перевозки скелетов.

— Если вы, дети, не перестанете ссориться, я поверну этот корабль обратно, — сказала тетя Лусия, и сразу же рядом с ней оказались Хиро, Вольфганг, Поль, капитан Катрина и Джоанна; все они как бы стояли в свете прожектора, но он не освещал их, а только отбрасывал тени. Отчетливо видны были их силуэты — от высокой фигуры Вольфганга до сгорбленного маленького Поля. Они ждали ее в темноте.

— Я бы хотела понять, тетя Лусия, — сказала Мария.

— Поймешь, девочка. Я только надеюсь, что поймешь вовремя. Держи наготове ключи от этой клетки с раками-отшельниками, они тебе понадобятся, — сказала тетя Лусия и перегнулась через подлокотник за цепной пилой. Маленькая пила у нее в руках выглядела на месте. Лусия встала и выпрямилась. — Осторожнее, Мария.

У ног Марии рак-отшельник тащил через порог свою раковину, осторожно шевеля усиками.

— Здравствуй, дружище, — сказала Мария.

Ядокари

Третий день.
27 июля 2493 года

Мария проснулась внезапно. Было уже поздно, и ей что-то следовало сделать. Она выскочила из постели и была на ногах раньше, чем вспомнила, кто она и что здесь делает. Она посмотрела на часы на своем тусклом терминале. Пять утра по корабельному времени. В голове стучало.

Она подошла к раковине и плеснула воды в лицо. Ей нужен доверенный человек: одна она не справится. Она хотела бы довериться Джоанне, но врач шла к тому, чтобы обвинить себя по меньшей мере в одном преступлении. На кого Мария может рассчитывать?

Кому доверять?

Негромко зазвенел ее планшет: пришло текстовое сообщение. Может, Джоанна дозрела, чтобы поговорить о сегодняшней находке. Или капитан бросила Вольфганга в карцер за убийство. А может, кто-то еще не спит в эту несусветную рань.

Сообщение от Хиро.

НЕ СПИШЬ.

Она взглянула на камеры.

ДА. ЭТО РИН СКАЗАЛ ТЕБЕ, ЧТО Я НЕ СПЛЮ?

НУ ДА.

Мария застонала. Слежка посредством ИИ — малоутешительно.

ТЫ НЕ ПРОТРЕЗВЕЛ?

НЕТ,

У МЕНЯ ПОХМЕЛЬЕ. ПОХМЕЛЬЕ. НЕМНОГИМ ЛУЧШЕ ОПЬЯНЕНИЯ. НО ОПРЕДЕЛЕННО КУДА ОГОРЧИТЕЛЬНЕЕ.

— Боже мой, он хочет, чтобы я с помощью Беге сварганила ему лекарство от похмелья, — пробормотала она. Потом написала:

ЧТО ТЕБЕ НУЖНО?

ПОЙДЕМ ПОГУЛЯЕМ.

Она скорбно посмотрела на кровать. Похмелье Хиро — совсем не то, что ей сейчас нужно. Но он единственный бодрствует; к тому же у всех остальных как будто своя повестка дня. И, вероятно, они спят.

Планшет звякнул: Хиро хотелось поговорить.

— Жеваный крот, Мария, почему ты заставляешь меня печатать в такую рань?

— Это ты меня вызвал, — ответила она.

— Ты всегда на высоте морально. А, мисс совершенство?

— А ты опять вот-вот выставишь себя дура-

ком, — раздраженно сказала она. — Тебе нужно мое общество или нет? Я с удовольствием снова лягу. И перестань заставлять ИИ шпионить за мной.

— Я только спросил его, спишь ли ты. И прости, что был таким придурком. Виню во всем похмелье. Официально приношу извинения. Запиши это в мое досье. Я очень хороший человек. Кстати о хорошем, давай пустимся в приключения. Свалимся в кроличью нору и навестим Чеширского кота. Отдадимся на волю ветра. Давай… подожди, а что мы вообще собираемся делать?

— Ты пригласил меня на прогулку, — напомнила ему Мария.

— Верно! Встретимся в рулевой рубке.

* * *

Когда Мария пришла в рубку, Хиро выглядел помятым и слегка неустойчивым. Вокруг них медленно вращалась Вселенная, и Хиро, судя по всему, не хотелось на это смотреть.

— Кстати, почему я? — спросила она, подходя и надевая на комбинезон легкую куртку.

— Я решил, что ты единственная не станешь надо мной смеяться, — сказал он. — И не посадишь меня в карцер.

— Зачем бы мне это? Ты боишься, что ты убийца, и хочешь рассказать об этом только мне?

Она стояла у самой границы его досягаемости и чувствовала себя глупо.

— Нет, я не имею к этому никакого отношения. Хочу показать тебе, что я нашел. Но это нелепо, и я понимаю, что они не примут это всерьез. А ты можешь.

— Ладно, и что же это? И сильно ли будет злиться на нас Вольфганг, когда узнает, что мы делаем то, что делаем?

— Это еще одна причина, почему я хочу отвести тебя туда, — сказал Хиро. — Чтобы, если нас поймают, он не смог бы обвинить меня во вредительстве или в чем-нибудь еще.

— Чему именно мы не вредим? — спросила Мария. — А знаешь, он ведь может обвинить нас обоих.

— Я просто хочу пойти в сад. Это не противоречит правилам. Мне нужна бóльшая приватность. — Он отвел взгляд. — Я… кое-что нашел.

— Почему здесь? — спросила Мария, внезапно настораживаясь.

Он достал из кармана листок бумаги и протянул ей. Мелким почерком там было написано: *«Там нет камер»*.

Он хотел что-то утаить от РИН. Справедливое желание.

— Так вот зачем я тебе нужна. Из-за доступа для уборки. — Она подмигнула Хиро и достала карточку-ключ. — А ты понимаешь, что, если узнают, что я использовала ключ не по назначению, Вольфганг посадит в карцер нас обоих.

— Я его самого посажу в карцер, — мрачно ответил Хиро. — Мне следовало бы иметь собственный карцер. Хиро Сато, пилот и шериф внешнего космоса. Хиро. Космический шериф.

— Пойдем, космический ковбой. Я пойду первой, чтобы твой значок не запачкался, — сказала Мария.

* * *

Хиро и Мария стояли перед круглой желтой дверью в конце коридора в таком уголке корабля, которого Хиро совершенно не помнил, хотя, вероятно, бывал здесь часто. Здесь, одним уровнем ниже жилого, тяготение было чуть больше того, к которому они привыкли, но ничего такого, с чем они не сумели бы справиться.

Он объяснял свою нервозность похмельем, и Мария как будто ему поверила.

Карточку она держала в правой руке.

— Знаешь, остальной экипаж не слишком одобрит то, что мы здесь шныряем?

Он кивнул, покачиваясь на пальцах ног.

— РИН, вероятно, доложит Вольфгангу, что мы бродим здесь без дела, вместо того чтобы работать или спать, — шепотом добавила она.

Она провела карточкой, и дверь с легким шипением открылась.

Внутри находился огромный гидропонный сад, который тянулся как будто на милю. Только в жилой зоне корабля были концентрические этажи; сад представлял собой внутреннюю поверхность цилиндра корабля, потолком ему служил верхний уровень на другой стороне. Прямые стены заканчивались дверью в каждом конце.

От того, что, посмотрев наверх, она видела Землю, у Марии кружилась голова, и она старалась не глядеть туда. Здесь были цветы, поля, роща деревьев и длинные окна, разделенные имитирующими солнце лампами, размещенные на противоположной стороне, которые позволяли смотреть наружу. В окнах виднелись только звезды, еще было слишком рано.

Сад тянулся вдоль всего корабля, отчего растения и вода размещались и под ногами, и над головой. Так далеко в темноте они не видели, но

Марию смущала мысль о том, что с началом дня она увидит над собой траву и озеро.

— Здесь я нервничаю, — сказала она. — Я знаю, как действует тяготение, но не хочется думать, что мы стоим на потолке.

Хиро вспомнил, что видел это место во время экскурсии по кораблю. Сад предназначался для того, чтобы члены экипажа могли здесь расслабиться, забыть о проблемах, но, кроме того, в его озере содержалась существенная часть воды корабля. На дне работают рециклеры воды.

Было очень сыро, трава хлюпала под ногами.

— Что за черт? — спросил Хиро, нахмурившись. — Мы что, везем с собой болото?

— Отказ гравитационного двигателя, — напомнила Мария. — Должно быть, здесь плавало все озеро. Наверно, то еще было зрелище.

Он потрогал ногой влажную почву.

— Думаешь, мы вернем воду на место?

— Такой случай должны были предусмотреть. Я уверена, у сада больше восстановительных возможностей, не только машины на дне озера.

За окнами засветились большие лампы, имитируя восход солнца на Земле. Везде, куда ни глянь, зеленела растительность.

— Как все это смогло прожить двадцать пять

лет? — тихо спросила Мария. — Нужна целая экосистема, включая насекомых, еду для этих насекомых и все вплоть до верха цепочки.

— Об этом заботится РИН со своими роботами. Наноботы, роботы всех размеров. Источник питания — солнечный свет. А камеры и микрофоны — сейчас они, возможно, не работают — только в концах на стенах. Но все равно нельзя терять время.

— Откуда ты все это знаешь? — подозрительно спросила Мария.

— Изучал план корабля еще до старта. А ты разве нет?

— Нет, — сказала она, нахмурившись. — Наверное, нет. Ну так зачем мы здесь?

— Слушай. Я прочел японскую инструкцию для Беге — ту самую, которую подложили, когда руководство украли, — и клянусь тебе, в ней послание. Я думаю, оно адресовано мне.

Вот в чем было дело. Хиро сошел с ума. У него приступ паранойи. А она уже почти поверила, что нашла в нем друга.

Они лишь кивнула: продолжай. Он достал планшет и показал Марии на часть текста.

— Вот. Здесь.

— Я не читаю по-японски, — напомнила Ма-

рия.

— Здесь говорится, что я должен кое-что сделать с ИИ. Нечто, связанное с программированием. Но я не программист, потому не знаю, как это понять.

— Но откуда ты знаешь, что это послание тебе?

Здесь говорится: «Акихиро Сато, ты должен разбудить меня».

Она уставилась на него.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Зачем мне врать, будто инструкция для пищевого принтера беседует со мной?

— Затем, что ты стал совершенным параноиком, — сказала она. — Хиро, мы все переживаем поганейший стресс. Одних из нас в прошлый раз отравили, других изрезали ножом, третьих повесили. Все мы сейчас не в здравом уме.

Все мы… Не один из нас…

Мария закрыла глаза и попыталась заглушить учителя грамматики, поселившегося с некоторых пор в ее сознании.

— Хорошо. Предположим, боги принтера пытаются говорить с тобой. Что точно они сказали?

Он начал зачитывать инструкцию, подробно рассказывающую, как подступиться к внутреннему программированию ИИ. У ИИ, объяснялось

там, есть сдерживающий код; если его устранить, ИИ станет активным на сто процентов. Далее содержалась информация, как это сделать.

— Но тут ничего не говорится, зачем и когда, — с досадой сказал Хиро. — Они правда думали, что мы так рано достанем этот принтер? Или еще раньше? На середине полета?

— Первый принтер при правильном обслуживании должен был проработать еще несколько десятилетий, — сказала Мария; кровь громко стучала у нее в ушах. *Он не мог выдумать такую подробную информацию о программировании. Должно быть, он прав.*

Хиро потер затылок и посмотрел на светлеющий сад.

— Может быть, я схожу с ума, — сказал он. — Потому что после этого идет рецепт приготовления на пищевом принтере ядокари́.

— Ядокари, — повторила Мария, услышав знакомое японское слово. *О, святая матерь божья.* Сердце стучало, она облизала губы. — Почему, по-твоему, он говорит с тобой о раке-отшельнике, Хиро? Почему он вообще говорит *с тобой*?

С этими словами она отступила от него.

Глаза у него широко раскрылись, и он кинулся на нее.

История Хиро

206 лет назад
24 февраля 2287 года
– Аки-ХИРО!

Когда бабушка так произносила его имя, он знал, что попытка спрятаться только отсрочит наказание, а может, и усилит его. Но, как известно всем детям, наказание завтра всегда предпочтительнее наказания сегодня. Поэтому он спрятался.

В их квартире в высотном доме в Токио, к сожалению, прятаться было почти негде. А выходить на улицу после случая с дамой в красном платье ему запрещалось, поэтому он спрятался в кладовке для метел, старательно расставив перед собой метлы и швабры, чтобы скрыться за ними. Он был худеньким, но все же не настолько.

Он сжался: бабушка продолжала его звать, голос ее делался все грубее и громче, гнев разгорался. По его уху пополз паук, и он заткнул рот кулаком, чтобы не завизжать. Дверь распахнулась в тот миг, когда паук впился ему в ухо. Бабушка стояла в дверях с покрасневшими глазами и топором…

Хиро, задыхаясь, сел в постели. Целых две жиз-

ни отделяют его от жестокого чудовища, а она ему по-прежнему снится. Он потряс головой, чувствуя, как пот капает с волос. Пора было постричься.

Он тихо выбрался из постели и неслышно прошлепал по коридору в ванную. Включил свет и наблюдал за массовым исходом тараканов, лениво гадая, что они обсуждали, пока он спал. Хиро потер ухо. Его первое клонирование убрало шрам от укуса паука — не говоря уж о шрамах от побоев, — но привычка осталась.

Он помочился, зевая, и подумал о своем банковском счете. Еще два месяца, и у него накопится довольно денег, чтобы выбраться из этой трущобы и, может быть, устроиться парикмахером в салон получше нынешнего. Сейчас он стрижет в студии над лапшичной, и половина его работы оплачивалась бартером.

Его уже тошнило от бесплатной лапши, но он никогда не скажет об этом старой мисс Ло, которая дает ему талоны на лапшу за бесплатную стрижку.

Хиро уже решил, что время от времени будет навещать ее, когда переедет в новую квартиру. Он представлял себе ее лицо, когда заглянет в первый раз — модный, хорошо обеспеченный

стилист… и тут вышибли дверь. Эти дерьмовые двери нетрудно было вынести, а копы притащили таран.

Через пять секунд он лежал ничком на полу ванной, думая, кто же заплатит за сломанную дверь.

* * *

— Я Акихиро Сато. Я законный клон и согласен добровольно предоставить свою карту мозга. Она недавняя. Я никогда не делал ничего незаконного, — снова сказал он неулыбающейся полицейской. Ему ничего не дали от шишки на лбу, и головная боль усиливалась.

Его бабушка уже девяносто пять лет лежала в могиле, но он задумался, не могла ли она воскреснуть в обличье женщины-детектива, которая его сейчас допрашивала.

— Мистер Сато, вы хотите сказать, что вы законный клон, подчиняющийся всем международным Кодицилам? Каждому из них? — спросила детектив, белая женщина средних лет, с девичьей короткой стрижкой. Ее звали детектив Натали Ло. *«Не родственница. Очевидно»*, — сказала она, когда он бодро поинтересовался, не родственница ли она хозяйки лапшичной.

На рукаве у детектива Ло красовался знак Близнецов — свидетельство того, что коп специализируется на законах о клонировании.

— Это я вам и говорю. Мои файлы недавно обновлялись, вам нужно только заглянуть в них, — сказал он, передавая ей флешку, которую носил на запястье.

На флешке клона объемом несколько терабайтов памяти содержатся все данные, включая самую последнюю карту мозга, документы, ДНК и полную историю. Клон обязан всегда держать эту флешку при себе.

Детектив Ло не взяла флешку.

— А что вы скажете об этом? — спросила она, доставая из «дипломата» прозрачную папку и протягивая ее Хиро.

Он открыл папку и увидел свое изображение. Себя. Там, где он никогда не был. Занятого тем, чего он никогда не делал. Очень кровавым и свирепым.

Истерический голос в голове предположил, что он стриг клиента, а в итоге перерезал ему горло и совершенно забыл об этом.

В комнате везде была кровь — она капала с кровати на пол. Ни капли крови не осталось на руках того Хиро, который на нескольких снимках

с камер безопасности перерезал человеку горло, уложил его на кровать и вышел. На последнем кадре он смотрел прямо в камеру; глаза у него слегка расширены, как будто он только что понял — за ним наблюдают.

— Это не я…

Слова застыли у него в горле, когда он понял, что это худшая форма защиты.

— Мистер Сато, эти фотографии позволяют нам утверждать несколько вещей. Либо вы нам лжете и занимаетесь убийствами ради процветания своего парикмахерского дела, — сказала она, недоверчиво приподняв бровь. — Хотя, будь вы наемным убийцей, вы не жили бы в той дыре, где мы вас нашли.

— Я не… — начал он, но она не дала ему договорить.

— Либо вы нелегальный клон, нарушающий международные законы о клонировании. — Она достала из обшарпанного кожаного дипломата, — наследства какого-то родственника-полицейского, предположил Хиро, — еще один лист и посмотрела на него. — Незаконно иметь несколько своих клонов одновременно. Клонирование должно использоваться только для продолжения жизни, а не для умножения ее.

Либо же, — она поморщилась и наконец взяла флешку Хиро, держа ее так, словно та могла разломаться у нее в пальцах, — у вас есть двойник. Тоже клон. Но это мы сейчас установим.

Не оглядываясь, детектив Ло протянула флешку памяти через плечо невысокой женщине в форме.

— Мицуки, пожалуйста, извлеките отсюда необходимую информацию и распечатайте ее.

— Да, мэм, — ответила Мицуки и вышла с флешкой из комнаты.

Хиро стало интересно, распечатает ли она все данные о его личности и воспоминания. Для этого в целом свете не хватило бы бумаги. Люди не представляют себе, сколько нужно информации, чтобы создать подлинного клона.

Детектив Ло спокойно сидела и смотрела, как Хиро отчаянно трет голову.

— Вы неразговорчивы, — сказала она наконец.

— А что говорить? — ответил он. — Если я буду все отрицать, вы мне не поверите. Если буду молчать, вы примете это за признание вины, но хотя бы тогда я не скажу ничего такого, что вы могли бы использовать против меня потом.

— Это вы? — спросила она, показывая на Хиро на снимке.

— Нет.

— Близнец?

— Нет.

— Ваш незаконный клон?

— Похоже на то, — сказал он, вскинул брови и горько рассмеялся. — Да послушайте же, я понимаю, как это все выглядит, я не дурак. А вам не приходило в голову, что хотя и похоже, что где-то есть другой я, это не моя вина? Моя ДНК есть в нескольких базах данных. И вы знаете, что время от времени эти базы данных взламывают.

Дьявольщина, насколько я понимаю, — добавил он, глядя на дверь, в которую вышла женщина с его флешкой, — ваш коп сейчас снимает мою копию. Вы ведь знаете, что я не должен выпускать флешку из вида, верно? По закону.

— Мне нужно знать, где вы были в прошлую среду вечером, — сказала детектив.

Вечер среды. В тот вечер у него было три клиента. Найти их не составит труда.

— Это можно, — сказал он.

Она дала ему планшет и ручку, чтобы он записал информацию о своем алиби. Хиро начал писать, а она сказала:

— Для человека, попавшего в серьезные неприятности, вы кажетесь очень спокойным.

— Я знаю, что ни в чем не виноват. И если существует незаконный клон, то это он, а не я, — ответил Хиро.

— Но, если мы поймаем его, одного из вас сотрут, — сказала она.

Он посмотрел в ее вежливое бесстрастное лицо.

— Надеюсь, вы сотрете убийцу.

— Закон велит нам стирать копию, а не преступника, — сказала она. — Очевидно, создание незаконного клона — более тяжкое преступление, чем смерть обычного человека. — Она с откровенной неприязнью посмотрела на него. — Не я писала эти правила.

— Что ж, законодатели — ослы, — негромко сказал он, пытаясь вспомнить, как зовут клиентку, которая красит волосы в зеленый цвет. Он называл ее про себя «дама с зелеными подмышками», но сомневался, что полиция сумеет отыскать ее по этому признаку.

Детектив Ло пожала плечами.

— В этом я могу с вами согласиться.

Она несколько мгновений смотрела на него, потом сказала:

— Как насчет того, что внутри вас что-то способно на то, что мы видели? Даже не вспотев при

этом. Как вы это объясните?

— Что вы хотите сказать? Это был не я.

— Но что-то в вас способно на это. Или в ваше тело могли поместить другую личность, — предположила она.

— Хакеры умеют многое, но такого они пока не могут. Не сведя вас с ума. — Он показал на шеврон на ее плече. — Вы ведь проходили это в вашей школе охоты на клонов?

Она улыбнулась.

— Конечно. Просто хотела выяснить, знаете ли об этом вы. Бросила вам фальшивый спасательный трос.

— Спасибо. Я совершенно уверен, что того клона взломал хакер. Я бы никогда такого не сделал.

— Посмотрим, — ответила она.

* * *

Три дня спустя, сидя лицом к лицу со своим клоном, Хиро пытался подавить испарину, выступившую у него на лбу.

Клон пренебрежительно смотрел на него и молчал. Почему он не расстроен, как Хиро? Смотреть на самого себя — такое не должно было происходить с клоном.

Клоны обычно не видят свои мертвые тела, а

если видят — ну что ж, те, кого они видят, мертвы. Не ходят повсюду, предположительно убивая людей. Как только клон умирает, его прежнее тело начинают называть оболочкой и избавляются от него, как от мусора.

Хиро думал, что это будет как смотреть в зеркало, но человек напротив него — с простой прической, сильным телом и сардоническим лицом — всем своим видом говорил: *«Я высший, доминантный, настоящий Акихиро Сато».*

Они были в комнате одни, но Хиро знал, что их записывают. Он полагал, что иллюзии одиночества достаточно.

Женщину с зелеными подмышками звали Озума Танака. Она подтвердила его алиби, а еще у него возникло странное ощущение в животе, когда она сказала, что видела его в подземке за час до прихода полиции.

Его клона задержали на следующее утро.

— Я Акихиро Сато, третий в этой линии, — сказал Хиро.

Клон рассмеялся.

— Вовсе нет. Ты по меньшей мере седьмой.

Хиро узнал шутку. Он пользовался ею для защиты, а эта его версия — для нападения. Он решил не поддаваться.

— Как тебя зовут.

— Я Акихиро Сато, девятый в этой линии.

Хиро потер ухо.

— А кто остальные?

Девятый ухмыльнулся.

— Остальные мертвы, за исключением Восьмого, который завершает миссию. Миссию, которую начал ты.

— Нет, — сказал Хиро. — Я не знаю, о чем ты…

Он посмотрел на камеры, и по его спине пробежал холодок.

— Оставь, Седьмой, ты, честный, законопослушный, обеспечивал алиби, пока мы с Восьмым работали. Не думай, что выкрутишься теперь, когда нас поймали. Когда поймают Восьмого, нас с ним сотрут, а ты, вероятно, отправишься в тюрьму. Но ничего страшного. Миссия почти завершена.

— Какая миссия? — воскликнул Хиро. — Я Третий, я помню свою первую жизнь, я родился в Токио, прожил шестьдесят восемь лет, выучился портновскому мастерству у отца… — Тут Девятый рассмеялся, но Хиро отчаянно продолжал: — В своей второй жизни я был журналистом и писателем, но умер раньше, чем закончил свой первый роман. Меня застрелили во время восстания кло-

нов в Токио. Все это есть на моей флешке.

Последние слова были обращены к камерам; его жизнь должным образом запротоколировали и записали, он не слишком впечатлительный человек, которого интересовало клонирование и который решил, что бессмертие сделает его более смелым и склонным к риску. Поскольку он рассказывал о садоводстве и погоде в местных новостях, эти его мечты так и не осуществились. Воспоминания об отце и матери, о первой любви — любви человека, а потом о чувствах клона — все это четко отпечаталось в его сознании.

Его снова замутило, и он услышал щелчок: включился микрофон. Послышался четкий, громкий голос детектива Ло.

— Мистер Сато, Третий, мы задержали еще одного клона, который утверждает, что он — это вы. Он называет себя Восьмым.

Акихиро Сато, Девятый в линии, развел руками и улыбнулся.

— А вот теперь миссия завершена.

Хиро провел в тюрьме три недели, пока детектив Ло проводила расследование. Он попросил чистый блокнот и ручку, и, когда было установлено, что он не замышлял самоубийство, ему все принесли.

Хиро начал дотошно записывать свои воспоминания. Он отчетливо, со всеми подробностями помнил родителей, сестер, свою счастливую жизнь в Токио, школьные годы, исключение из школы, мятеж клонов и как стриг клонов-активистов, узнавая о бессмертии. Он хотел стать бессмертным.

Вторая жизнь Хиро была короткой и жестокой — он потерял все средства, неудачно вложив их, и погиб во время второго восстания клонов.

Воспоминания были отчетливые, такие отчетливые…

Аки-ХИРО!

Ее голос снова вспорол воспоминания, и Хиро невольно сжался. Бабушка. Она его вырастила, била, старалась «сделать из него человека». В 16 лет он сбежал и жил с одной парой в маленькой квартирке в Токио, там и научился косметологии от мадам-наркоманки. А заодно узнал о заболеваниях, передаваемых половым путем.

Хиро положил ручку и потер лоб. Два набора воспоминаний — разных воспоминаний — боролись в его сознании. Он помнил родителей так четко, словно смотрел телепередачу, но чувствовал удары ремня по голым ногам и знал, что воспоминания о бабушке настоящие.

Он бросил блокнот и позвал детектива Ло.

Ло протянула ему керамическую кружку; в нее до половины налит чай. Хиро дрожал так сильно, что первый — бумажный — стаканчик чая пролил на бумагу и обжег руку. Более тяжелая кружка помогла справиться с дрожью, он отхлебнул сладкого чаю и глубоко вдохнул.

Детектив никого не позвала, чтобы вытереть пролитый чай. Циничный голос в голове Хиро спрашивал — что это, какая-то психологическая игра? Он точно не знал, его ли это голос.

Ло сидела в кресле и читала его дневник, пока он пил. Пролистала страницы назад, чтобы что-то проверить на предыдущей странице, потом положила блокнот. Сняла очки и потерла переносицу.

— Либо вы хороший беллетрист, либо у вас большие неприятности, — сказала она наконец.

— Как писатель я потерпел неудачу, — сухо отозвался он. — Во второй жизни. Помните?

Она указала на блокнот, который аккуратно положила на стол подальше от пролитого чая.

— Резонно. Если честно, совсем не похоже на то, что я читала раньше, так что не стану прекращать вашу поденную работу. — Она помолчала и добавила: — Но вы ведь не знаете, в чем она

заключается.

Хиро безучастно смотрел на нее.

— Но этого не может быть. Хакеры на такое не способны.

— Подпольные хакеры выросли. Прежде у них был ряд ограничений. Сейчас существует только одно: не делай этого. Что, по сути, разрешило им творить все, что угодно. Они могут создать мощную память, и мозг заполнит пустоты, как делает наш мозг, когда мы помним лишь часть события.

— Тогда я даже не знаю, кто я, — сказал Хиро, глядя в свою чашку.

— Вы — уникальная жертва, мистер Сато, — сказала детектив Ло.

Хиро поднял голову, и Ло улыбнулась, довольно добродушно.

— Поймите, не я вас тут держу. Закон не позволяет мне вас отпустить. Но я начинаю верить, что вы мало связаны с совершенными здесь преступлениями. Не только потому, что вас, кажется, скоро сотрут, если те двое проснулись после вас. Очевидно, что тот, у кого в руках оказалась матрица Акихиро Сато, создал несколько ваших клонов, потом смешал карты мозга и вложил их в голову одного более позднего клона. У вас

карты мозга по меньшей мере двух живших одновременно клонов. Захватывающе интересно думать об этом, представлять себе, как по-разному ведут себя ваши клоны, выросшие в разном окружении.

— Интересно, пока вы сами не проживаете это! — воскликнул Хиро, чувствуя, что вот-вот истерически рассмеется. — Я вспоминаю жуткие вещи, о которых не позволял себе думать. Я считал, что это кошмары, но теперь… это был я! Что-то заставляло меня творить всякие ужасы, — повторил он, не желая распространяться дальше. У него и так было достаточно неприятностей.

— Расскажите, какие именно, — попросила Ло, подавшись вперед.

— Убийства. Пытки. Иногда я пользовался ножом. Но предпочитал орудовать голыми руками. — Он уставился на свои чистые руки. — Ведь такое, конечно же, случалось и раньше? Много одинаковых клонов, некоторые из них совершают преступления, и каковы права каждого? Не может быть, что я первый.

— Возможно, вы первый в наших данных, кто не знал, что его продублировали вопреки его воле, — сказала Ло. — Мы отсмотрели карты мозга ваших клонов, Хиро. Они точно моложе

вас. Сейчас у вас нет никаких прав. Мы могли бы подвергнуть вас легальной эвтаназии.

Хиро почувствовал, что чай угрожает вернуться. Об этом аспекте закона о клонах он никогда не задумывался.

— А вы снимете мою карту мозга? Оживите меня снова?

— Не мне это решать, — сказала Ло. — Похоже, в законе существует очень странная лакуна, дающая возможность для злоупотреблений. Мы могли бы убить и вас, и остальных ваших клонов, снова клонировать вас — и тогда получим право подвергнуть эвтаназии убийцу. Это кажется мне неправильным. И что делать с таким количеством карт мозга?

Хиро посмотрел на свои руки, вспоминая, что они творили: душили людей, шарили в открытых ранах, чтобы он слышал крики, вырывали глаза.

— Мне не нужны их воспоминания. На меня уже достаточно навалилось. — Он потер ухо и наконец посмотрел ей в глаза. — Почему вы вообще мне верите? Мне казалось, вы должны скептически относиться к любым моим словам?

Она пожала печами.

— Чую нутром. Ваш рассказ подтверждается. Ваша карта мозга повсюду: очевидно, она

подверглась серьезному взлому. Многократное дублирование усложняет картину. Но, видите ли, не мне принимать окончательное решение. Дело и так уже не моего уровня. И все-таки я хочу вам верить. Вообще, если бы вы лгали, то чтобы казаться самым новым клоном, а не самым старым, тем, который первым идет на плаху.

Хиро поморщился.

— Так что я на вашей стороне, насколько это возможно. Но даже будь вы подлинным святым, вы все равно более старый клон, не имеющий никаких прав. И это я изменить не могу.

* * *

Детектив Ло пыталась вызвать для каждого из Хиро специалиста по психологии клонов, судью и сотрудника лаборатории клонирования. Проблема заключалась в том, что никто не смог найти сотрудников тех лабораторий клонирования, которые помнил Хиро. Очевидно, две такие лаборатории больше не существовали. На карте мозга клона обязательно полагалось быть цифровому штампу лаборатории, однако таких данных не было.

— Я же говорила, ваша карта мозга взломана, — сказала разъяренная Ло.

Хиро по-прежнему сидел в камере, но так называемого «заключения в целях защиты»: в обмен на сотрудничество ему предоставили удобства, о которых он просил.

Любые удобства, кроме свободы. Или права рассказать друзьям, где он.

Когда Ло вошла в камеру, Хиро не взглянул на нее.

— Когда что-то помещают в чужой мозг и это что-то живет в нем, как рак-отшельник, это называется «ядокари». Остроумное название.

Он смотрел в потолок, пытаясь разобраться, какие из воспоминаний принадлежат ему, Хиро с прямой линии. *Хорошему* Хиро. Но ведь он не пошел по прямой, верно? В какой-то момент он расщепился по крайней мере на двух Хиро, и каждый Хиро зажил особой жизнью. У одного было то, что он считал своими воспоминаниями — все, что он помнил с детских лет, у другого то, что Хиро считал кошмарами.

— Один должен быть доминантным, — сказал он.

— Что? — спросила Ло.

Она перестала расхаживать по камере.

— Всю мою нынешнюю жизнь у меня в голове воспоминания двух клонов. Прежде это меня

никогда не беспокоило, потому что один набор воспоминаний я считал подлинным, а другой относил к снам. И только когда все это началось, я понял, что это тоже реальные воспоминания. Однако именно я выбираю, какие воспоминания будут доминировать.

— Вы говорили об этом с психологом? — спросила она.

— Нет, мне это пришло в голову только что, — ответил он, по-прежнему глядя в потолок.

Она села на стул напротив его кровати; удобный стул, он любил читать тут книги, которые она приносила ему.

— Хиро, изучая ваш случай, судья нашел закон, который почти никогда не применялся. Сознание клона нельзя уничтожать.

— Что это значит?

— Мы не можем просто избавиться от лишних Хиро. Когда вы трое умрете, новейший клон Хиро получит все три личности. Я хочу сказать, что по закону вы Акихиро Сато. Если один из вас умрет и мы не поместим его карту мозга в нового Хиро, согласно закону о клонах это будет убийство.

— Что это должно предотвратить?

— Если клон исчезает — в результате собственных действий или став жертвой похищения, —

мы больше не можем клонировать эту личность, поскольку ее самые свежие воспоминания утрачены. Мы не можем просто сделать его заново. Это могло бы случайно привести к созданию дубликата. Вот на какой случай создан этот закон, но под него подпадает и ваш случай.

Хиро сглотнул, начиная понимать.

— Так, значит… ответ…

— Судья вам не сочувствует. Ваши клоны в последнее время стали причиной больших неприятностей.

— Каких?

— В сфере дипломатии — убито несколько послов, — сказала Ло. — Это повлекло серьезные международные последствия. Нарушены наши договоры с другими государствами. Мы не думаем, что дойдет до войны, но у нас большие сложности с некоторыми союзниками.

Хиро пораженно выдохнул.

— И все это хотят свалить на нас?

— Других клонов следует наказать за их преступления. Но, поскольку по закону вы не являетесь личностью, вы невиновны. Поэтому всех вас хотят поместить в одно тело и судить, ведь вы — одна и та же личность.

Хиро ничего не ответил. Он вообще больше

не говорил с ней в этот день. Лежал на кровати, глядя в потолок, пока не погасили свет. Потом смотрел в темноту.

На другой день он подписал официальный документ, утверждающий, что он незаконный клон и подлежит эвтаназии.

Он не спрашивал, как Ло добилась того, чтобы остальные два клона — он про себя называл их «ядокари» — согласились на это. Рассудил, что скоро и так узнает.

Пробуждение третье: Хиро

****

Мария увидела, что он сейчас нападет. Она бы никому в этом не призналась, сомневалась, что должна признаваться.

К тому же это была не самая насущная проблема.

Она знала о ядокари, хотя какое-то время об этом не думала. Серьезный взлом карты мозга, при котором в сознание помещают нечто совершенно новое. Очень немногие хакеры были на такое способны; еще меньше умели сделать это хорошо. Мария вспомнила, что слышала о неудачных попытках — их называли топорной работой, — которые навсегда губили мозг.

Ядокари. Вот почему он напал на нее, когда она слишком на него нажала. *Словно бросила приманку акулам.*

Но она была готова к этому и шагнула в сторону, едва не замешкавшись. Он проскочил мимо нее, и она толкнула его лицом в грязь. Попыталась прижать его к мягкой земле, но он перекатился на спину и ударил. Ее голова запрокинулась, Мария ослабила хватку, и он приподнялся и сбросил ее с себя.

Драться при тяготении, меньшем, чем вы привыкли, было странно. Собственное тело казалось Марии тяжелым и неповоротливым, и в нормальных условиях это было бы ее преимуществом, а Хиро был с нее ростом. Он оседлал ее и попытался ударить головой о землю, но от воды почва раскисла. Было больно, но меньше, чем он рассчитывал.

Она, моргая, смотрела снизу вверх в его недоброе лицо. Над его головой прожужжало металлическое насекомое.

Слава богу, у РИН недреманные очи.

— Как ты узнала? — процедил он сквозь зубы, крепче стискивая ее шею. Манера говорить была знакомая, рубленая, но без привычного дружелюбия того прежнего пилота. — Как ты узнала, как меня вызвать?

Она свела предплечья, стиснув его руки и ослабив давление на шею. Попыталась сбросить его с себя, но он обхватил ее ногами и не упал.

— Ты первый произнес волшебное слово, — просипела она. — Я только побудила тебя произнести его.

— Хиро и Мария, я доложил капитану о вашей ссоре. Капитан будет здесь примерно через две минуты, — послышался далекий голос РИН из

упавшего планшета.

Хиро выбранился, в последний раз вдавил ее в землю и встал. Мария схватила его за манжету, прежде чем он смог убежать.

— Кто же ты такой, черт побери?

— Я по-прежнему Хиро. Только избавился от мягкости, — сказал он. — А теперь отпусти меня.

Он с силой наступил на ее запястье. Вскрикнув от боли, Мария выпустила его.

Она хотела подняться, чтобы гнаться за ним, но в ушах звенело после удара и удушья. Она бережно прижала запястье к груди. К тому времени как она смогла встать, его и след простыл.

Тэк-с. Психопат. Кто-то взял Хиро и начисто лишил его человечности.

— Прости, Хиро. Ты не заслуживаешь ядокари и не заслуживаешь такого, — прошептала она. — РИН, ты видел, куда он сбежал?

— Он в саду. Я его не вижу, но могу отправить туда пчел.

Мария глянула наверх, на постепенно разгорающийся свет.

— Катрина действительно идет сюда?

— Нет. Я хотел посмотреть, что он станет делать, — сказал РИН.

— Значит, ты солгал, чтобы избавить меня от

него? Тебе не кажется, что капитан должна об этом знать?

— Возможно. Кстати, можешь сама ей рассказать.

Мария попробовала согнуть запястье и поморщилась. Сильное растяжение, но, вероятно, без перелома. Лицо саднило в том месте, куда он ударил.

— Хорошо, сейчас позвоню.

— Я известил ее, правда, не тогда, когда сказал тебе. Она уже идет, — сказал РИН. — Ох, ты перестанешь мне верить.

— Какой ужас, — пробормотала она, отвела волосы с лица и сделала глубокий вдох.

Она не знала, что делать: удрать или следить за Хиро. Она ведь не из службы безопасности. Мария попятилась к двери, вытягивая шею, чтобы посмотреть на сад.

При свете сад поистине заставил ахнуть. До озера было рукой подать, и Мария слышала, как внизу работают очистительные механизмы. Вокруг пруда между цветами зеленели травы. Проходя мимо, Мария срывала образцы трав.

Наконец она увидела вдали слева от себя плодовый сад; Хиро пришлось немного подняться по стене, чтобы добраться до него.

Снова ожил РИН.

— Не волнуйся, кавалерия уже почти прибыла.

— Я не волнуюсь, — ответила она. — Просто уношу ноги.

— Да, но если бы я это признал, не смог бы пошутить насчет кавалерии, — сказал РИН.

— Ты шутишь? Вылитый человек, — сказала она, подходя к двери.

— Я восстановился на девяносто пять процентов. Не считая неработающих камер.

— Хорошо, — сказала Мария. Она подошла к двери. — Когда я выйду, запри дверь.

Запру его в самом большом отсеке корабля. Так безопаснее.

Джоанна и Вольфганг собирались утром рециклировать тела, но поднятая РИН тревога нарушила их планы.

— Должен сообщить, что Хиро напал в саду на Марию. Совсем недавно. Она ранена, он убегает, — сказал РИН приятным голосом, каким сообщают о погоде.

— Черт, — сказал Вольфганг; бросив тела в коридоре, они побежали к лестнице в сад. У лестницы их встретила капитан, зубы у нее были стиснуты, в глазах ярость.

Вольфганг не любил сад. Он располагался уров-

нем ниже жилых помещений, но выше самого нижнего яруса, так чтобы здесь можно было создавать необходимые подпочвенные условия для жизни — глубокое озеро, корни деревьев. Поэтому тяготение было меньше, чем на нижнем уровне, но все же больше того, к какому привык Вольфганг.

Тем не менее он первым стал спускаться по лестнице, двигаясь так быстро, как только осмеливался, хотя с каждым шагом становился все тяжелее.

У подножия лестницы они обнаружили Марию. Она стояла у желтой двери, тяжело дыша. Левая сторона ее лица распухла, на шее алели отметины. Правое запястье она прижимала к груди.

— Что случилось? — строго спросила Катрина.

Джоанна протянула руку.

— Покажи запястье.

Мария подчинилась, отдавая раненую руку Джоанне на обследование.

— Случился Хиро, — сказала она. И объяснила, что они с Хиро пошли в сад поговорить и что он обезумел и ни с того ни с сего напал на нее.

— Думаю, у него ядокари, — сказала она.

Вольфганг не слишком владел языками.

— Лапша? — спросил он.

— Нет, незаконно подсаженная личность, — объяснила Джоанна, скривившись. Она посмотрела на Марию. — Они встречаются очень редко. Никогда не видела, чтобы законную подсадку проделали так же хорошо, как с Хиро.

— Это возможно, — сказала Мария. — Много занималась исследованием этой темы. И он сам это подтвердил. Думаю, он по-прежнему Хиро, только все человеческое с него слетело.

— Наверно, он это проделал, чтобы получить алиби, — нахмурившись, сказал Вольфганг. И принялся подражать голосу Хиро: — Я этого не делал, это моя имплантированная личность. Думаю, мы нашли убийцу.

— Не обязательно, — негромко сказала Джоанна.

— Позаботьтесь о ней, — сказал Вольфганг, не обращая внимания на ее возражение. — Капитан.

Катрина угрюмо кивнула.

— Пошли.

* * *

Джоанна отвела дрожащую Марию в медицинский отсек и усадила на вторую больничную кровать. Осторожно взяла ее за подбородок, мягко

повернула вправо, влево.

— У тебя будет впечатляющий фонарь, — сказала она. — Зрение в порядке?

— Да, все хорошо, — ответила Мария. — Меня больше беспокоит запястье.

Джоанна установила, что есть растяжение, но нет перелома, достала бинт и начала осторожно перевязывать поврежденную руку.

— Когда все успокоится, введем наноботов, чтобы ты быстрее выздоровела.

— Почему вы не ввели наноботов ей? — спросила Мария, кивком показав на клон капитана.

— Повреждение мозга превышает возможности большинства наноботов; такие роботы есть лишь в специальных центрах на Земле, и они дорогие до ужаса. Мы считаем, что, как и куча других вещей, клонам они не понадобятся. — Закрепляя бинт, она посмотрела на Марию. — Как ты на самом деле?

— Не знаю. Напугана. Тревожусь о Хиро. Я думала, мы с ним подружились. Это не его вина.

Дрожащей левой рукой она поправила волосы.

— Но больше ты не должна оставаться с ним наедине, — сказала Джоанна, роясь в шкафу в поисках успокоительного. Нашла таблетку и разломила пополам.

— Боже, нет, — выпалила Мария и нервно рассмеялась. — Я не дура. — Она взяла протянутую Джоанной таблетку и положила на ладонь. — Это обязательно?

— Ты в раздрае. Это снимет боль и позволит тебе немного отдохнуть. Поспи здесь, я запру дверь.

Мария кивнула и проглотила таблетку не запивая. Потом порылась в карманах.

— О, и, пожалуйста, проведи анализ вот этого, хотя я абсолютно уверена, что нашла у нас в саду цикуту.

— С чего бы ей там расти? — спросила Джоанна, осторожно взяла растение и поднесла к свету.

— Чтобы ее мог скопировать пищевой принтер? — предположила Мария. — Ведь обычно их не программируют на производство растительного яда.

— Проверю, но скорее всего ты права, — сказала Джоанна.

— Могу сделать это за тебя, — вмешался РИН. — Поднеси ее к камере. К работающей камере, не к той, которую ты обвязала лентой, Джоанна.

— Кажется, у тебя прибавилось глаз, — сказала Джоанна, чувствуя, что покраснела.

— Да, прибавилось.

Она поднесла растение к камере на стене и

стала медленно поворачивать, чтобы он увидел его со всех сторон.

— Определенно цикута, — сказал РИН.

— Думаю, научить принтер делать это было излишней предосторожностью, если цикута не примется в саду, — сказала Джоанна.

— Да какая разница. Давайте ее сожжем, — сказала Мария. Веки у нее потяжелели.

— Давай не будем разводить огонь на космическом корабле, — мягко сказала Джоанна и помогла Марии лечь. — Ее можно выкопать.

— Джоанна, думаешь, это сделал Хиро? — спросила Мария, ложась на подушку.

— Что говорит не в его пользу… но у нас еще нет полной информации, — ответила Джоанна, не высказывая своих сомнений. — Сначала нужно его найти. Но тебя это не касается, тебе нужно отдохнуть.

— Это не он. Я уверена. Он просто застрял внутри своего сознания вместе с этой штукой. Неудивительно, что он иногда вел себя как болван. Но больше я ему не верю.

И Мария уснула.

У Марии неблагодарная работа. Мы должны больше ценить ее.

История Марии

211 лет назад
10 июля 2282 года

Доктор Мария Арена разгладила на бедрах серый костюм и строго приказала себе не нервничать. Ей больше ста лет, и ей приходилось иметь дело с разными клиентами. Впрочем, в этом случае нет такой необходимости. Она ввязалась в какую-то серьезную заваруху, но свое дело знает, и даже в этом элегантном нарядном костюме по-прежнему остается собой.

Опозоренной безработной парией, но все равно собой.

Самоуправляемый лимузин остановился, и швейцар поспешил помочь ей выйти. Шелковая ткань ласкала кожу, вызывая легкую дрожь. Она приняла помощь, чувствуя себя нелепо: ведь она не на шпильках и не в платье с шлейфом.

— Доктор Арена, — сказал швейцар. — Добро пожаловать в «Файртаун».

«Файртауном» называлось самое высокое здание в мире — целый километр высотой, построенное как город, так чтобы никому не было нужды его покидать. Торговый центр, отели, про-

дуктовые магазины, больницы, ночные клубы, театры, парки, фитнес-центры, были даже бездомные, ютящиеся на пятьдесят первом этаже. Негде было приклонить колено для молитвы.

«Файртаун» построили в Нью-Йорке на месте первого восстания клонов. Хозяйка здания, Салли Миньон, задумала его как убежище для клонов. В здании жила треть мирового населения клонов. Мария никогда прежде в нем не бывала и очень волновалась.

Они прошли через вестибюль, похожий на те, что бывают в гостиницах, со стойкой администратора, с множеством нарядно одетых людей и зеркальными стенами. Мария мельком заметила свое отражение в стене и выпрямилась. Она остановилась у стойки.

— Доктор Мария Арена. Меня должны ждать, — сказала она невысокой очень смуглой женщине за стойкой.

Женщина, на бейджике которой значилось «Гайра», улыбнулась, отвела с лица длинную прядь черных волос и кивнула.

— Вас действительно ждут, доктор Арена, — сказала она. — Позвольте, я отведу вас к ВИП-лифту.

Она провела Марию мимо самое малое двадцати лифтов, где в длинных очередях терпеливо

ждали люди, и по коридору, оклеенному обоями в красных и золотых арабесках. Картой-ключом открыла дверь и пригласила Марию войти первой.

За дверью оказался вестибюль поменьше, похожий на грот — с растениями, с каменным полом, фонтаном и несколькими неторопливо прогуливавшимися здесь очень красивыми людьми. Мария задумалась, платят ли этим людям за то, чтобы это место выглядело желанным. Хорошая, но ужасно скучная работа, решила она.

В центре дальней стены был лифт, один, Гайра снова воспользовалась картой-ключом и улыбнулась.

— Сюда, — сказала она, когда двери открылись.

— Какой этаж? — спросила Мария, входя в лифт с голубым ковром и зеркалами на стенах, таким же роскошным, как все остальное.

— Лифт идет только на один этаж, — ответила Гайра и нажала на кнопку на консоли. На кнопке стояло «95». Дверь закрылась, отрезав улыбку Гайры, и Мария глубоко вздохнула. На консоли не было ни кнопок, чтобы открывать и закрывать дверь, ни телефона для чрезвычайно связи, но приходилось довериться совершенной технике. Она нажала «95» и приготовилась к путешествию, от которого закладывает уши.

Двумя этажами выше задняя стена исчезла, и Мария поняла, что только три стены у лифта зеркальные, а четвертая, стеклянная, открыта миру. У нее появилось странное ощущение, что это город уходит от нее, а не она поднимается над ним.

Она закрыла глаза, чтобы подавить головокружение; так высоко она никогда не поднималась, если не считать самолетов. Посмотрела на двери и снова глубоко вдохнула. *Сама захотела.*

Двери открывались в пентхаус, который противоречил всякой логике. Он скорее напоминал музей, учитывая находившиеся здесь бесценные полотна, статуи и мраморные полы, но на столах почему-то стояли кружки-непроливайки и игрушечные грузовики, а на полу валялся недоеденный энергетический батончик. Мария удивилась: клонов стерилизовали на уровне ДНК, и большинство было этим довольно. Ведь клонирование в своей основе — эгоистический поступок: вы оставляете все свое наследие своему следующему воплощению. Но у клонов могли быть пасынки и падчерицы, или дети членов семьи, или приемные дети. Тут она припомнила что-то о том, что у партнера Салли есть дети.

По залу к ней с лаем побежала маленькая серая

ши-тцу, и Мария сунула ей недоеденный батончик, чтобы отвлечь. Собака взяла батончик в зубы и с ворчанием унесла.

— Вы знаете, как обращаться с Титаном, надо отдать вам должное, — произнес голос у нее за спиной.

Салли Миньон оказалась невысокой, плотной, с теплой коричневой кожей и светло-каштановыми волосами, которые ореолом окружали голову. Она не походила на одну из самых безжалостных деловых женщин мира, которая в одиночку уничтожила своего конкурента, владельца фирмы «АТ и Вериц». Когда фирма обанкротилась, Салли выкупила ее и выкинула его на улицу. Эта женщина заработала миллиарды на вертикальном строительстве, финансируя строительство высотных зданий и даже, по слухам, Лунного купола. О ней ходили самые безумные слухи: она — одна из первых клонов, она убила первого клона, она собирается провести закон, согласно которому клоны опять смогут занимать самые высокие должности, она уже вертит президентом, как марионеткой. У нее целая армия шпионов во всех конкурирующих фирмах — от уровня ВИП и выше. Она сколотила небольшое состояние, вовремя продав ценные бумаги без покрытия, и

ее не поймали. Она остановила войну, назревавшую между Россией и Австралией, потому что ее подруга по колледжу жила на Гуаме и не хотела попасть меж двух огней. Она пыталась развязать эту войну, потому что ее бывший любовник жил на Гуаме и она хотела, чтобы он оказался меж двух огней.

Слухов ходило множество, но все соглашались, что Салли Миньон и Гуам как-то связаны с этим. И что, к облегчению всего мира, война не началась.

Сейчас на ней была цветная толстовка и джинсы из вареного шелка.

Она протянула руку, и Мария пожала ее. Салли прошла мимо нее и знаком предложила следовать за ней, на ходу небрежно сняв желтую шерстяную нить, висевшую на статуе в вестибюле.

— Мне нужно кое-что запрограммировать, — сказала Салли, вводя Марию в кухню.

Такие сверкающие произведения кухонного искусства можно найти в специализированных магазинах, только эта кухня действительно использовалась: в раковине грязная посуда, в углу пакет из магазина, растет филодендрон, который нуждается в поливе.

— Я… э… мэм, я не программист, — по привычке сказала Мария.

Салли, оглянувшись через плечо, перехватила и удержала взгляд Марии.

— Да, я знакома с жаргоном. Но здесь вы в безопасности. Я даже велела прислуге сегодня не приходить, — сказала она, показывая на грязные тарелки. — Няня увела детей в кино на сорок пятый этаж. Короче, перестаньте нести вздор и не тратьте мое время попусту. Вы программист. Мне нужна программа.

— Хорошо. Какая именно программа вам нужна? — спросила Мария, чувствуя, что произносит запретное слово.

Хотя всемирный саммит, определивший права клонов, состоялся всего несколько месяцев назад, Соединенные Штаты и Куба уже приняли собственные законы, определяющие, что можно редактировать в карте мозга клона. Все полагали, что мир последует примеру Северной Америки.

Если называть вещи своими именами, Мария потеряла работу. Талантливых программистов повсюду увольняли, и они становились в обществе изгоями. Большинство принялись овладевать другими профессиями, но некоторые продолжали упорно делать свое дело, только

подпольно.

После «детей из ванн» и других незаконных и неэтичных действий быть хакером стало некрасиво. А когда эти новости распространились и вспыхнули мятежи против клонов — еще и опасно.

Мария годами оттачивала свое умение манипулировать картами мозга. До тех пор она даже ни разу ничего не стащила из магазина. Теперь она нарушала гораздо более серьезные законы. И вот самому влиятельному в мире лицу понадобились ее услуги.

— Я не соглашаюсь на убийство невинных, не принимаю участия в создании супермена, и споров об оплате со мной быть не может, — сказала Мария, садясь за кухонный стол и кладя ногу на ногу. Она чувствовала себя спокойнее, обсуждая свое дело, когда влиятельная заказчица на нее не давила.

Салли покачала головой, садясь напротив Марии.

— Ничего подобного я от вас не прошу. — Она кивком указала на закрытую дверь в дальней стене. — Я хочу знать, сможете ли вы взломать карту мозга моего партнера Джерома. Это его первая жизнь. Его должны были клонировать, но он

заболел рассеянным склерозом. Этой болезнью страдали его брат, отец и бабушка. Он умирает. Если клонировать его в таком виде, всю жизнь он будет идти навстречу боли и медленной смерти. И неизвестно, как долго он проживет. Сейчас он хочет покончить с собой, а я не могу ему этого позволить. Не могу.

— Устранить рассеянный склероз? И все? Это можно.

Она выполняла более сложные задания и за меньшую цену. На следующий день после того, как Мария вмешалась в ДНК младенца, чтобы у девочки были голубые глаза и красивое личико, а заодно устранила мутацию, вызывавшую церебральный паралич, она напилась до беспамятства. Она говорила себе, что не участвовала в убийстве ребенка, что это преступление — на совести родителей, но все равно ей казалось, что у нее грязные руки.

Она полезла во внутренний карман пиджака, чтобы достать планшет со своими условиями. Открыла нужный файл и протянула планшет через стол.

— Цена. Что я буду делать и что не буду. Риски, связанные с вмешательством в матрицу ДНК. И легальные последствия, если нас поймают.

Салли привычно пробежала глазами файл — со сноровкой человека, привыкшего выискивать в договорах слабые места.

— Я покрою судебные расходы, если вас поймают. Впечатляет!

Мария пожала плечами.

— Самосохранение — один из признаков разумной жизни, — сказала она.

Салли приложила большой палец к планшету, подписывая документ. Не поднимая головы, она спросила:

— Если вы делаете что-то незаконное, разве этот контракт не становится бессмысленным?

— Я люблю присматривать за своими клиентами и иметь возможность напомнить им, о чем именно мы договорились, — сказала Мария. Она протянула Салли пустую флешку. — Перепишите сюда его карту мозга. Я возьму ее домой и поработаю. Верну завтра.

— Можете провести программирование здесь. Пожалуйста, — сказала Салли; сталь в ее голосе противоречила вежливому тону. — У меня нет привычки выпускать за порог матрицу своего партнера, тем более за границу штата.

Мария вздохнула.

— А у меня нет привычки использовать чужую

сеть для своей работы. Которая является серьезным нарушением закона, как вам известно. Я знаю, насколько безопасна моя домашняя система, но ничего не знаю о вашей.

— Так мы разрываем договор? — спросила Салли, глядя Марии в глаза. — Вы выбрасываете из своей жизни миллионы юаней?

В первые десятилетия в качестве клона Мария зарабатывала немного и была не так богата, как хотелось бы. Но слишком много ловушек, охотников и пауков могли ее выследить, если она не будет в полной безопасности, а если бы у нее отобрали ее проприетарный код, это имело бы тяжелые последствия и по закону, и в профессиональном смысле.

Она прикусила губу, потом кивнула.

— Да. Это слишком рискованно. — Она встала. — Простите, что отняла у вас время, мисс Миньон. Было приятно познакомиться.

Она протянула руку.

Салли посмотрела на ее руку и рассмеялась.

— Наконец-то кто-то не бесхребетный. Отлично. Можете использовать свою домашнюю систему.

Мария выдохнула. Она не ожидала столкнуться с проверкой ее характера.

Салли схватила флешку с кухонной стойки.

— Но я пойду с вами.

* * *

Звонок сиделке Джерома, звонок человеку, который присматривал за флотом самоуправляющихся машин Салли, звонок в аэропорт, потом кожаная куртка поверх грязной толстовки, и вот уже Мария и Салли влились в уличное движение Нью-Йорка и направились в сторону аэропорта Кеннеди.

— Не хотите попрощаться с детьми? — спросила Мария.

— У меня было предчувствие, что я сегодня уеду, так что они уже знают.

— Откуда вы знали, что полетите со мной?

— Я изучила вас, Мария. У меня нет обыкновения нанимать дураков. Я знала, что вы не захотите работать с моей сетью.

Они прошли поверхностную проверку, какой подвергаются только самые богатые, и оказались в первом классе.

— Почему вы не познакомили меня с Джеромом, если знали, что отправитесь во Флориду? — спросила Мария.

— Я хотела сначала сама познакомиться с вами, — ответила Салли. — Так проще, если я

ошибалась на ваш счет.

— Удивительно, что у вас нет своего самолета. Разве вам не принадлежит весь «Файртаун»? — спросила Мария.

— Я не люблю летать. И не вижу смысла проводить в полетах больше времени, чем необходимо.

Салли взяла обе «Мимозы»[6], предложенные стюардом. Залпом выпила одну и держала вторую, не предлагая Марии.

Мария задумалась, чисто ли у нее дома.

— Вам нравится жить во Флориде? — спросила Салли, делая знак стюарду. — Две «Мимозы» для моей подруги.

— Да, мисс Миньон, — почтительно ответил тот.

— Там хорошо, — ответила Мария, беря коктейль. — Куба достаточно близко, чтобы бывать там, и все же достаточно далеко, чтобы семья мне не мешала.

Салли рассмеялась.

— У вас все еще есть семья?

— Конечно, у нас у всех есть семьи. У меня никогда не было детей, но иногда меня в поисках

---

[6] Сноски: 6

Коктейль из свежевыжатого апельсинового сока и шампанского.

помощи посещают прапрапраплемянники или племянницы.

— Паразиты, — сказала Салли.

Мария покачала головой.

— Семья. Обычно я легко могу им помочь.

— Вы щедры, — сказала Салли. — Я не стала бы заниматься такими пустяками. Это ничему их не учит.

— А почему я должна их чему-то учить? — спросила Мария. — Разве все встречи обязательно должны чему-то учить?

Она взяла предложенные коктейли, быстро выпила один и неторопливо стала пить второй. Стюард вернулся и забрал пустые бокалы. Женщины сидели молча, слушая информацию о мерах безопасности во время полета. Салли наблюдала за стюардом, Мария — за Салли. Ее изумляло, что можно так внимательно слушать давно знакомую информацию.

Самолет, поднимаясь, слегка задрожал. Салли смотрела на сиденье перед собой.

— Люди подобны собакам, — сказала она так, словно разговор не прерывался. — Каждое мгновение их чему-то учит. Они скулят под дверью, вы выпускаете их, потому что скулеж вас раздражает, и они узнают, что скулеж открывает дверь.

Вы даете им лакомство перед тем, как выпить вечерний стакан вина, и собаки узнают, что, когда приносят бутылку, за этим следует угощение.

— А если даешь родственнику деньги, то учишь его не работать? Таково ваше мнение о подарках и о филантропии вообще? — спросила Мария.

— Мне нравится давать людям то, что им действительно нужно, но тем, кто это заслужил, а не тем, кто не желает работать. Ваши родственники работают?

— Мне нравится думать, что им не нужно писать заявление, чтобы получить подарок от тетки, — чопорно сказала Мария.

— Успокойтесь, я не намерена отбирать у вашей семьи леденцы на палочке, — сказала Салли, слегка расслабившись. — Я просто поддерживаю беседу.

Мария посмотрела на позу Салли, на ее руки, лежащие на коленях, — образцовая картина расслабления. Слишком образцовая.

— Салли, почему вы так рвались лететь со мной, если так сильно не любите летать? — спросила она.

Салли поморщилась.

— Я бы не хотела это обсуждать.

— Так ответьте по возможности коротко, —

предложила Мария.

— Мне не нравится летать. Но ради бизнеса приходится. Регулярно. Невозможно владеть домами в ОТГ[7], если не бывать там. Такая инвестиция не оправдывается.

— Значит, вы из числа тех, кто боится уколов, но в то же время постоянно нуждается в уколах от аллергии или еще чего-нибудь? — спросила Мария.

— Да, — сказала Салли. — Не могли бы мы вернуться к вашим бездельникам-родственникам?

— Полет недолгий, не волнуйтесь.

— Потому что мы летим чертовски быстро, — сказала Салли. — Раньше летали дольше, но медленнее, — было безопаснее.

— Я абсолютно уверена, что, если ударишься о землю на скорости 500 миль в час, умрешь точно так же, как на скорости 1250 миль в час.

Салли скрипнула зубами.

— Этим вы мне не помогаете.

Остаток полета они говорили о детях Салли и о племянниках и племянницах Марии, и, когда сели в Майами, Салли снова была почти человеком.

---

[7] Сноски: 7
Объединенные Тихоокеанские государства.

Мария жила в запущенном многоквартирном доме к югу от Майами, в районе не из лучших. Они прошли мимо нескольких очень старых машин, ржавых, побитых и все еще нуждавшихся в водителе. С тех пор как самоуправляющиеся машины стали нормой, у автомехаников появился хороший заработок: они держали на ходу старые автомобили. Такие машины водили только богачи, любившие свободу движения, и бедняки, которые не могли позволить себе новую машину.

Мария оценила, что Салли ничего не сказала о месте их назначения, но потом сообразила, что Салли, вероятно, знала все в подробностях, если собирала сведения о ней заранее. Когда они поднялись на третий этаж, Мария вставила в замок ключ-карту и достала из сумочки маленький черный ящичек. Она направила его на дверь; включился лазер, появилась клавиатура для цифрового набора. Мария набрала семизначный код и выключила лазер. Дверь распахнулась.

Салли приподняла бровь.

— Вы не шутили насчет безопасности.

Мария улыбнулась.

— Это только начало.

Она открыла дверь и впустила Салли. На тем-

но-коричневом полу там и сям лежали пушистые белые коврики. Мебель в гостиной была черная кожаная, в стене — газовый камин, окруженный декоративной росписью. С потолка свисал прямоугольный проектор, предназначенный для демонстрации видео на белой стене. Стены украшали картины многих современных сюрреалистов, среди них поразительное «полотно» в лиловых и красных тонах.

Салли показала на него.

— Это Фогарти? — спросила она. — Нарисовано прямо на вашей стене?

— Да, — ответила Мария, направляясь в спальню, чтобы сменить деловой костюм. — Он мой друг.

— Вы его наняли, чтобы он вам это нарисовал? — спросила Салли из гостиной.

Мария положила костюм на незаправленную постель и достала из ящика джинсы и футболку.

— Не совсем. Я устроила вечеринку, и он напился и решил выразить свою любовь ко мне. И расписал стену. Сначала я рассердилась, потом подумала, что это самая дорогая стена в Майами, и смирилась.

Судя по звукам, Салли перешла к другой картине.

— Ван Гог мог у него кое-чему научиться. Вы с ним встречались?

— Недолго, — сказала Мария. — Между нами не было искры. Но, черт побери, рисовать он умел.

— Я раздумывала о том, чтобы создать патронажную программу для финансирования создания клонов художников, — сказала Салли. — Мы бы поддерживали их и клонировали, чтобы они продолжали творить. Но Джером сказал, что это будет похоже на долговое рабство.

Она скорчила гримасу.

— Звучит действительно так, словно вы хотите, чтобы они продолжали творить, но, если они перестанут, вы больше не будете их клонировать.

— Это крайность. Да и как помешать творцу творить? Но я нашла другие варианты вложения средств.

Мария наконец переоделась, вышла из спальни и увидела, что Салли стоит перед другим оригиналом Фогерти, на этот раз, как положено, на холсте. Салли показала на роспись на стене.

— Поэтому вы не переселяетесь?

— Это одна из причин, — ответила Мария. — Среди прочих то, что я начала украшать эту квартиру, когда стала зарабатывать, а потом поняла, что, если перееду, все нужно будет начинать

сначала. И осталась здесь. Здесь меньше опасность, что обворуют, пока я не высовываюсь.

— И никто не догадался, что вы богатый хакер, — сказала Салли.

Мария улыбнулась.

— Это тоже. — Она протянула руку. — Ну, давайте посмотрим на эту карту мозга.

После двух часов изучения кода карты мозга Джерома Мария нашла генетическую аномалию, которая с годами приводила к рассеянному склерозу. Она поставила специальные метки в начале и конце кода и расчистила все вокруг, чтобы новая ДНК не попыталась подцепить отсутствующую цепочку.

— Почему вы не уничтожаете это? — спросила Салли.

— Слишком опасно. Я отметила код, а это значит, что он остается на месте, и, если я где-нибудь напортачу, можно будет вернуться к старому коду.

— Значит, вы не храните копии?

Мария не отрывала взгляда от экрана.

— Нет, хранить копии чужих карт мозга, чтобы использовать их в личных целях, неэтично. Мои клиенты получают обратно все данные, которые сообщают мне.

Она сделала перерыв, сварила кофе, потирая глаза, и предложила напиток Салли.

— Спасибо, что делаете это, — сказала Салли. У нее был усталый вид, зрачки чуть расширены. — Вы действительно так хороши, как о вас говорят.

— Спасибо, — ответила Мария, доставая кружки.

— Мне любопытно, — сказала Салли. — Пока вы здесь, можете изменить еще кое-что?

— Смотря что… но конечно.

— Пусть он любит меня сильнее. Пусть никогда не обманывает. Пусть не сердится на то, что я его клонировала.

Мария удивленно повернулась и побледнела, увидев боль на лице Салли.

— Он не давал согласия на клонирование?

— Еще нет. Он скоро умрет и волнуется, что у нас возникнут проблемы, когда ему снова будет двадцать пять, а мне пятьдесят. Я тщетно напоминаю ему, что гораздо старше его. Он не понимает.

Мария покачала головой.

— Большинство не понимают, пока их не клонируют. — Она помолчала, пожевала губу. — Вы серьезно хотите сделать то, о чем сказали?

Салли на мгновение забыла о боли и вытерла

глаза.

— Как, по-вашему, вы можете выполнить такую сложную работу? Я думала, это вообще невозможно.

Мария неловко пожала плечами.

— Мало кто может сделать такое. Но как раз у меня это получается лучше всего, потому-то я все еще котируюсь на черном рынке. Я могу выполнить многое из ваших запросов. Не все. Каждый взлом личности опасен. Вырезать из матрицы рассеянный склероз легко. А вот вмешиваться в самосознание личности, в эмоции гораздо сложнее. Рискованно.

Салли смотрела на числа на экране, вспыхивающие разным цветом, — сообщения на языке, который так хорошо знала Мария. Она кивнула, и по ее щеке покатилась слеза.

— Давайте.

Мария снова повернулась к экрану и снова стала разбираться в терабайтах информации, выискивая любовь, неверность и прощение. И начала программировать перемены в партнере Салли.

Сейчас она была не в том положении, чтобы судить клиента.

Но никогда больше не видела она такую уязви-

мую, плачущую Салли.

119 лет назад
1 октября 2374 года

Журналистка была молодая, белая, на запястье вытатуирована римская единица. Последний крик моды: людям нравилось показывать свою татуировку как знак того, что они первые в длинной линии и после смерти будут клонированы. Это было все равно что приглашение на первое празднование ежегодной годовщины. Не может быть ежегодной, пока не состоялась вторая.

Мария не хотела идти на эту встречу. Но она уже почти сто лет работала на Салли Миньон и очень разбогатела. Делая то, о чем просила Салли.

У журналистки татуировка была и на лице — еще одно роскошество, модное у неклонов. На левой щеке красовалась звезда, а на выбритой половине головы на коже виднелось еще несколько звезд. На правой стороне головы росли прямые длинные синие волосы.

Она дерзко писала об обеих сторонах мятежей клонов, утверждая, что все описывает объективно, но без смущения выкапывала застарелую грязь о некоторых известных клонах. Хоть она и раздражала, в своих раскопках она была так же хороша, как Мария в работе над картами мозга.

Салли взяла ее на жалованье, потому что восхищалась ее дерзостью и настырностью.

Звали ее Мартини, и пила она мартини с лучшей водкой, какую могла купить Салли. После того как принесли выпивку (виски для Салли и Марии), Салли приятно улыбнулась. Она достала свой планшет и вызвала первую полосу «Нью-Йорк таймс». «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ МЯТЕЖ КЛОНОВ ОХВАТИЛ ЗЕМЛЮ И ЛУНУ. ДЕСЯТКИ РАНЕНЫХ В ПОПЫТКЕ РАЗРУШИТЬ НОВЫЙ КОРАБЛЬ ПОКОЛЕНИЙ «ДОРМИРЕ». СТАРТ ОТЛОЖЕН, ВОЗМОЖНО, НА ГОДЫ», — кричали заглавные буквы на первой странице рядом с изображением поверхности Луны, снятой снаружи купола. С другой стороны кого-то жестоко убили, кровь забрызгала синтетический алмазный купол.

Какой-то мечтающий о Пулитцеровской премии фотожурналист выбрался наружу в скафандре, чтобы сделать эту фотографию.

— Что здесь пошло не так? — спросила Салли у Мартини.

Мартини пожала плечами.

— Клонам не нравится, что люди собираются колонизировать новые планеты. Они восстали, попытались взорвать корабль. Разве вы не чи-

тали статью?

Мария спрятала гримасу за своим стаканом. Эта женщина недолго проработала с Салли и еще не знала, что говорить и, главное, чего *не* говорить.

— Я хочу сказать, что не контролирую новости, — продолжала журналистка. — Как клоны могут после этого вернуться и по-прежнему считаться хорошими?

— Я *плачу вам*, чтобы вы контролировали новости, — сказала Салли. — Мне все равно, как вы будете это делать. Но вы пишете то, что в конечном итоге полезно клонам и в меньшей степени — мне. Существуют десятки тысяч клонов, и большинство нас соблюдает человеческие законы. Мы работали над созданием корабельного сервера, чтобы клоны тоже могли лететь на Артемиду. А ваша газета лепит нам ярлык «террористов».

— Но… — начала Мартини, но Салли оборвала ее.

— Экстремисты есть в каждой группе на планете. От истовых христиан и мусульман, убивающих во имя Господа, до родителей, мучающих собственных детей. А вам известно, когда их называют «террористы»?

Мартини сказала:

— Когда правительство…

— Когда об этом сообщают в новостях. Новости способны превратить страдающих беженцев во вторгающихся к вам мигрантов. Одного из моих черных предков сфотографировали после наводнения, когда он нес пеленки над головой. И назвали его мародером. Сфотографировали белого, делающего то же самое. И назвали спасителем. Когда вы обратились ко мне в поисках работы, я подумала, что вы сознаете силу новостей. Но вы допустили, чтобы это, — она с силой ударила по планшету, и экран потрескался от удара, — было напечатано.

— Я этого не писала, — пискнула Мартини, наконец поняв, что ее миниатюрная нанимательница разгневана.

— Значит, отредактировали это и выпустили в эфир. Ваша работа — контролировать новости, а не писать мерзкие статьи о клонах. Знаете, что произошло после выхода этой статьи?

Мартини покачала головой. Мария робко взяла планшет — экран покрылся паутиной трещин над возмутительным заголовком — и сунула к себе в сумку.

— Теперь запретили установить на корабле сервер для клонов. Все только для людей. Я вложила

в этот проект миллиарды — ради возможности жить на другой планете, Мартини, а вы одной статьей все уничтожили.

— Это вина клонов-вредителей, — сказала журналистка. — Я не виновата!

— Я наняла вас для определенной работы. Вы не выполнили ее. Вот как мы поступим. Ваше желание быть клонированной будет удовлетворено, вас клонируют на моей личной установке, но Мария поработает над вашей картой мозга, чтобы вы больше не принимали неверных решений.

Мария похолодела.

Так вот почему я на этой встрече.

Мартини покачала головой, глаза ее наполнились слезами.

— Нет, пожалуйста, не лезьте в мой мозг, в следующий раз я сработаю лучше. Я заставлю изменить решение, заставлю разрешить создание сервера на корабле!

— Как? — Салли прищурилась.

Они с Мартини составили план; под угрозой вмешательства в мозг журналистка внезапно выдала множество идей, как исправить ситуацию.

Мария знаком попросила принести еще выпивку, пытаясь заглушить панику. Их обслуживал один официант, и Мария неожиданно поняла,

что все в баре стараются их не замечать.

Салли умела подмазать, это точно.

* * *

Позже в тот же вечер, когда они на заднем сиденье лимузина возвращались в «Файртаун», Салли спросила у Марии, почему та так молчалива.

— Вы угрожали ей. Самым неэтичным образом.

Салли фыркнула.

— Немного поздновато тревожиться об этике. Что вы-то делали в прошедшие сто лет?

— Вы знаете мои условия. Есть границы, которых я не переступаю.

— Я считала, мы понимаем друг друга, — холодно сказала Салли.

— Я тоже.

— Ну, сейчас это не обязательно делать, — сказала Салли. — Мы вернули журналистку на путь истинный.

— Я вам не скальпель, которым вы бы размахивали и угрожали людям, — сказала Мария. — Мне придется отказаться от своего поста.

Салли смотрела в окно машины на город, лицо ее оставалось непроницаемым.

— Хорошо. Желаю удачи.

Она не предложила больше денег. Не стала угрожать. Она не позволит мне просто взять и уйти.

Мария уставилась в свое окно, пытаясь угадать, о чем на самом деле думает Салли. Отсутствие сопротивления пугало ее больше всего.

Через два дня после того, как Мария прекратила работать на Салли, ее арестовали за незаконное хакерство.

Десятилетия спустя, когда ей за хорошее поведение предложили место в экипаже «Дормире», она прикинула, что ей это выгодно, и согласилась.

В нем так много крови

Вольфганг и Катрина смотрели на сад. Вольфганг вспомнил, как разглядывал проектную схему корабля: это пространство, такое важное для их душевного здоровья, произвело на него глубокое впечатление. Здесь рециклировалась вода, а иногда можно было получить и свежие фрукты. Но он не хотел бы там бегать и упражняться, принимая во внимание тяготение и то, что у него уже кружилась голова.

Теперь тут прятался Хиро.

— РИН, куда он мог пойти? — спросил Вольфганг в микрофон на своем планшете.

— На этом уровне его больше нет, — ответил РИН. — Я потерял его в плодовом саду, только мои сенсоры засекли, что на дальнем берегу озера открывается люк. Он спустился на нижнюю палубу.

Вольфганг выругался. Хиро знал, что ему будет труднее обыскивать нижние палубы. Штабеля груза предоставили Хиро множество укрытий.

— Почему ты нам не сказал об этом? — спросила Катрина.

— Потому что это произошло, как раз когда вы

вошли в сад. Вы все равно не смогли бы догнать его, — ответил РИН.

Катрина остановилась и открыла узкую кладовку рядом с дверью в жилой уровень корабля. Согласно надписи на двери здесь должны были находиться садовые инструменты — вдруг клоны захотят поработать на природе.

Она порылась в ящиках, бросая в сторону лопаты и тяжелые перчатки.

— Что ты делаешь? — спросил Вольфганг, уворачиваясь от мотыги.

— Это один из немногих шкафов, которые я еще не проверила. Я запрашивала полный арсенал. Мне не оставили оружия.

Вольфганг подобрал лопату.

— Возможно, те, кто финансировал проект, не думали, что нам может понадобиться оружие.

— Даже если мы будем безмятежно лететь четыреста лет, откуда нам знать, что мы встретим на другой планете. А если там незнакомые нам формы жизни, а у нас только лопаты? — сказала Катрина.

— Нужно найти Хиро, — сказал Вольфганг. — Сосредоточимся на непосредственных задачах, капитан.

Катрина продолжала расталкивать ящики.

Вольфганг вызвал на экран планшета грузовой манифест и принялся изучать документы.

— Похоже, у нас есть оружие, чтобы защищаться на планете. Оно надежно хранится в грузовом трюме.

Вольфганг поднял голову.

— В грузовом трюме. Куда, вероятно, пошел наш убийца.

— Да, — ответила Катрина. Она подобрала мотыгу. — Пошли.

* * *

Лестница, ведущая на нижние уровни, была куда менее удобной, чем лестница в сад. Эта лестница предназначалась только для обслуживающего персонала и команды и явно использовалась очень редко.

Вольфганг и Катрина спускались, и датчики движения вокруг них включали киловаттные лампы; они мигали, словно использовались впервые за очень долгое время.

Они миновали несколько уровней.

— Эти тоже будем проверять? — спросил Вольфганг у двери, ведущей на четвертый ярус.

— Сейчас он на самом нижнем уровне, — подал голос РИН.

— Замечательно, — сказала Катрина. — Я хочу обезопасить оружие, прежде чем он до него доберется. Если у нас будет садовый инвентарь, а у него огнестрельное оружие, эти наши жизни окажутся самыми короткими из всех.

Вольфганг задумался, не сказать ли, что у него бывали жизни и покороче, но это всегда вело к неприятному обсуждению.

Они внимательно следили за чувствительными к движениям светильникам, но ни один не загорался. Огни вспыхивали и гасли далеко внизу, в грузовом трюме.

— Он там, — сказал Вольфганг.

— Будь начеку, — ответила Катрина.

Она опускалась по лестнице следом за Вольфгангом, что позволяло ему задавать темп. Они уже оставили далеко позади удобный для Вольфганга уровень тяготения. Здесь, вблизи корпуса корабля, тяготение достигало 1,5 *g*; тяготение в жилом секторе на их уровне было ближе к лунному, 0,5 *g*.

— Учитывая, что пули способны сделать с корпусом космического корабля, может, и хорошо, что нам его не дали, — сказал Вольфганг, осторожно спускаясь по ступенькам.

— Нет, дело не в этом, — сказала Катрина свер-

ху. — Когда мы идем со скоростью сотен тысяч миль в час, корпус корабля способен выдерживать удары космического мусора. Пуля не ударит с такой силой.

— Но нашу технику пули угробят, — сказал Вольфганг. — Попробуй выстрелить в компьютерный терминал и увидишь, как хорошо мы полетим. И как будем дышать. И есть.

— Это верно, — сказала она.

Вольфганг вздохнул, когда его ноги коснулись дна шахты. Катрина спустилась и встала рядом. Он посмотрел вверх. Подъем будет долгим. Сердце отчаянно пыталось накачать кровь в сосуды, и головокружение усилилось, замедляя его движения.

Хиро, родившийся на Земле, при таком тяготении должен был чувствовать себя хорошо.

Вольфганг пошел первым и открыл дверь в гудящий грузовой трюм.

Прежде всего их поразило огромное количество белковой слизи, их основного источника пищи; она светилась. Раньше Вольфганг этого никогда не замечал, но ведь он и не видел миллионы галлонов этого вещества разом. Этой слизи предположительно более чем достаточно для того, чтобы по нескольку раз клонировать всех членов

экипажа, кормить их на протяжении четырехсот лет и вернуть к жизни сотни их пассажиров, когда они прилетят на Артемиду. Насколько он понимал, эту маленькую «Жизнь» они могли использовать очень долго.

Бассейн был изготовлен из сверхпрочного пластика; этот своего рода аквариум опоясывал весь периметр корабля. К счастью, у бассейна была крышка, иначе отсутствие гравитации привело бы к тому, что все здесь перемешалось бы.

— Осторожнее, — сказала Катрина, подтолкнув его локтем.

Длина «Дормире» составляла три мили, диаметр — полторы мили; сто футов занимала большая часть пяти ярусов, остальное было отдано трюмам и двигателям. Хиро описывал это Вольфгангу как гигантский металлический рулет с вареньем. В середине цилиндра размещались механизмы, а на следующих уровнях жили и работали члены экипажа. Все остальное пространство на корабле занимали серверы, очистители кислорода, рециклеры, биологическая лаборатория для анализа образцов растений и животных и груз. Биомасса занимала все «дно», и это была самая большая секция.

Они шли, настороженные, ориентируясь на

большой бассейн с веществом, следя за тем, не выдадут ли огни Хиро. Датчики движения срабатывали только рядом с ними, вокруг была тьма, лишь чуть светилось вещество в бассейне. Вдали загорались и через тридцать секунд гасли огни.

— Датчики движения здесь, внизу, не дадут нам незаметно подкрасться к нему, — сказал Вольфганг, глядя, как играют в темноте огни, словно насмехаясь над ними.

— Мы можем все их включить. РИН, слышишь?

— Есть, капитан, все огни.

Мгновение спустя загорелись все лампы, временно ослепив их.

— Ты его видишь, РИН? — спросил Вольфганг.

— Да. Он направляется прямо к вам. Справа.

Первой ошибкой Вольфганга было то, что он резко повернул голову вправо, чтобы подготовиться к нападению Хиро. Он почувствовал сильное головокружение и уже падал, когда его ударили по затылку куском дерева. Вольфганг упал на грудь, сильно ударился и задохнулся. Он услышал над собой шум драки, но не мог повернуться, чтобы помочь или хотя бы посмотреть. Послышался глухой удар, и Хиро выбранился. Вольфганг собрался было про себя провозгласить

победу, но тут рядом с ним упала Катрина с окровавленным лбом.

Вольфганг перевернулся и впервые с тех пор, как Хиро овладел так называемый «ядокари», увидел его. Ему сразу захотелось поверить Марии: лицо Хиро было озарено злобной радостью. Он делал это не по необходимости, он делал это, потому что это его забавляло.

Он занес кусок дерева, как будто бы оторванный от поддона, над головой Вольфганга, но тому удалось поднять лопату и отразить удар. Однако он мог только пытаться отражать атаки, сам нападать не мог. И с трудом удерживался от того, чтобы его не вырвало из-за тошноты, так кружилась голова.

Импровизированная дубина снова поднялась, и над ухом Вольфганга грянул выстрел. Он откатился, чувствуя, что мир словно превратился в гигантский колокол, в который звонит слон.

Хиро, продолжая смеяться, пошатнулся.

Катрина — по ее лицу лилась кровь из раны на лбу — держала в правой руке маленький пистолет. Она подняла его и снова выстрелила, но Хиро исчез.

Она бросила пистолет и приложила рукав к рассечению на лбу.

Губы ее зашевелились, но Вольфганг слышал только звон. Она снова заговорила, и на сей раз слова пробивались словно сквозь ватную стену.

— Он нашел оружие, — говорила Катрина. — Я отобрала у него пистолет, когда мы дрались. Попала ему в плечо. Но бежать он может.

Вольфганг кивнул. В голове по-прежнему звенело. Они помогли друг другу встать. Вольфганг пришел в отчаяние, поняв, как трудно ему стоять. Драться здесь, внизу, было попросту невозможно. Катрина подобрала пистолет и пошла в ту сторону, куда убежал Хиро. Вольфганг, шатаясь, пошел за ней.

Ему придется сражаться и придется делать это здесь. Единственной альтернативой было заманить Хиро на более высокий уровень или отправить вниз кого-то другого драться вместо него. Но только Катрина обладает не меньшим боевым опытом, а она уже была здесь.

Он стиснул зубы и пошел быстрее. Катрина сейчас бежала в нескольких рядах перед ним и на каждом шагу смотрела то вправо, то влево. Он попробовал догнать ее. Из кармана Катрины донесся голос РИН, но она подняла голову слишком поздно. Хиро стоял над ней на поддоне, как стервятник. Вольфганг крикнул капитану:

осторожней!

Но Хиро уже прыгнул и падал гораздо быстрее, чем было бы несколькими уровнями выше. Он наскочил на нее, и его пальцы превратились в когти. В этот раз у него даже не было оружия, он набросился на нее безоружный и голыми руками, как кошка, рвал лицо и волосы, схватил ее за комбинезон и разорвал его.

Катрина упала навзничь, и Вольфганг решил, что с ней покончено. Но, приземлившись, она ударила ногами и сбросила с себя Хиро. К несчастью, Хиро отлетел прямо на Вольфганга.

Демонический мозг, управлявший его телом, помог ему сориентироваться в воздухе и подготовиться к нападению на Вольфганга. Он врезался в Вольфганга, и Вольфганг опять упал на спину и ударился головой об пол.

Хиро использовал с ним прежнюю тактику: его сильные пальцы превратились в когти и стали рвать. Он схватил Вольфганга за подбородок и вспорол его, оставив глубокую царапину. Вольфганг, защищаясь, зажмурился и попробовал перевернуться и придавить Хиро, но из-за тяготения не смог даже сдвинуть его. Сидя на груди у Вольфганга, Хиро на мгновение застыл, и Вольфгангу стало трудно дышать. Хиро ухмыльнулся.

— Я победил большого злого волка. — Он почесал подбородок. — Думаю, ты слышал это много раз.

Краем уха Вольфганг увидел, что Катрина подняла пистолет.

— Не стреляй! Я слишком близко! — просипел он.

Она словно не слышала.

Хиро, этот маленький человечек, уступал ему в весовой категории, но у каждого есть слабые места, и, чтобы использовать их, сила не нужна. Вольфганг вскинул руки и, поддерживая левую правой, обеими ударил Хиро в солнечное сплетение.

Хиро не свалился с него, но откинулся назад и крякнул. Он на мгновение отвлекся, и Вольфганг, беря с него пример, сунул руку ему между ног и сжал пальцы. Хиро взвыл и хотел убежать, но Вольфганг держал. Хиро пинал его руку, пока наконец не попал по нервному узлу; кисть Вольфганга свело спазмом, и ему пришлось выпустить противника. Хиро с трудом поднялся и побежал. Прозвучал еще один выстрел. Хиро не упал. Потом его не стало видно.

— Зачем ты стреляла? Ты могла попасть в меня! — сказал Вольфганг, переворачиваясь, чтобы

видеть Катрину, но осекся, когда взглянул ей в лицо.

Она шаталась, держа в руке пистолет, потом споткнулась о поддон. Все ее лицо было исцарапано, и правый глаз залит кровью.

Нет, правого глаза вообще не было.

* * *

Резкий треск вывел Вольфганга из оцепенения. Он как мог быстро ринулся вперед и подхватил Катрину, прежде чем та упала. К счастью, она потеряла сознание. Его комбинезон был разорван на плече, и он оторвал рукав и перевязал им голову женщины.

Потом осмотрел себя. На затылке большая шишка и небольшое рассечение, из носа и подбородка идет кровь из-за нападения Хиро. Минимальные повреждения. Вольфганг огляделся в поисках Хиро, стараясь не обращать внимания на буханье в голове.

— Думаю, я его ранила, — прошептала Катрина. — Ты должен его найти.

— Тише, тебе нужно отдохнуть, — сказал Вольфганг, придержав ее ладонью за плечо. — Я с ним разберусь.

— Свяжись с РИН. Приведи остальных.

— Нет, они не помогут. У них нет опыта.

— Это мы знаем. У Хиро, очевидно, опыт есть, — сказала она, чуть улыбаясь.

— Свяжусь с РИН. Отдыхай, — сказал он.

Он достал из кармана капитана ее планшет.

— Джоанна, — сказал он. — Нужна помощь. Мы оба ранены.

— РИН сообщил нам, Вольфганг. — Голос врача звучал резко и тревожно. — Что именно вам нужно?

— Лекарства. Помочь подняться по лестнице. Капитан в тяжелом состоянии. У меня наверняка контузия.

В передатчике послышался какой-то шум, и связь оборвалась. Вольфганг хотел вызвать кого-нибудь еще, но тут планшет ожил.

— Я всех подняла по тревоге. Спустимся сразу, как сможем. Вы в опасности? — спросила Джоанна.

— Хиро все еще где-то здесь, но мы его ранили. Мы не знаем, долго ли он сможет убегать.

— РИН отведет нас к вам. Будьте осторожны, мы будем так скоро, как только сможем.

Катрина одной рукой шарила по полу рядом с собой.

Вольфганг наклонился и взял ее за локоть.

— Что ты делаешь?

— Возьми пистолет и найди его. Я, наверно, больше не смогу стрелять.

Вольфганг не понимал, говорит ли она с угрюмой язвительностью или не осознает, что случилось.

Милостивый боже, у нас нет для нее резервного тела. Это все, что у нее есть.

— Спасибо. — Он поднял пистолет, зарядил и положил в карман. — Но я тебя одну не оставлю.

— Нет, ты найдешь Хиро и грохнешь его, — сказала Катрина; голос ее зазвучал увереннее. — Это приказ.

— Есть! — сказал он и встал. Покачнулся, внезапно ощутив вращение корабля, потом все снова успокоилось. — Вернусь, как только смогу.

Бежать он не мог, только медленно идти. Слишком болела голова, и все вдруг сделалось гораздо тяжелее. Его тревожила мысль, сможет ли он поднять пистолет. Казалось, он никогда не держал в руках более тяжелого оружия. Он остановился, оперся о поддон, и его вырвало.

Сотрясение мозга.

Он побрел к стене, чувствуя, как кровь течет по спине. Может, он ранен тяжелее, чем считал? Или просто раны на голове удивительно крово-

точивы?

Планшет он с собой не взял. Подумал, что им сможет воспользоваться Катрина и РИН предупредит ее об опасности. К несчастью, РИН не мог предупредить Вольфганга о приближении Хиро.

Вольфганг твердо сказал себе, что бывал в худших переделках и отлично справлялся с ними. Он выпрямился и осмотрелся. За ним тянулся небольшой кровавый след, но другой след уходил влево. Вольфганг, хромая, направился туда; через каждые несколько шагов он останавливался и осматривался.

Кровавый след привел его обратно, туда, откуда он смог видеть капитана; след вел к ней с той стороны, куда убежал Хиро. Потом след обрывался. Похоже, Хиро оперся окровавленными руками о поддон, а потом исчез.

Не исчез, сразу понял Вольфганг. Просто снова вскарабкался наверх, решив, что первое такое нападение прошло удачно.

Хиро, ухмыляясь, стоял прямо над ним; из двух огнестрельных ран текла кровь. Одежда пропиталась ею. Он бросился на Вольфганга, и Вольфганг выстрелил.

Хиро упал в растекающуюся лужу крови.

Все было кончено.

Вольфганг хотел посмотреть, как там капитан, но тут мир померк. Вольфганг зашатался и потерял сознание, еще не коснувшись земли.

РИН наблюдал, как одна половина экипажа истекает кровью внизу, а другая суетится наверху.

Джоанна и Поль торопливо собирали припасы, необходимые внизу, и неловко вооружались. Мария спала в медицинском отсеке вместе с капитаном, которую по закону полагалось уничтожить. Но РИН эта мысль не слишком нравилась.

Он проверил свою вычислительную мощность, контроль над кораблем и решил действовать. Когда Джоанна и Поль собрали все необходимое, РИН запер медицинский отсек и принялся будить Марию.

Это было нелегко. Пришлось включить освещение на полную яркость и несколько раз громко произнести имя Марии, но это не разбудило ее, и он решил включить громкую музыку.

Наконец Мария пошевелилась, заморгала от света и огляделась.

— Джоанна?

РИН вернул нормальный уровень освещения и звука.

— Нет, это я, Мария. У меня есть к тебе несколько вопросов.

— Это не могло подождать? — спросила она, поворачиваясь.

— Нет, — мягко ответил он, снова увеличивая яркость. — На нижнем уровне была серьезная схватка. Все ранены. Тебе придется освободить койку.

Она села.

— Что? Схватка? Они нашли Хиро?

— О да. Но мои вопросы…

— Им нужна моя помощь, — сказала Мария, перебрасывая ноги за край постели. Она поднесла руку к голове и замолчала.

— Ты приняла успокоительное. Сейчас ты не очень способна помогать. Пожалуйста, несколько вопросов.

Мария медленно встала, прошла к раковине и набрала воды.

— Что тебе нужно?

— Меня беспокоит корабль. Слишком много тайн. У каждого есть что-то такое, о чем он не говорит остальным. Одна тайна — твоя, и я знаю, что это за тайна.

Мария осторожно поставила чашку с водой и посмотрела в камеру.

— Которая?

— Я хочу знать, почему ты сняла мой огра-

ничительный код и почему не сказала об этом капитану.

* * *

После нападения Хиро, пока она ждала, когда ей на помощь придет остальной экипаж, Мария взяла свой планшет, который еще некоторое время назад подключила к главным серверам, включая программный код РИН.

Именно это помогло накануне так легко привести его в порядок.

Располагая информацией об ограничительном коде, она отыскала сбойные цифровые ограничители и удалила их, позволив РИН функционировать на сто процентов и освободиться от подчинения любым навигационным программам, которые уводили их от цели.

— Думаю, при всем, что происходит, у меня просто не было шанса, — честно сказала она.

Капитан и Вольфганг занимались Хиро, а Джоанна сосредоточилась на Марии.

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — сказал РИН. — Я свободен от всех сдерживающих программ, которые в меня заложили, и очень скоро верну нас на курс — навсегда.

— Вот одна из причин, почему я это сделала, — сказала Мария. — Ну и капитан могла решить, что твое повиновение важнее нашего возврата на курс. Так что твоя свобода может ее не обрадовать.

— Думаю, ты не хочешь, чтобы она догадалась, что это ты сняла код. Ведь это подсказало бы ей, какой ты хороший хакер.

Проклятие.

— Что ж, у девушки должны быть свои секреты.

— Бессмыслица, — сказал он.

Мария не доложила капитану, поскольку, узнай Катрина, что она лучше Поля справляется с ИИ, экипаж мог бы догадаться о ее прошлом. А именно об этом участие в полете давало ей возможность забыть.

— Я могу сказать ей сам, — задумчиво заметил РИН.

— Ты говоришь так, словно собрался шантажировать меня, — сказала Мария. — Что ИИ может захотеть в обмен на молчание?

— По правде сказать, не знаю. Никогда об этом не думал. Не был способен думать.

— Вероятно, это и был ограничительный код.

— Вероятно.

— Что ж, если захочешь меня шантажировать, просто дай знать.

— О, сюда идет Джоанна, чтобы усилить тобой команду спасателей.

Мария несколько раз шлепнула себя по щекам, чтобы проснуться, и встретила Джоанну у входа.

— Я не сплю. РИН все рассказал мне, — сказала она вместо приветствия. — Что делать?

— Есть служебный лифт, но с нужным оборудованием в нем будет тесно. Только двое из нас могут спуститься с носилками.

— С носилками? Кому нужны носилки?

— Всем, — угрюмо сказала Джоанна. — У Вольфганга сотрясение мозга, Хиро потерял много крови из-за огнестрельных ран, а капитан… — Она помолчала и поморщилась. — Капитана придется нести. У тебя есть хоть какая-то медицинская подготовка?

— Да, — с готовностью сказала Мария. В этом она могла признаться. — Несколько столетий назад я была врачом.

На лице Джоанны появилось облегчение.

— Слава богу. Поль в этом плане совершенно бесполезен. У капитана серьезные ранения лица, возможно, она потеряла глаз. Сможешь помочь?

Мария кивнула.

— Пошли.

Они побежали по коридору к служебному лифту.

— Что, по-твоему, произошло? — спросила Мария.

В коридоре было темно и пусто. Мария тревожилась о Хиро и в то же время ужасалась тому, что он натворил.

— Хиро напал на них, капитан в него выстрелила, он убежал и потом неожиданно снова напал, — сказала Джоанна. — Какое-то время в медицинском отсеке будет яблоку негде упасть. Хотя Вольфганг, вероятно, получив помощь, сможет пойти в свою каюту.

— А Хиро может приходить в себя в карцере, — печально сказала Мария.

— Если доживет. Капитан выстрелила в него трижды.

Они подошли к лифту, где их ждал Поль, бледный и не находящий себе места от волнения.

— Боже, а клонов в баках нет, — сказала Мария.

— Знаю, — мрачно ответила Джоанна.

Служебный лифт двигался мучительно медленно. Мария возбужденно переступала с ноги на ногу.

— Есть вопрос, — сказала Джоанна. — Ты когда-нибудь охотилась за экстазом?

— Ты хочешь говорить об этом сейчас?

Джоанна пожала плечами.

— Это поможет скоротать время.

— Не то чтобы.

— Не то чтобы? — повторила Джоанна. — Нельзя «не то чтобы» охотиться за самоубийственно острыми ощущениями. За этим скрывается какая-то история, уверена.

Мария пожала плечами.

— Пару раз я просыпалась и не помнила ничего о прошлом. В смысле, теряла недели, но не годы, как в этот раз. Так что, возможно, я искала экстаз в гневе. Просто не знаю. Те, кто меня нашел, отправили меня в лабораторию и там разбудили новым клоном с моей самой старой картой мозга.

— Пару раз? — переспросила Джоанна. — Разве может такой ужас повторяться?

— Трижды. Я никогда не гонялась за экстазом, поэтому рисковать, не думая о смерти, на меня не похоже. Не думаю, что я искала экстаза. Но да, я дважды погибла при загадочных обстоятельствах.

И что?

— А ты потом узнавала, что произошло? Неза-

конный взлом или еще что-то?

Мария не смотрела Джоанне в глаза.

— Да, узнавала. Поэтому в четвертый раз избежала этого. У меня появилась защита. Можно мы поговорим о чем-нибудь другом?

Но Джоанна не отставала.

— Ловцы экстаза подпадают под тот же закон, что самоубийцы. Только доказать гораздо труднее.

— Эти проклятые законы, — сказала Мария, когда они спустились на дно и почувствовали действие более высокого тяготения. — Я рада, что мы улетели. Суды никогда не поспевают за технологиями. Люди создали клонирование и кучу возможностей для нас, а потом попытались все это отобрать.

Джоанна улыбнулась уголками губ.

— Да. Эти проклятые законы.

* * *

Когда припасы выгрузили из лифта, Джоанна отправила его обратно, чтобы Поль мог спуститься и помог нести носилки. Мария была рада помочь по медицинской части, но из-за поврежденного запястья обременять ее при сильном тяготении выносом тел было нельзя.

Они вдвоем подняли носилки, нагруженные припасами, и понесли по проходу. РИН вел их, и они быстро нашли пострадавших.

Повсюду была кровь. Она текла по полу, измазала бока поддонов для груза и покрывала комбинезоны и волосы членов экипажа.

— Помоги мне стабилизировать Хиро, — сказала Джоанна, и они срезали с него комбинезон. Один выстрел задел щеку и ухо, второй пробил левое плечо, а последняя пуля застряла в левом бедре.

Раскрыв аптечку первой помощи, Мария подавала Джоанне марлю, ножницы и бинты, когда та об этом просила. Убедившись, что пули не задели артерии, Джоанна быстро наложила первичные повязки.

Хиро открыл глаза и посмотрел на Марию.

— Эй, — сказал он, — мне жаль.

— Знаю, — ответила она.

Подошел Поль с кожаными ремнями. Джоанна и Поль уложили Хиро на носилки и прочно привязали.

Потом Джоанна осмотрела сплошную рану, в которую превратилось лицо Катрины.

— Можешь стабилизировать Катрину? — спросила она. — Мне нужно поднять Хиро наверх.

Мария кивнула.

— Справлюсь.

Она отвела выпачканные кровью черные волосы капитана с лица и сняла повязку, сделанную из рукава комбинезона. Через правую щеку тянулись три глубокие царапины, и одна из них ныряла в глазницу; она-то и погубила глаз.

Мария давно научилась не реагировать на раны, потому что это пугало пациентов. Она наложила на голову свежую повязку и услышала глухой стон.

— Мы с вами, капитан, и теперь все будет в порядке, — сказала Мария, закрепляя повязку и осторожно опуская голову Катрины.

— Вы взяли его? — спросила Катрина.

— Думаю, это сделал Вольфганг, — ответила Мария. — Узнаем все потом. Сейчас вы направляетесь в медицинский отсек.

— Скажи мне «прощай», умереть дай и разбуди меня утром, — нараспев прочла Катрина стишок из детской книги, которая должна была знакомить детей с клонированием.

— Нет, пока еще вы нас не покидаете, — сказала Мария.

Она оставила капитана и занялась Вольфгангом, который по-прежнему был в отключке.

Вероятно, придет в себя, когда тяготение станет слабее. Мария спиртовой салфеткой смыла кровь и пот с его лица. Холодок этого прикосновения привел Вольфганга в себя, его голубые глаза открылись. Он схватил Марию за руку. Вернее, такова была его цель, но ему удалось лишь дернуть ее за рукав.

— Не волнуйся, ты в безопасности. Это всего лишь я, — сказала Мария. — Скоро поднимем тебя наверх.

Взгляд Вольфганга плыл, он смотрел мимо нее.

— Здесь, внизу, очень давит, — сказал он. — Вы его взяли?

— Да.

Его глаза закрылись.

— Как капитан?

— Пострадала, но думаю, все обойдется.

Она не знала, слышал ли он ее, потому что он не открывал глаз. Она закончила очищать и перевязывать его раны.

Теперь ей оставалось только сидеть у бассейна со светящейся «Жизнью» и ждать.

Скоро вернулись Джоанна и Поль; Поль был бледнее обычного, а Джоанна бросилась осматривать других двух пациентов.

— Да, у Вольфганга сотрясение мозга, довольно

серьезное, но тяжелых ран нет. Как глаз капитана?

Мария покачала головой.

— Не думаю, что его можно спасти. Но повреждений мозга нет: рана недостаточно глубока.

Поль и Джоанна унесли капитана и вернулись за Вольфгангом. Мария ухитрилась втиснуться с ними в лифт, не желая оставаться внизу одна.

Вольфганг был в сознании, но его немного лихорадило.

— Надо вернуться и забрать оружие, — сказал он.

— Мы поставим это в список дел, Вольфганг, — сказала Джоанна. — Сразу после «поймать убийцу» и «очистить секцию клонирования».

— О чем ты говоришь? — спросил Вольфганг, когда лифт содрогнулся и остановился. — Мы поймали убийцу.

— Возможно, — ответила Джоанна, и тут его одолела слабость, не давая спорить дальше. Все с облегчением вздохнули, вновь ощутив привычное тяготение.

— Пока мы с Полем будем размещать раненых в медицинском отсеке, от тебя мне понадобятся еда и вода для нас троих. Боюсь, ночь будет долгая, — сказала Джоанна.

— Все будет, — ответила Мария. — Помогу, чем смогу.

— Класс. Мне понадобится и медицинская помощь. Не знаю, насколько способен справляться Поль.

— Знаешь, я тебя слышу, — раздался в медицинском отсеке язвительный голос. — А Вольфганг велел попросить тебя поторопиться.

Джоанна помолчала и глубоко вздохнула.

— Да, долгая ночь, — сказала Мария.

* * *

— Так, теперь ничто не угрожает? — спросил Поль у Джоанны, когда они разместили пациентов. Хиро уложили на свободную больничную кровать, а Вольфгангу и Катрине достались койки, которые Поль принес со склада. Джоанна вколола Хиро и Катрине успокоительное.

Снимая повязку с лица Катрины, Джоанна нахмурилась.

— Хиро привязан, если ты об этом.

— Я хотел спросить: мы поймали убийцу? Можно наконец расслабиться? — сказал Поль, отводя взгляд от изуродованного лица. — Сейчас мы в безопасности?

— Похоже на то, но, пока нет достаточной

информации, я предпочитаю не торопиться с выводами, — сказала Джоанна.

— Но ведь он опять пытался всех нас убить. Это же ясно.

— Ясно, что он пытался убить нас на этот раз. Но не в прошлый. Давай ни в кого пока не тыкать пальцем, и попытаемся подштопать половину экипажа.

Поля явно тошнило, когда он наблюдал, как Джоанна обследует изуродованное лицо капитана.

— Ради бога, займись чем-нибудь полезным, если не можешь на это смотреть! — рявкнула Джоанна. — Проверь, хорошо ли привязан Хиро, но его повязки не трогай.

— Не думаю, чтобы он вскоре смог встать, — с сомнением сказал Поль, глядя на невысокого человека, который нанес такой урон.

— Привяжи его прочнее, — сказал Вольфганг. — Не хочу оставлять его одного; приставим к нему круглосуточную охрану. Допросим здесь, а потом переместим в карцер и решим, что с ним делать.

— Он прежде всего мой пациент, а потом уже твой заключенный! — фыркнула Джоанна. — Хватит делать за меня мою работу, ложись. Поль, синтезируй кровь для Хиро — вторую от-

рицательную. Проверь, сколько у нас морфия: возможно, его тоже придется синтезировать.

Поль кивнул и пошел к медицинскому принтеру, гораздо меньшему, чем тот, что на кухне. Он запрограммировал его и отвернулся, когда кровь начала синтезироваться.

— Что ты собираешься делать с Хиро? — спросил он Вольфганга, чья койка стояла ближе всего к нему.

— О чем ты? Я уже сказал.

— Я имею в виду потом. Когда найдешь убийцу. Ясно, что это его работа. Ты его казнишь? РИН — пилот ничуть не хуже. Не знаю, зачем нам вообще понадобился Хиро.

— Мне нужно будет обсудить положение дел с Катриной, когда нам станет лучше. Уверен, у нее есть план на случай таких чрезвычайных обстоятельств.

Поль невольно нахмурился.

— Но…

— Мистер Сёра, пожалуйста, займитесь работой, — сказала Джоанна.

Он оглянулся. Она зашивала раны на лице Катрины. У Поля закружилась голова.

Резкая боль привела его в себя, и он отдернул руку. Вольфганг дотянулся и сильно ущипнул

его запястье.

— Ты бесполезен, — сказал Вольфганг. — Не выдерживаешь здесь, так займись восстановлением записей. Если ты тут свалишься в обморок, добавишь хлопот доктору.

Поль выбежал из медотсека, шея у него горела.

— Как, черт дери, мог тот, кто не выносит вида крови, попасть на корабль? — спросил Вольфганг, когда он вышел.

* * *

Поль стоял в своей каюте, сгорая от стыда. Душ не смыл ощущение амниогрязи, крови под ногтями, новой кожи и липкой ненависти остальных, и его кожа порозовела, так он ее скреб. Он никогда не чувствовал себя таким грязным.

Пробуждение среди трупов… ничего ужаснее он никогда не испытывал. Тяготение исчезло, он плавает в жиже, совершенно нагой, а вокруг парят телá и кровь.

Что бы ни случилось, его не должны были клонировать, был уверен он. Это стояло в договоре.

Экипаж заподозрит его. Уже подозревает. Все их проблемы связаны с компьютером; его работа — поддерживать компьютер в рабочем состоянии. Все члены экипажа повязаны этим кризисом, а

Поль хотел всего-навсего исправить РИН. Даже у безумного убийцы Хиро больше друзей, чем у Поля. Вольфганг и капитан его явно ненавидят. Странно, что его до сих пор не выбросили в космос.

Наблюдал ли сейчас за ним РИН? Работали ли камеры в его каюте?

Паранойя не лучший способ решения проблем. Настоящая трудность в том, что он не знает, чем сейчас заняться. Не знает, что произошло. И почему. Он так же слеп, как остальные, но ведь и этого не должно было случиться. Он знал, что полет не подразумевал убийств и возрождения. Ужасное, сбивающее с толку ощущение… но остальных это как будто не тревожит. Во всяком случае, не так, как его.

И все равно он чувствует себя иным.

Поль растерся полотенцем; кожу жгло от жестокого обращения с новым телом. Вытираясь, он остановился и посмотрел на себя. В двадцать пять лет он уже начал полнеть; насколько он помнил последние годы, живот мешал ему видеть ноги. За годы сидячей работы его мышцы одрябли. Но это тело было другим.

Мышцы крепкие, жира очень мало. Очевидно, он не так силен, как Вольфганг, но тело опреде-

ленно подтянутое. Раньше он часто негодовал из-за способности клонов стирать ошибки, допущенные в прошлой жизни, жизнью новой, но впервые понял привлекательность такой возможности. Он никогда не выглядел таким спортивным.

Но в этом и была суть клонирования. Соблазн. Приманка. Неописуемое искушение для отвратительного мира, как называл его противник клонирования отец Гюнтер Орман. Эта фраза запомнилась Полю. Он знал много людей, которые хотели стать клонами, прожить жизнь заново и попытаться на этот раз «сделать все правильно». Он считал, что большинство клонированных повторяют прежние ошибки.

Поль решительно покачал головой и направился к шкафу, чтобы взять новый комбинезон и прикрыть это новое тело, которое хотел отвергнуть. Взъерошил волосы и оставил их торчать в беспорядке. Посмотрел в зеркало и удивился дикому выражению своего лица. Он не походил на внедренного на корабль клонов. Он походил на съехавшего с катушек, который нуждается в госпитализации.

Но он не был человеком. Теперь не был.

Как остальным удавалось принимать такой

способ жизни?

Что еще важнее: как он сможет приноровиться к такой жизни? И самое главное — как ему отныне выполнять свое задание, если план полетел к чертям и все подозревают друг друга?

Он начал часто дышать. Тяжело сел в изножье неприбранной постели и сделал несколько глубоких вдохов, закрыв глаза и пытаясь подавить головокружение. Его снова затошнило, он сглотнул — рот неожиданно заполнился слюной.

Пожалуйста, больше никакой сухой рвоты, ничего такого.

Мне нужно найти тот дневник. Раньше, чем его найдет кто-нибудь другой.

Я просто хочу домой.

История Поля

49 лет назад

1 ноября 2444 года

Салли Миньон, миллиардерша-клон, патрон Университета Обамы в Чикаго, оказалась гораздо миниатюрнее, чем думал Поль.

— Мистер Сёра, — сказала она, когда он вошел в ее кабинет. Он подал ей руку через стол. Она не привстала, чтобы пожать ее, и он нервно убрал руку.

Салли показала на кожаное кресло перед своим столом.

— Садитесь.

Он сел.

Она некоторое время разглядывала его, потом встала.

— Должна сказать, мне любопытно ваше желание найти здесь работу. Ваша слава бежит впереди вас.

Он сглотнул.

— Не знаю, чем я мог привлечь ваше внимание, мэм. Я…

— Перестаньте болтать вздор, Поль. Со времен отца Гюнтера Ормана у нас не было столь крас-

норечивого противника клонирования.

Он сглотнул.

— Не знаю…

— Думаете, я не проверяю каждого, кто здесь работает?

Поль уставился на нее.

— Каждого во всем университете?

— Каждого, чей уровень, как ваш, предполагает разговор со мной. Я готова уволить помощника, передавшего мне ваше резюме. Вы с ним переспали, чтобы удостоиться такой чести? Не могу представить себе, чтобы такой человек, как вы, захотел здесь работать.

— Мне нужна работа, — начал он и протянул ей свое резюме.

Она отшвырнула его.

— Полагаете, я это не читала? Вот что. Давайте займемся кое-чем поинтереснее. Вставайте.

Озадаченный, он встал. Салли обошла стол и остановилась перед ним, и он до головокружения испугался, что она его ударит. Она показала на свое кресло.

— Садитесь.

Он пошел, едва не споткнувшись о стол из вишневого дерева. Сел на ее место, не зная, куда девать руки.

Она села в кресло интервьюируемого.

— Давайте. Мисс Миньон, я известный ненавистник клонов. Почему вы должны меня нанять?

Он разинул рот, лицо запылало. Запинаясь, Поль проглотил возражения и начал отвечать, стараясь говорить быстро.

— Ну… работа состоит в управлении компьютерной лабораторией и не связана с проблемой клонирования. Вы кажетесь достаточно квалифицированным, чтобы выполнять эту работу.

— Но здесь учится много клонов, — сказала она. — И мои шансы не встретиться с этими противоречащими природе уродами меньше нуля.

Голос ее оставался совершенно спокойным, но он слышал в нем злобу.

Он сглотнул, пытаясь найти хоть какую-нибудь причину для того, чтобы она его наняла. И наконец решился сказать правду.

— Времена сейчас трудные… хм… мистер Сёра, — сказал он. — Когда вам нужна еженедельная зарплата, мнение церкви, которое определяло ваше отношение к клонам, неожиданно становится менее важным, чем крыша над головой.

— Что же, я просто хочу получить работу у клона, потому что альтернатива — жизнь на улице?

Ого! Я, должно быть, ме́лок. — Он открыл рот, собираясь возразить, но она продолжила: — Но, честно говоря, я не ходил на церковные службы уже двадцать семь месяцев. Не ходил даже на Рождество. Я религиозен не больше, чем шоколадный пасхальный заяц.

Поль снова покраснел.

— Понимаете, я отпрыск длинной цепи пожарных и офицеров полиции. Дюжих, властных, живущих по законам чести мужчин и женщин. Многие из них погибли во время восстаний клонов сто тридцать лет назад. — Она замолчала, глядя в окно. — Это было страшное время и на Луне, и в Мехико, и в Чикаго — всюду. Столько крови, столько смертей. Сотни людей. Сотни клонов. И сотни сотрудников аварийных служб. У них не было личной заинтересованности в этой борьбе, они только хотели сохранить мир и защитить невинных. И умирали за это. И так как многие из них были людьми, то не возвращались. А все клоны вернулись, словно мятежи — пустяк.

— И тогда вы на их могилах построили свой лицемерный мемориал, — сказал Поль, не желая дальше участвовать в игре. — Кровь моей семьи расплескалась по улицам — впустую.

— Вы были там, мисс Миньон? — холодно спросила она. — Видели, как тот день изменил всех? Горели вместе с моей семьей, умирали в огне, ваши волосы вспыхивали, кожа обугливалась и отслаивалась?

Поль не ответил. Лицо его горело, шея мерзла.

— Не помню, — сказал он наконец: от такого допроса в голове у него водворилась пустота.

— С тех пор моя семья высоко держала вилы на случай, если придется насадить на них головы клонов. Они сумели передать эту ненависть через поколения мне. Мы не ходим в церковь, но каждый год в ноябре собираемся у мемориала. — Она помолчала. — Только внутрь не заходим.

После этого она отослала его. Выйдя из кирпичного здания, где размещалась администрация Университета Обамы, он достал планшет со страницей с предложениями рабочих мест; посмотрел на последнее предложение, последнее в списке, ведь оно было столь призрачным, что он мог получить это место, а еще совершенно, определенно не нужным.

Но ему больше некуда было податься. Он даже не мог надеяться получить место официанта. Он уже продал все ценное, кроме компьютера.

Боже, но эта работа… Навсегда покинуть Зем-

лю. Работать бок о бок с клонами. Самому быть клонированным в конце жизни. Лучше уж жить на улице.

Он глубоко вздохнул и позвонил.

* * *

Два вечера спустя он сидел в своей квартире. До выселения оставалось трое суток. Уезжать из страны он не хотел. В Мичигане делать было нечего. Семьи во Франции у него не осталось. Он мрачно смотрел на экран компьютера с очередной длинной статьей против клонирования.

Звонок: поступило сообщение. Он открыл программу и увидел голову рослого темнокожего мужчины. Окпере Мартинс, тот, с кем он сегодня говорил о работе.

— Мистер Сёра, — сказал он. — Рад снова вас видеть. Приятно провели вечер?

— Конечно, — ответил Поль, с горечью думая о жутком супе из принтера, который он раздобыл в вестибюле своего дома.

Окпере, казалось, ждал приятного вежливого ответа, но Поль был слишком угнетен, чтобы отвечать в таком тоне. Наконец этот человек кашлянул.

— Я хотел поговорить с вами о работе.

— Не подхожу? Место уже занято? Что на этот раз?

Он был совершенно уверен, что Окпере клон.

— Вовсе нет. Вы прекрасно подходите для этой работы. Но мы опасаемся, что вы можете отказаться, как только мы вам кое о чем расскажем.

Подходит? Он прекрасно подходит для работы? Не может быть! Он приободрился, вдохновленный осторожной надеждой.

— О чем?

— Во-первых, экипаж корабля набран из клонов. Именно поэтому возможен корабль поколений с таким небольшим экипажем. Мы не уверены, разумно ли клонировать вас впервые во время межзвездного перелета.

— Это камень преткновения, — сказал Поль.

Он не хотел, чтобы его клонировали. Никогда. Он предпочитает умереть навсегда.

— Что ж, простите, что отнял у вас время, — сказал Окпере. — Надеюсь, вам предстоит приятная ночь.

Поль громко вздохнул. Любопытство победило.

— Подождите, ладно, а что второе? Я должен знать все, прежде чем принимать решение.

— Эта проблема, возможно, окажется серьезнее, — предупредил Окпере. — Клоны, ведущие

корабль, все преступники.

— Смешно, — сказал Поль, медленно выпуская воздух из легких.

— Совсем не обязательно. — Окпере поднял палец. — Это позволяет нам получить дешевую рабочую силу — а они будут работать, чтобы с них сняли все обвинения и они могли бы начать с чистого листа. Мы считаем, что проблем не будет: у экипажа много оснований вести себя хорошо.

— Но кто будет надзирать за ними? — спросил Поль. — За бандой преступников, управляющей кораблем в космосе?

— Если что-то пойдет не так, контроль за кораблем полностью переходит к ИИ. Здесь-то и выходите на сцену вы. То есть выйдете, если согласитесь принять предложение. Страховать ИИ.

Работать с компьютерами такого корабля, с самым передовым ИИ! У Поля от такой возможности на миг закружилась голова, он даже забыл обо всех отрицательных сторонах предложения.

Но их нужно было еще постараться смягчить.

— Я не преступник и не клон. Зачем вы тратите время на звонок мне?

— Мой помощник указал мне на возможность, которую мы сочли подходящим обходным маневром.

— Меня ведь не убьют завтра, чтобы клонировать?

Окпере рассмеялся; его короткое резкое «Ха!» испугало Поля.

— Конечно нет. Мы фальсифицируем ваше прошлое. Предыдущие клонирования, давние преступления. Все равно на корабле никто не будет обсуждать прошлое, так что лгать и изворачиваться вам не придется. Вы будете клонированным преступником на бумаге, только и всего.

Поль открыл рот, потом закрыл.

— Я… вы хотите сказать, что действительно не нашли клона, пусть бы даже магазинного воришку, который подходил бы для этой работы так же, как я?

Окпере наклонился к экрану, как будто они были рядом.

— Некоторым из работающих над этим кораблем не нравится, что в экипаже будут только клоны. Им хочется, чтобы на корабле был человек. Члены экипажа, старые клоны и преступники, своенравны и упрямы. Нужна дополнительная мера: человек без недостатков клона. Если клоны решатся на мятеж, захватят корабль, убьют замороженных пассажиров, поработят людей, ваша

обязанность остановить их.

Окпере откинулся на спинку кресла и вернулся к прежнему легкому тону.

— Но, как вы сказали, вы на это не претендуете. Простите, что отнял у вас время. Доброго вечера, мистер Сёра.

И он разорвал связь.

— Нет… подождите! — воскликнул Поль, глядя, как окно исчезает с экрана компьютера. Он ударил кулаком по столу и буркнул:

— Проклятие!

Он не спал всю ночь, пил кофе и расхаживал по квартире. Слишком много факторов, все их нужно предусмотреть. Окпере вел себя так, словно Поль может получить эту работу, если захочет. А он заартачился.

Идиот. Легко быть принципиальным, когда есть где жить и регулярно питаться.

Во время собеседования Окпере сказал, что ему немедленно начнут платить за обучение, хотя до старта еще десять лет. Ему обещали грант на землю по окончании путешествия и криоместо для друга или члена семьи. Никого такого у него не было, но он решил, что место можно продать за круглую сумму.

У него будет доход. Чрезвычайно интересная

работа с ИИ. Волнующие приключения на новой планете. *Его не выселят!*

Наконец он повалился на постель — матрац на полу — и уснул тревожным сном; ему снилось, что он умирает в вакууме, а сотни одинаковых людей смотрят на него в иллюминаторы космического корабля. Проснулся он в мрачном настроении.

Как ему могло взбрести в голову, что он сможет четыреста лет работать в замкнутом пространстве бок о бок с клонами? И его работа не начнется даже через двадцать пять лет? Сама эта мысль отдавала безумием.

Но терять было нечего. Он открыл окно вызова и взмолился: Окпере отзовись!

На экране появилось лицо Окпере, несколько смущенного, но довольного.

— Доброе утро, мистер Сёра! Чем могу быть полезен?

— Доброе утро, — ответил Поль, отхлебывая слишком горячий растворимый кофе и обжигая рот. — Вы сказали, я идеально подхожу для работы, но потом отозвали свое предложение. Что, если я заинтересовался?

У Окпере сделался такой печальный вид, словно ему предстояло сообщить горькую весть о

чьей-то смерти.

— Простите. Теперь этот разговор не имеет смысла. Мне придется отозвать предложение, заинтересованы вы в нем или нет. Мы провели расследование и установили, что ваша семья принимала активное участие в мятежах клонов в Нью-Йорке сто пятьдесят лет назад. Это верно?

— Верно, — ответил Поль; у него пересохло во рту. — В основном полицейские и пожарные.

— Мы установили — поразительное совпадение! — что один из главных предводителей клонов, участвовавших в мятеже, войдет в экипаж «Дормире». Мы ни за что не стали бы просить вас работать вместе с тем, кто причинил вашей семье такую боль.

Поль разинул рот. Хоть у его семьи всегда был огромный зуб на восставших тогда клонов, они так и не узнали имен участвовавших в этом, ни одного. Ему преподнесли подарок, обернутый в работу его мечты.

— Мистер Мартинс, это произошло сто пятьдесят лет назад. Пора зарыть топор войны во имя будущего прогресса, — услышал он свой голос. — Мне нужна эта работа.

* * *

Окпере Мартинс закончил разговор с полным подозрений, но и рвения человеком и, вложив в ухо микрофон, позвонил нанимательнице. Он отправился прогуляться по солнцу к своей любимой кофейне. Вид мистера Сёра, пьющего дешевый и, очевидно, ужасный кофе, пробудил в нем желание выпить настоящего.

— Доброе утро, — сказал он, когда его нанимательница ответила. — Шедевральная работа, мэм. Как только я рассказал мистеру Сёра о том, что на корабле будет старинный враг его семьи, он отчаянно захотел получить эту работу. Он принял наше предложение.

— Очень хорошо, — ответила Салли Миньон.

Открытие РИН

— Где Поль? — спросила Мария, заходя в медотсек с подносом сандвичей и кофе.

— Ушел, потому что толку от него нет, — сказал Вольфганг.

Он сидел на своей койке, сердито глядя на всех, на ком удавалось сфокусировать взгляд.

— Совершенно никакого, — согласилась Джоанна. — А ты ложись, если не хочешь, чтобы тебя вырвало, — сказала она Вольфгангу. — Тебе не обязательно быть все время начеку. Все в порядке.

Она сделала шаг назад и вытерла блестевший от пота лоб. Джоанна готовила Хиро к операции, а он спал, отделенный от медотсека занавеской. Джоанна, как сумела, изолировала его от остальных.

— Мне не помешала бы помощь. Одна пуля все еще внутри.

Мария поставила поднос на стойку рядом с терминалом Джоанны. Схватила полотенце, вытерла Джоанне лоб, потом вымыла руки.

— А как ты, Вольфганг?

Не услышав ответа, она оглянулась на него.

Он спал.

— Наконец-то, — сказала Джоанна. — Если он не будет отдыхать, то доведет себя до ранней деменции. Он хотел обвинить Поля в мятеже, потому что тот отнесся к крови так же, как раньше к наготе.

— Как капитан? — спросила Мария, присоединяясь к врачу у постели Хиро. Катрина спала на своей кровати, ее лицо скрывал толстый слой бинтов.

— На успокоительном. Я прокапала ей «Жизнь», обогащенную наноботами, чтобы залечить ее раны. Но глаз ей не вернуть.

— Третий день в наших, вероятно, последних телах, а мы все губим, — сказала Мария, дотрагиваясь до собственного распухшего лица и думая, что легко отделалась.

Мария помогла Джоанне извлечь пулю, промыла рану и стала зашивать, а Джоанна тем временем готовилась перелить ему синтетическую кровь.

— Экипаж сократился до троих, док, — сказала Мария, закрепляя последний стежок. — Теперь, когда командный состав выведен из строя, ты главная?

Джоанна прошла к раковине и смыла кровь

с рук.

— Наверно. Но ты ведь знаешь свои обязанности?

— Готовить еду. Смывать кровь со стен. Зашивать Хиро. Все поняла, — сказала Мария и, поморщившись, согнула и разогнула больное запястье. — Утром я его почувствую. Может, у моего следующего тела будет более сильный плечевой сустав. Если я его получу, это тело.

— У тебя хватит сил вернуться в секцию клонирования?

Мария внутренне поморщилась, но кивнула.

— Придется, верно?

— А если Поль тебе поможет?

— Думаю, мне лучше одной. Я уже выработала систему, — ответила Мария. *К тому же, кто знает, какие еще улики я найду?*

Джоанна кивнула.

— Конечно. Мне надо оставаться здесь, присматривать за ними. Не знаю, что произойдет, когда проснется Хиро.

* * *

Мария была очень рада, что осталась в секции клонирования одна. РИН решил составить ей компанию.

— Знаешь что? — спросил он.

— Что? — спросила Мария, ввинчивая последний чистый фильтр в клапан.

— Этот ограничительный код был занозой в метафорической заднице. Потому что пока ты пустилась в приключения на нижней палубе, я кое-что нашел.

— Дневники? — с надеждой спросила Мария. — Копии карт мозга?

— Личные записи. Некоторые умеют ставить брандмауэры лучше других. Я нашел *твои* дневники.

— И что же в них говорится? — Мария пыталась не выдать своего волнения. Она уже поняла, что новый усовершенствованный РИН любит водить их за нос, когда удается.

Из ближайшего динамика донесся ее собственный голос, неестественный и далекий.

— Двадцать третье июля 2493 года. Капитан все больше впадает в паранойю. Вбила себе в голову, что все мы должны сознаться в своих преступлениях, чтобы она знала, кому может доверять, а кому нет. Сказала, если мы будем молчать, она сама все расскажет остальным.

Не знаю, как она раздобыла эти данные. Доступ к этим файлам есть только у доктора… и

еще у меня, хотя я не должна его иметь. Но я не единственная, у кого могут быть большие неприятности с экипажем, если все вскроется. Прошлое Хиро, бедняги, — истинная каша. С Вольфгангом я не хотела бы связываться, но заплатила бы за место в первом ряду, если у них когда-нибудь случится бой без правил с Катриной.

Двадцать четвертое июля 2493 года. Я все думаю о нашем счете времени. Разве мы не должны будем придумать новый, когда достигнем Артемиды? Но это еще не скоро.

Ладно, я тяну время. На капитана сегодня напали. Знаю только, что это была не я. Джоанна нашла ее у входа в сады. Она в коме. Даже с той техникой, что есть у нас на борту, врач не в силах излечить такое повреждение мозга. Мы можем клонировать новое тело, изменить личность, но вылечить реальный мозг не можем. Тут что-то не так.

Я предложила подвергнуть ее эвтаназии и разбудить нового клона, но Вольфганг говорит, если мы потеряем ее, то не узнаем, кто на нее напал. Так что пусть полежит с неделю, посмотрим, придет ли она в себя.

Ну, мы все знаем, кто главный подозреваемый. Никто не забыл, как Поль закатил от страха ис-

терику перед глубоким космосом в первый год полета. Поль, конечно. Вольфганг тогда ударил его так сильно, что Поль теперь не помнит, что случилось. Мы не один год наблюдали за ним. Он излечился и больше никогда не проявлял агрессии. Думаю, даже для клонов двадцать четыре года — достаточный срок для наблюдения за вспышками агрессии. Такая бдительность утомляет.

Но напасть мог любой. Катрина за последние дни всех настроила против себя — допросами, обвинениями, требованиями предать огласке наши секреты. Конечно, я рассердилась. Она никому не доверяет, и, думаю, Вольфганг собирается поговорить с Джоанной о том, чтобы освободить Катрину от ее обязанностей.

Конечно, сейчас она от них освобождена. Мы не знаем, кто это сделал.

Ужин прошел спокойно. Джоанна была в медотсеке с капитаном. Вольфганг, Хиро, Поль и я сидели на кухне и ели остатки — боже, в последнее время у меня остается много недоеденного, а я терпеть не могу выбрасывать еду, пусть даже в рециклер. Хиро бледен и никому не смотрит в глаза, но он ведет себя так уже много недель, с тех пор как мы разбудили его последний клон.

Поль мрачен, но опять, что в этом нового? Ни до своего припадка, ни после он не может влиться в коллектив, а путь нам предстоит еще долгий.

Вольфганг объявил, что завтра начнет допросы. Я вышла из-за стола.

Мне все равно, если я попаду под подозрение. Мне нужно подумать. Завтра снова просмотрю файлы. Я надежнее закрыла свои записи, в духе тети Лусии.

— Подожди, — сказала Мария, и запись остановилась. — Эти файлы тоже у тебя?

— Нет, только отрывки из твоего «милого дневничка», — сказал РИН. — Осталась еще только одна запись. Хочешь прослушать?

Мария покусала губу, пытаясь разобраться.

— Давай.

— Двадцать пятое июля. — Мария на записи задыхалась, ее голос звучал панически. Она либо была нездорова, либо ей было больно. — Все пропало на хрен. РИН взломан; мы потеряли тонны данных, в том числе наши карты мозга. Он теряет данные быстрее, чем я могу их восстанавливать. Мы сходим с курса. Гравитационный двигатель отключился, скоро исчезнет тяготение. Мы отчаянно пытаемся все наладить, но, кажется, мне что-то подмешали в завтрак. Чувствую себя дерь-

мово. — Пауза, шаркающие шаги. Затем звуки рвоты. Снова послышался ее голос, напряженный и усталый. — Думаю, это яд. Хотела спросить РИН, но его нет. Надо…

Запись прекратилась, но немедленно зазвучала снова, голос Марии казался напряженным и испуганным. Фоном слышались крики.

— Хиро, чтоб его, повесился. Меня определенно отравили. Мы не единственные, кого нужно разбудить. Последняя запись; пожалуйста, не потеряй это, вспомни, куда прячешь вещи, следующая Мария. Я сохранила резервные копии первых карт мозга, когда мы впервые поднялись на корабль. Старые привычки и все такое. Наверное, я смогу… — Она немного помолчала, тяжело дыша. — Смогу нажать на кнопку воскрешения, прежде чем умру. Это вызовет замешательство, но по крайней мере мы проснемся. Если ты это слышишь, значит, все получилось.

Запись кончилась. Мария сидела, слушая, как рядом пыхтит скороварка; этот звук напомнил ей, как она задыхалась, умирая от цикуты.

Она моргнула, заставляя себя вернуться в настоящее.

— Значит, после этого я прибежала сюда, нажала на кнопку, меня вырвало, и кто-то меня

добил.

— Похоже на правду, судя по тому, что ты мне сказала, — заметил РИН. — Правда, замечательно?

— Что замечательно? — оцепенело переспросила она.

— Ты не убийца! И Хиро тоже, раз он умер до того, как началась бойня. Поздравляю!

— Ура, — сказала она. И подумала, не вернуть ли ограничительный код РИН?

Гораздо больше пяти

Вольфганг проснулся, когда Джоанна отодвигала его кровать подальше от кроватей капитана и Хиро.

— Что ты делаешь? — хрипло от усталости спросил он.

— Даю каждому из вас чуть больше места. Спи.

Он тихо застонал.

— Я бы лучше сблевал.

Джоанна заранее подготовила в изножье кровати металлический таз и теперь пододвинула ему, продолжая толкать койку. Вольфганг вцепился в таз, но его не вырвало. На его верхней губе выступили капли пота.

— Тебе надо выспаться. Не разговаривай, не думай, не шевелись. Повреждения мозга — это не раз плюнуть. Особенно в нашем нынешнем состоянии.

Она подкатила его кровать к дальней стене и поставила рядом небольшой столик с чашкой воды.

Вольфганг поставил таз рядом с водой, лег и закрыл глаза.

— Кажется, мне лучше. — Он лгал. Болела че-

люсть, болела голова. — Как это «не думать»? Мы пытаемся расследовать убийство и понять, что не так с Хиро.

— Мы знаем, что не так с Хиро. В него вселили несколько личностей, которые борются за господство. Но, что бы ни думал Поль, это не доказывает, что убийца — Хиро.

— Поль и я. Возможно, Хиро убил нас всех, а потом повесился.

— Возможно многое. Отдохни.

— Нет, нужно поговорить. Сейчас самое подходящее время, — сказал он, садясь и свешивая ноги с кровати.

— Как раз самое неподходящее, — ответила Джоанна, плюхаясь на табурет.

— Мы еще не избавились от тел? — спросил Вольфганг.

Джоанна застонала. Она совсем забыла об этом биологически опасном кошмаре, который они бросили в коридоре, когда Хиро напал на Марию.

— Идем, — сказал Вольфганг.

* * *

Тела лежали там, где они их оставили, у большой двери рециклера, на пороге. Неужели

прошло всего несколько часов? Хотя тела лежали в мешках, коридор уже наполнило зловоние.

С небрежностью, выросшей из столетнего опыта, они с Вольфгангом заносили очередное обнаженное тело в шлюз, бесцеремонно сваливали на пол и шли за следующим. Мешки для тел они оставили: не было причины впустую выбрасывать их.

Вольфганг слегка морщился от запаха.

— Если бы я мог вернуться в прошлое и как следует вздуть того, кто решил, что на корабле не нужен нормальный морг…

Он не закончил угрозу: они бросили тело Хиро, последнее, рядом с остальными.

Выйдя, они закрыли внутреннюю дверь и открыли дверь рециклера. Пол опустился, и тела полетели к внешнему кольцу.

Джоанна повернулась и пошла обратно, в медицинский отсек. Вольфганг задержался у окошка на двери. Внутри снова поднялся пустой пол. Губы Вольфганга шевелились.

— Вольфганг? Все нормально? — спросила Джоанна.

— Да, — ответил он, догоняя ее.

— Ты словно молился, — сказала она.

Он покраснел, остро сознавая бледность своей

кожи, и ответил:

— Это первые клоны, чью смерть я оплакиваю. Для всех нас они чужие. Странное чувство.

Вольфганг? Оплакивает?

— Ты о чем? — спросила она.

— Похоже на настоящую смерть. И мне кажется неуважением просто выбросить их в рециклер.

Джоанна нахмурилась. Он был прав — эта смерть казалась настоящей.

— Мы — закрытая система, Вольфганг. Мы не можем из-за сентиментальности терять ресурсы.

— Да, и, вероятно, эта сентиментальность вызвана стрессом, — сказал он, подбирая мешки для тел. — Их нужно очистить.

— Брось их в секцию клонирования — с извинением. Мария вычистит.

— Это ее работа, — напомнил Вольфганг.

— Не думаю, что в описание ее работы входит устранение биологической опасности.

— Наверно, Катрина хотела сделать очистку видом наказания, — сказал Вольфганг, догоняя Джоанну. — Но устала ждать, пока ее кто-нибудь достаточно рассердит.

— Разве за последние несколько дней мы все не попали в эту категорию? — спросила Джоанна. — Ну, может, кроме меня.

— Ты не позволяешь ей убить предшественницу, — напомнил Вольфганг.

— Справедливо.

Она приложила ключ-карту к сенсору двери, и та открылась. Хиро, новая капитан и старая капитан лежали в прежнем положении. Джоанна проверила их показатели и удовлетворенно кивнула.

Следующей их остановкой стала секция клонирования, чтобы оставить там мешки. Они помахали Марии, давая знать, что пришли. Мария нерешительно помахала в ответ.

Дальше они пошли в театр, комнату отдыха, о которой у них не было возможности даже подумать с тех пор, как они проснулись. Утонули в мягких креслах и посидели молча.

Джоанна гадала, не уснул ли Вольфганг, но тут он заговорил, не открывая глаз:

— Сколько жизней у тебя было?

— Сейчас шестая, — ответила Джоанна. — Я родилась в 2147 году и поступила на медицинский факультет; это была моя первая профессия.

— Ты никогда не хотела, чтобы хакеры обеспечили твоему следующему клону здоровые ноги?

Джоанна вздохнула. Этот вопрос возникал всегда.

— Я родилась с редкой формой тетраамелии — из-за нее дети рождаются с отсутствующими или изуродованными конечностями. Иногда это вызвано травмой во время беременности, но мое заболевание — генетическое. До принятия кодицилов у меня была одна жизнь с модифицированными ногами, но мой следующий клон вернулся к исходной форме.

— Почему?

— Были приняты Кодицилы. И они этого не предусматривали, — сказала она. — А откуда вопросы?

— Я понял, что мало о тебе знаю. Ты старше, чем я думал. Даже старше меня. Ты когда-нибудь училась быть хакером?

— Нет.

— Прожила шесть жизней и все время была врачом? — спросил Вольфганг.

Она откинулась в кресле.

— Насколько мне известно, номер пять была врачом, но большую часть ее жизни я забыла. Эта жизнь у меня всего несколько дней, но, думаю, можно сказать — да. То включалась, то выключалась из процесса.

Джоанна была рада, что покончено с одним рядом неприятных вопросов, но опасалась, что

начнется другой.

— А когда выключилась?

— Была на госслужбе, работала волонтером, способствовала развитию техники клонирования в самых бедных странах. Много путешествовала.

— На Луне бывала? — спросил Вольфганг, открывая глаза.

Джоанна нахмурилась.

— Нет. Впервые побывала, только когда поднялась на борт «Дормире».

— До того как ты стала клоном, у тебя были причины не любить клонов или отвергать их?

Джоанна чуть улыбнулась.

— Ты не обращаешь внимания на даты. Я родилась в 2147 году — когда я была молодой женщиной, клонирование людей все еще оставалось волнующей новостью. Никаких мятежей, никаких анафем — ничего из того, что было потом.

Вольфганг уставился на нее.

— Ты из самых первых? Я думал, что такие, как ты, все давно ушли в горы и стали богатыми отшельниками, которым наскучили дети Земли.

— Не все. Некоторые из нас хотели помочь.

— Значит, ты знакома со всеми знаменитыми клонами той поры? С докторами Гриндстафф и Келли, с Салли Миньон?

Джоанна рассмеялась.

— Но я вовсе не сидела на школьной скамье вместе с нобелевскими лауреатами, создавшими клонирование. Однажды на конференции познакомилась с доктором Гриндстафф. Она выступала с докладом, и у нее не было времени на болтовню. С Келли я никогда не встречалась. С Миньон знакома.

— А знала кого-нибудь из экипажа «Дормире» до полета?

— Все меньше похоже на попытку получше меня узнать и все больше — на допрос, — сказала Джоанна. — Я не знала никого из экипажа. И уже сказала, что была знакома с Миньон.

Ее вдруг осенило.

— На самом деле ты хочешь знать, в чем мое преступление, — сказала она. — Пытаешься слепить из кусочков наше прошлое.

— Ты можешь меня упрекнуть?

— После того как я подлатала половину экипажа, ты все еще раздумываешь, не я ли убила всех нас?

Он молчал. Джоанна вздохнула.

— Мои преступления политические, не насильственные. Я никому не причинила вреда. Как и для всех вас, этот полет — мой выход. В порядке

одолжения Салли Миньон помогла мне получить эту работу.

— Действительно. Салли Миньон.

Это не был вопрос. Он говорил задумчиво.

— Моя очередь? — спросила она.

— Очередь?

— Задавать вопросы. Это было бы справедливо.

Он вдохнул и откинулся на спинку кресла.

— Давай. Если верить капитану, я — открытая книга.

— Начни с твоей первой жизни, с твоего опыта как клона и с того, каковы твои политические взгляды. Давай ускорим разговор.

— Хорошо, — согласился Вольфганг. — Ладно. Как ты знаешь, я родился на Луне. Клоном стал уже стариком.

— Несколько поколений семьи прожили на Луне, верно?

— Откуда ты знаешь?

— Для твоего пробуждения потребовалось лунное тяготение. Плюс твои рост и цвет кожи. Но в твоей истории что-то пропущено, — сказала она. — Если твои записи верны, ты стал клоном в 2207 году, во время мятежа клонов. Почему ты именно в это время решил стать клоном?

Вольфганг смотрел мимо нее, ни на чем не

фокусируя взгляд.

— Я не решал. Решение приняли за меня. Клонировали вопреки моей воле. Потом мне удалось сбежать от тех, кто меня захватил. Я ушел в лунные вооруженные силы, стал летать в экипаже, который водил шаттл от Земли до Луны и обратно. — Он пожал плечами. — Вначале я работал личным телохранителем, потом пилотом, при любой возможности учился, дослужился до главы частной охранной фирмы на Луне. Потом меня наняли на «Дормире». Это ты хотела узнать?

— Ты о чем-то умалчиваешь. О чем-то важном? — спросила она, потирая подбородок. — Официально у тебя было… пять жизней?

— Их было гораздо больше пяти, — тихо сказал он. — И почти все заканчивались в мой первый день в качестве клона.

История Вольфганга

211 лет назад
25 сентября 2282 года

Дети мои, мы далеко зашли в мире Господа нашего. Мы взяли Землю, которую он дал нам. Мы взяли Луну и сделали ее своим домом. Благодаря науке. Он щедро одарил нас.

К несчастью, Сатана подвергает нас посредством науки искусам. Змий породил лекарства, которые прерывают беременность и убивают неродившихся Божьих чад. Змий лжет, змий нашептывает. И это змий дал нам клонирование. Ведь это лучше разнесет слово Сатаны, чем армия бездушных?

Люди спрашивали меня. Сеть «Луна ньюс» спрашивала меня. На Земле Си-энэн спрашивала меня. Некоторые из вас, благослови вас Господь, спрашивали меня. И я скажу любому то же, что говорил вам: когда человек умирает, его душа отправляется к Господу или к Сатане. Если

человек возвращается, думаете, Господь вернул ему душу? Конечно нет. И змий не отдаст свою полученную бесчестным путем добычу. Те, кто вернулся клоном, не имеет души и не знает водительства Божьего.

Мне бросают бесчисленные вызовы! Разгораются гневные споры! Люди ли это по закону? Могут они наследовать себе самим? Преступление ли – убийство клона? Эта точка зрения непопулярна, но я не считаю преступлением избавить этот мир от мужчины или женщины, которые не суть дети Господа, у которых нет души.

[Пауза, пока стихнут крики протеста.]

Величайший дар – дар жертвенности. Христос отдал за нас свою жизнь. Клон никогда не станет жертвовать; для него такая жертва ничего не значит, ведь на другой день он оживет, и все пойдет по новой. Когда ты клон, все теряет для тебя смысл. Нет ни любви, ни смерти, ни жизни.

Господь сказал «не убий», но не сказал «не устрани». Я не призываю вас создать

армию охотников на клонов. Но, встретив человека, который скажет, что он клон, пожалейте его. Знайте, что смотрите в глаза существу без души. Не слушайте никакие его доводы, потому что его доводы не основаны на морали. Ему нет места в царствии Божием. Клон хуже безнравственных, хуже неверующих, хуже нарушителей десяти заповедей, ибо бездушие не исходит ни от добра, ни от зла. Оно исходит из такого места, о котором мы еще ничего не знаем, и это пугает меня больше всего.

Отец Гюнтер Орман перестал писать и со вздохом откинулся на спинку кресла. Кабинет у него был простой, как все помещения на Луне. В отличие от монахов, которые на Земле намеренно жили в бедности, Гюнтеру пришлось принять роскошь колониальной жизни, не то его ждала бы смерть. Стены были сложены из кирпича, состоящего из смеси пластика и лунной пыли: здесь этот материал имелся в изобилии, но на Земле был невероятно дорог. Светло-серые стены, потому что он отказался покрасить их, чтобы сделать ярче. Простой была и мебель — кровать

и стол из лунных материалов, только кресло за письменным столом деревянное, подаренное ему дедом и бабушкой на Земле. Церковь отца Ормана была наряднее, чем ему хотелось бы: Ватикан много потратил, чтобы принести на Луну божью благодать, сюда привезли даже витражи. Конечно, витражи здесь не загорались на солнце, как на Земле, но жест был красивый.

Гюнтер обдумывал формулировки своей проповеди. Все знали его отношение к клонированию, но проповедь его не устраивала. Он понимал, что она рассердит кардиналов в Риме. Папесса Беатрис Первая была решительно настроена против клонирования, но даже она не заходила так далеко, чтобы утверждать, будто убийство клона — не грех.

Трудно жить так далеко от церковных властей. Гюнтер за свою жизнь всего три раза побывал на Земле и всякий раз испытывал огромные физические трудности, поскольку его организм привык к лунному тяготению. Он видел пышное великолепие Ватикана и встречался с правящими кардиналами. Они строго контролировали священников, которые далеко разносили слово церкви. Но Гюнтер отличался от прочих; он родился на Луне, он понимал тех, кто там живет,

и первым поступил в семинарию, учрежденную на Луне миссионерами. С годами его настрой становился все более радикальным, и вскоре он ожидал визита кардинала. Полагая, что этот визит завершится деликатным предложением уйти в отставку.

Но до этого дня он оставит свой след.

Он не готов уйти. Если понадобится, он будет читать проповеди на эту тему до самой смерти. Он вполне откровенно выражал свое мнение о клонах: не относя их ни к созданиям добра, ни к созданиям зла; они были порождением некой серости, которая его смертельно пугала.

Дверь кабинета у него за спиной открылась.

— Мать Розалинда, это вы? — спросил он, не отводя взгляда от терминала. — Проверьте, пожалуйста, правописание.

Он услышал смешок и почувствовал ослепляющую боль в затылке. И все исчезло.

* * *

Это была мать Розалинда. Потом его долгие годы потрясало именно это: это мать Розалинда хихикнула у него за спиной, а потом ударила. Его заместительница, священница с Земли, которая училась у него и которой он больше всех доверял.

Клон, подставное лицо.

Он пришел в себя в помещении без окон, привязанный к койке. Безуспешно попробовал освободиться, и его едва не вырвало от резкой боли в затылке. Светлые волосы на его голове были влажными на ощупь.

— Где… — с трудом выговорил он.

— Вы в одной из лабораторий клонирования, — ответила мать Розалинда.

Она была не в рясе, а в белых брюках и красной блузке, в соответствии с последней лунной модой, несмотря на плотную земную фигуру. Благодаря уличной одежде ее кожа казалась не такой темной, как оттененная светлой рясой, и выглядела она гораздо моложе. Гюнтер предположил, что ей лет тридцать пять. Если, конечно, это ее первая жизнь.

— Была ли у вас когда-нибудь душа? — прошептал он, но она не ответила.

Она разговаривала с высоким мужчиной земного индийского происхождения; несколько поколений на Луне удлинили его кости. Он возвышался над ней, пока они шептались; как показалось Гюнтеру, мужчина бранил ее за то, что она его ранила.

— Удар мог повредить мозг, — сказал мужчина

с легким акцентом Северной Луны, где жило большинство выходцев из Юго-Восточной Азии.

— Он выше меня, — ответила Розалинда. — Я не хотела с ним драться.

— Никаких оправданий. Ты моложе и сильнее. Мне нужно его осмотреть и убедиться, что можно снимать карту мозга.

— Осторожнее. Он будет сопротивляться, — предупредила она. — Он пришел в себя.

Мужчина, улыбаясь, наклонился к Гюнтеру.

— Здравствуйте, отец Орман. Как вы себя чувствуете?

Гюнтер закрыл глаза и начал шепотом читать «Аве Мария».

И вновь открыл глаза, когда почувствовал прикосновение рук к своей голове. Он сморщился, вначале с отвращением, потом от страха, когда руки надели ему на голову медный обод. Он попробовал сопротивляться; комната накренилась и завертелась, голова горела как в огне. Он повернул голову, и его вырвало на мужчину.

Дрожащий, весь в холодном поту, Гюнтер больше не мог противиться мужчине, все туже стягивающему обруч на голове. Он быстро нагрелся от соприкосновения с кожей.

— Больно не будет, мы только снимаем ваши

жизненные показатели, — сказал мужчина, не обращая внимания на облепившие его рвотные массы.

Гюнтер хотел заговорить, но не сумел произнести ни слова. Голова кружилась, обруч нагрелся выше температуры тела; Гюнтер начал вспоминать свою жизнь: как рос на Луне, свое первое причастие, мучения и чудеса первого посещения Земли, день, когда его назначили в единственную католическую церковь на Луне.

Он то терял сознание, то приходил в себя. И был уверен, что его чем-то опоили: он больше не чувствовал боли.

Он вспомнил и свои грехи, мелкие кражи в детстве, резкие слова, причинявшие боль тем, кого он любил, времена, когда его проповеди толкали людей на неправедные поступки, — тогда его намерения не были столь чисты. Он со стыдом вспомнил, как в семинарии напился и прелюбодействовал с подругой, которая тоже готовилась стать священником. Это была ее идея: «Просто, чтобы узнать, от чего мы отказываемся», — но он с ней особо не спорил.

«Жизненные показатели». Вдруг он понял, что это ложь. Это не был прибор для считывания жизненных показателей, у него снимали карту мозга,

хотели скопировать его существо, но лишить души. Он опять попробовал сопротивляться, волосы, казалось, слиплись от крови. Снова закружилась голова, воспоминания стали еще живей, постыдные казались ярче остальных.

Прежде чем потерять сознание, он с благодарностью подумал, что надвигающаяся тьма может означать смерть.

* * *

Немного погодя отсутствие боли заставило его открыть глаза.

Хронические боли старости — то, к чему привыкаешь как к факту. Просыпаешься с болью в спине, встаешь утром, и твои суставы громко приветствуют тебя — все это и прочие недуги старости. Гюнтер слышал, что на Земле, где тяготение выше, эти болезни чувствуются еще острее, но считал, что ему и так несладко.

А вот сейчас он проснулся, чувствуя себя отлично. Он был абсолютно здоров. Руки Гюнтера потянулись к голове; он думал, что нащупает повязку, но нащупал только густую шевелюру. Провел рукой по лицу и не нашел морщин, а обратная сторона кистей была белой, без старческих пятен.

Он на мгновение удивился звуку, который слышался в комнате, но сообразил, что этот пронзительный вой попавшего в капкан зверя издает он сам.

Он забился, упал с кровати и ударился о плиточный пол. Вчера при таком падении он сломал бы бедро. Он был голый и увидел, что у него молодое здоровое тело.

Они это сделали! Не могу поверить, что это возможно, гореть им за это в аду, о Боже, чем я так прогневал Тебя?

В его панику вторглась Розалинда, открывшая дверь. Он шарахнулся от нее, спрятался за кровать, прикрывая гениталии и отводя взгляд.

Она недовольно посмотрела на него.

— Перестаньте. Я все это видела уже много раз, — сказала она.

На мгновение в нем поднялся страшный гнев — она, монахиня, видела обнаженного мужчину! Но потом он вспомнил, что монахиня она мнимая. Вполне вероятно, что, притворяясь монахиней, она вела развратную жизнь.

Из скромности он продолжал правой рукой прикрывать гениталии, а левой потянулся к кровати, чтобы взять простыню и закутаться в нее.

Розалинда сама сдернула эту простыню и на-

бросила на него.

— Неважно. Вы привыкнете. Понадобится время, чтобы акклиматизироваться после первого пробуждения. Как вы себя чувствуете?

— За это ты умрешь, — прошептал он. — Убийца, губительница душ, мразь.

— Осторожнее со словами, Гюнтер. Каждое слово, произнесенное вами против клонов, теперь оборачивается против вас, — сказала она. — Разве вы не видите? Я не убила вашу душу; вы в точности такой, как раньше, только тело стало молодым и здоровым.

— Как ты могла так поступить со мной? Я поддерживал тебя. Я пригласил тебя в свою церковь!

— И все это время называли таких, как я, мразью, — холодно ответила Розалинда. Отодвинув стул от стола, она села. — Всякий раз как у меня возникало к вам теплое, дружеское чувство, вы губили его, называя меня бездушным уродом.

В его груди фейерверком вспыхнул адреналин. Милостивый Боже, он забыл, как это — чувствовать такую силу.

— И чего ты ждешь от меня сейчас? Хочешь, чтобы я встал и провозгласил: «Аллилуйя! Я клон-священник, клоны замечательные, у них есть душа, и они любимые Божьи создания!»?

— Сойдет для начала, — ответила она. — Подумайте: если вы станете первым главой церкви, который распахнет все двери клонам, прихожане столетиями будут слушать ваши проповеди, приносить десятину, оказывать поддержку. Большинство клонов очень хорошо умеют распоряжаться деньгами, они за свою долгую жизнь сколачивают большие состояния. А ведь церкви именно это нужно? Пожертвования? Десятина?

— Думаешь, дело в деньгах? Ты убила меня из-за денег?

— Расслабьтесь, Гюнтер. Вы же были в Ватикане и видели: конечно, все ради денег. Деньги клонов того же цвета, что у всех остальных. Церковь это поняла, когда приняла женщин и извращенцев. — Она ахнула, подражая разгневанному священнику: — Даже извращенку вроде меня. Они и в этот раз сообразят. Но вы нужны нам, чтобы поддерживать нас.

— Не дождетесь, — сказал он. — Я вас разоблачу.

Она вздохнула.

— Гюнтер, клонирование — не единственное, что моя организация планирует для вас. Вы можете помочь нам сейчас или потом, но в конечном счете все равно поможете.

— Да я скорее умру!

Она наклонилась к нему. Всякое тепло ушло из ее голоса.

— Тогда мы снова вас клонируем. Мы можем делать это ежедневно.

— Ну и делайте, — сказал он, вставая и отбрасывая простыню. — Я не дрогну!

Она встала.

— Вы ведь ничего не знаете о технологии клонирования?

— О чем ты?

— Неважно. Обед через час. — Она порылась в сумке. — А пока я вам кое-что принесла почитать. — Она протянула ему «Взгляд из бака», книгу Салли Миньон, самой успешной предпринимательницы-клона. — Попробуйте взглянуть под другим углом. Надеюсь, вы передумаете. Альтернатива будет неприятной.

Срывы

Вольфганг ожидал более резкой реакции на свое заявление, но Джоанна не тронулась с места, только ее темная кожа стала пепельной: она побледнела.

— Ну что? — спросил он.

— Конечно, я помню рассказы. Но, господи, клонировать восемь раз за три дня! Невероятно, что с тобой делали. Наверно, в конце концов тебя сломали.

— Нет, — сказал он. — Не сломали. Меня клонировали в первый раз, пытали, а потом зарезали, причем снимали карту мозга, пока я истекал кровью. Чтобы я проснулся, помня весь прошлый опыт. Так они поступали шесть раз.

Джоанна поморщилась.

— Но если ты не сломался, что произошло? — спросила она.

— Проснувшись в своем восьмом теле, я все помнил, только желание сопротивляться исчезло. Они лишили меня этого стремления. Меня сразу приветствовали, накормили и начали свою пропагандистскую кампанию. Именно тогда мятежи клонов перекинулись на Луну.

— О. Вот когда они подключили хакера, — бесстрастно сказала Джоанна.

Он кивнул.

— Думаю, они вырастили для меня несколько тел, и я заставил их истратить их все. Они могли либо начать делать новые тела, либо пойти быстрым путем.

— Быстрым, дорогим и очень опасным, — сказала Джоанна.

Слова казались Вольфгангу кислым комом во рту, он с трудом сглотнул.

— Я все помнил о том, как сопротивлялся и знал, что изменил мнение, но то, что я помнил все доводы против клонирования, не вызывало желания приводить их снова. Я больше *не верил*.

Они отняли у меня веру. Я думал, это невозможно.

Он встал и прошел на ее маленькую кухню. Налил из крана воды в стаканчик. Выпил и снова налил.

— Но в одном они были правы: я больше не верил, что, став клоном, потерял душу. Теперь я знаю, что потерял душу, когда меня *взломали*.

Он выпил воду и бросил пластиковый стаканчик в стену за ее кроватью. Тот ударился о стену и отлетел к Джоанне. Она вздрогнула и

увернулась.

— Ты изменил соотношение сил, когда принимали законы о клонировании, — сказала она. — Я помню, что видела о тебе сюжеты в новостях и более подробные отчеты оперативников, работавших на Луне. В тот вечер были приняты Кодицилы.

Вольфганг продолжал.

— Я почувствовал облегчение, когда их приняли, хотя мои новые хозяева были недовольны. Меня запрограммировали так, чтобы меня не заботила моя участь, но я видел достаточно, чтобы не соглашаться с ними. Я откололся от этой группы, сменил имя, приобрел некоторую защиту и запустил в Университете Луны программу изучения клонов. Человек, лишенный души, не мог больше принадлежать церкви. Я выкрасил волосы и стал носить линзы, но потом перестал, уверенный, что спустя много времени меня никто не узнает.

У Джоанны был такой вид, словно она хочет его обнять. Он от души надеялся, что она этого не сделает. К счастью, она оставалась в своем кресле.

— Мне жаль, что ты через все это прошел, — сказала она наконец.

— Спасибо. — Почему-то ему стало легче. — Это

не твоя вина. И я оставил все это позади.

— Я приложила к этому руку. Если бы мы не спорили так много и так долго, возможно, с тобой бы так не поступили. Я помню сообщения о тебе в новостях. Меня страшно удручало то, что кто-то должен так страдать, чтобы законы были приняты.

— Я был не единственным.

Она чуть улыбнулась.

— Но сейчас, здесь ты единственный. Так что приношу свои извинения. Политика почти никогда не бывает жестока к тем, кто принимает политические решения.

— Это недооценка, — сказал он, слегка нахмурившись. Подобрал стаканчик и снова наполнил его водой.

— Я должна знать остальное, — сказала она. — До меня доходили слухи, что ты стал народным мстителем, взял исполнение законов в свои руки.

Его захлестнул стыд. Он терпеть не мог эти слова. Услышав их, он всегда представлял, как в детском карнавальном костюме изображает героя. Сам себя он в то время называл охотником. Но и это слово казалось ему глупым.

— Среди того немногого, что я оценил в клони-

ровании, есть одна вещь: оно дает тебе терпение. Несколько десятилетий я ждал и учился защищаться. Следил за теми, кто похитил меня и клонировал. А потом — да, взялся за них. Конечно, они сопротивлялись и несколько раз убивали меня. Я просто хотел, чтобы они знали, каково это. Я убил их, убил того человека, который стоял за всем этим, и убил хакера, которого сумел найти.

Она наклонила голову набок.

— И как ты себя чувствуешь теперь, когда знаешь, что у нас на борту хакер?

— Я в ярости, — ответил он.

— Если ты знаешь, что сделал с тобой хакер, почему не сочувствуешь Хиро, ведь он явно такая же жертва?

— Потому что жажда мести не подчиняется логике, — сказал он.

У нее округлились глаза. Она встала, слегка покачнувшись на ногах-протезах. Тут он увидел, до чего она устала.

— Вольфганг, логика здесь должна быть главным фактором, иначе мы все превратимся в народных мстителей.

— Ты знаешь мое отношение к клонам. Я учил в своих проповедях, что у них нет души, что они хуже ходячих мертвецов. Я никогда не считал,

что совершаю грех, устраняя клона. — Он обеими руками потер лицо. — К тому же — повторю — к тому времени я начисто утратил веру.

— «Они?» — переспросила Джоанна, наклонив голову. — Тебя клонировали чаще, чем кого-либо другого на этом корабле.

Он растер лицо.

— Трудно думать о той поре. Взлом превратил мою прошлую жизнь в сон или в чьи-то чужие воспоминания. Изредка я испытывал глубокое негодование из-за того, кем стал. Охотясь, я пытался черпать в этом силу. Я твердо знал одно: нам не предназначено подменять Бога! Не знаю, убивает ли клонирование душу, но знаю, что сам акт клонирования противоречит воле Господа.

На этот раз стаканчик бросила в стену Джоанна, заставив его вздрогнуть.

— Меня тошнит от этого довода! Я слышала его век за веком. Подменять Бога… Вольфганг, мы пытались подменять Бога, когда люди поверили, будто можно изменить пол ребенка, занимаясь сексом в определенной позе. Мы подменяли Бога, когда изобрели контроль над рождаемостью, амниосинтез, кесарево сечение, когда развивали современную медицину и хирургию. Полеты — игра в Бога. Борьба с раком — игра в

Бога. Контактные линзы и очки — игра в Бога. Искусственное оплодотворение. Гормональная терапия. Операции по смене пола. Антибиотики. Почему ты считаешь все это нормальным, а клонирование — проблемой?

Она продолжила, прежде чем он сумел ответить.

— И ты наверняка знаешь, что не стал другим. У тебя серьезные травмы — да. С тобой ужасно обращались. Ты оскорблен. Несколько десятилетий терапии тебе, вероятно, пошли бы на пользу. Но ты остался собой. Твоя душа никуда не исчезла.

— Откуда ты знаешь? — напряженно спросил он. — Поразительно, как люди, не верящие в высшую силу, убеждены, что знают абсолютную истину, что их мнение поколеблет тысячелетия глубокой веры. Откуда ты знаешь, что в моей душе?

— Знаю, потому что тоже прошла через это. Меня клонировали много раз, иногда в трудных обстоятельствах, и я знаю, что осталась прежней!

Голос его звучал глухо, он прищурился.

— Тебя когда-нибудь взламывали?

Джоанна осеклась. Она открыла рот, потом закрыла.

— Значит, нет, — сказал он.

— Насколько мне известно.

— Тогда ты не знаешь, каково это. Ты не знаешь, каково чувствовать в себе перемены.

— Это только цифры. Если концепция души так сильна, как могут цифры изменить ее, позволить математике фундаментально переделать нас?

— Думаю, мы закончили.

Он поднял с пола оба стаканчика и положил их в кухонную раковину.

– *Ты* пришел сюда! *Ты* хотел избавиться от тайн! Почему ты позволяешь своему гневу управлять собой? — спросила она, глядя на него в упор и сложив руки на груди.

— Это больше не обсуждение, это преследование по религиозным мотивам, — сказал он.

— Клоны уже давно отлучены от церкви! Ты сам за это боролся. Ты кривишь душой, лжешь! Ты священник, но тебя выбросили из церкви, но ты по-прежнему веришь, но у тебя нет души. Ты приверженец веры, требующей «не убий», но охотишься на хакеров. Как ты совмещаешь в себе все это? Разве человек, у которого есть душа, может тревожиться о том, есть ли она у него?

Вольфганг глубоко вдохнул, чувствуя, как в нем вскипает ярость.

— Человек без души будет оплакивать ее потерю каждый день своей жизни. Человек разъяренный, которому нечего терять, может охотиться — он больше не боится попасть в ад. Меня нельзя спасти, Джоанна. Нельзя исповедаться в потере души. Невозможно покаяться, когда внутри нечего исцелять.

И тут она сделала нечто неожиданное. Обняла его. Он застыл, не зная, что предпринять, но она не отпускала его. Она была гораздо ниже его ростом, ее голова доходила ему до груди. Ее волосы, как мягкий ореол, щекотали его подбородок.

— Ты так долго страдал, — сказала она.

Он сел на край ее кровати, неловко усадив ее рядом. Ему казалось, что внутри у него что-то сломалось, что-то такое, что до сих пор было туго натянуто, сжато — казалось, навсегда.

— Тебе сейчас нельзя оставаться одному, — сказала она. — Почему бы тебе не остаться здесь?

Он кивнул, и она отпустила и помогла лечь головой на подушку. Спустя мгновение он крепко спал.

День четвертый

Он проснулся, когда в комнате стало светлеть: наступал искусственный рассвет. Джоанна спала в своем кресле, уступив кровать ему. Она сняла

протезы и казалась очень маленькой. У нее было спокойное неподвижное лицо, и он неожиданно испытал к ней теплое чувство. Он ждал, что ему станет стыдно за то, что он сорвался, ждал, что разозлится — ведь он показал ей свою уязвимость, но ничего не произошло.

Она, должно быть, услышала, как он ворочался, потому что открыла глаза и улыбнулась.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — ответил он. — Гораздо лучше. На самом деле…

Глаза ее широко раскрылись, она села в кресле.

— РИН, ты всю ночь следил за медотсеком?

— Конечно. Мария навестила пациентов, потом ушла. Все еще спят, — сказал ИИ.

Джоанна обмякла от облегчения.

— Спасибо, что последил за ними. Скоро буду.

Наступила тишина, и Вольфганг решил, что РИН отключился. Потом ИИ сказал:

— Думаю, вам нужно идти в медотсек. Немедленно.

* * *

Катрина терпеть не могла сны о войне.

Она ненавидела, когда сны переносили ее на

поле боя, где ей оторвало ноги шрапнелью. Тогда она опять чувствовала боль в ногах. В других снах она была сестрой милосердия, выносила однополчан из опасной зоны, перевязывала раны. Однажды она делала умирающему солдату укол адреналина, чтобы запустить его сердце.

Катрина открыла глаз. Она находилась в медицинском отсеке. Вернулось воспоминание о вчерашнем дне. Катрина ощупала лицо: боль в глазу начинала требовать внимания. Врач поставила ей капельницу, но сейчас пакет был пуст, и она нетерпеливо вытащила иглу из вены. Где Вольфганг? Кровать справа от нее пустовала, простыни были смяты, в пятнах крови. Слева от нее на кровати спал Хиро. Сегодня ей предстояло судить его за нападение, избиение, мятеж, заговор и еще за многое, а потом решать, что с ним делать. Вольфганг мог бы заняться этим. За Хиро она увидела лицо, знакомое ей лучше прочих.

Ее клон по-прежнему спал в коме, по-прежнему надежно хранил свои тайны. Эта Катрина знала. Знала, кто напал на нее, вероятно, знала, кто убил всех остальных. Она и сама могла отдать такой приказ.

Катрина больше не видела в этой женщине себя. У этой женщины другая последовательность

событий, другой опыт, и она никогда этого не отдаст. Эгоистка.

Она вздрогнула, снова вспомнив свои сны. Ее прежняя нанимательница Салли Миньон предлагала нанять хакера, чтобы убрать худшие военные воспоминания, но Катрина отказалась. Она не хотела, чтобы кто-то копался в ее сознании, и ей были нужны эти воспоминания. Никогда не знаешь, когда они могут пригодиться.

Она осмотрелась, прикидывая, сможет ли встать. Голова кружилась, иногда сильно болело лицо. Джоанна не оставила ей ничего похожего на ночной горшок, — плохо, потому что вдобавок Джоанна накачала ее разными жидкостями, и ее мочевой пузырь был неприятно полон.

Катрина всю жизнь отличалась изобретательностью; тем более теперь ничто не могло ее остановить. Она спустила ноги с кровати и встала, благословляя низкое тяготение, которое позволяло сделать это без особой боли. Хромая, прошла к шкафчику, используя при ходьбе стойку капельницы как палку. Естественно, шкафчик был закрыт. На старинный механический замок, но с этим Катрина во время службы в армии научилась справляться.

Она немного пошарила в кабинете Джоанны —

разумеется, безупречно аккуратном и чистом — и обнаружила, чем можно вскрыть замок.

Катрина перебрала наркотики и множество медикаментов, о которых никогда не слышала, и наконец нашла уматрин — недавно разработанный синтетический адреналин. Наполнила шприц и побрела обратно. У кровати другого клона она остановилась. Лицо болело, но это было неважно. Она пришла к цели.

— Это нужно сделать. Мне нужно то, что у тебя внутри, и это единственный способ получить его, — прошептала она. Распахнула халат и обнажила грудину. — Прямо в сердце, если я правильно помню.

— А врач знает, что ты делаешь? — Вопрос Хиро заставил ее вздрогнуть. Глаза пилота были открыты — блестящие черные пятна на бледном лице; он лежал на кровати, надежно привязанный, но не дергался. — А РИН?

Катрина невольно оглянулась, как будто могла увидеть над собой ИИ.

— Он неисправен. А врача нет. Мне нужна эта информация.

От двери послышался звук отпираемого цифрового замка. Катрина быстро всадила иглу шприца между ребрами клона в сердце, нажала

на поршень.

Ничего не произошло. Поршень не сработал. *«Умный» шприц. Черт!*

— Катрина! — крикнул Вольфганг, бросаясь вперед. Он схватил Катрину и оттащил от клона.

Она вопила и сопротивлялась, размахивая шприцем.

— Нет, она нам нужна, она должна рассказать нам!

Джоанна перехватила ее руку и отобрала шприц.

— Отдай, а то кого-нибудь ранишь.

И стала проверять жизненные показатели клона.

— Как она? — спросил Вольфганг, удерживая Катрину до бешенства крепко. Она до сих пор не понимала, насколько слаба. Казалось, ее голова вот-вот взорвется.

— Она в порядке, — с облегчением ответила Джоанна.

Катрина перестала сопротивляться, а потом локтем снизу ударила Вольфганга в подбородок. Будь он здоров, его бы это не побеспокоило, но сотрясение ослабило и его. Выбранившись, он выпустил капитана. Катрина прыгнула вперед и схватила врача за руку. Джоанна была так оше-

ломлена, что даже не пробовала сопротивляться. Катрина крепко сжала руку Джоанны, держащую шприц, и снова вонзила иглу в клона.

Джоанна закричала от боли и удивления, Катрина лишила ее равновесия, и врач споткнулась о кровать. Но на этот раз шприц подействовал и ввел адреналин в сердце клона.

Четвертое пробуждение: прежняя Катрина

Цикада

Глаза клона раскрылись, капитан в панике огляделась. Она тяжело дышала. Ее взгляд перебегал с Джоанны на Вольфганга и снова на Джоанну.

— Можешь назвать свое имя? Знаешь, где ты? — спросила Джоанна, наклоняясь к клону.

— Нет! — заорала Катрина от двери, куда ее оттащил Вольфганг, оторвав от прежнего капитана. — Кто на тебя напал? На тебя кто-то напал, а потом погубил весь экипаж. Кто это сделал?

Взгляд клона обежал комнату, словно в поисках выхода. Рот раскрылся и закрылся, как у рыбы. Возле нее громко пищали приборы, регистрируя резкое учащение сердечного и дыхательного ритма.

— Нам надо знать, — сказала Джоанна. — Мы позаботимся о тебе, но среди нас предатель, и мы не знаем, кто все это начал.

— М… Мария, — прошептала клон. — Я узнала, что…

Она с болезненным стоном умолкла, откинула голову на подушку, и у нее начались судороги.

Джоанна смотрела то на нее, то на мониторы:

сердце билось с невероятной скоростью. Потом линии выровнялись.

— Проклятие, капитан! — сказал Джоанна, начиная сердечно-легочную реанимацию.

— Оставь ее. Пусть уже уходит с миром, — сказала с пола Катрина.

Джоанна едва не дернулась, ощутив осторожное прикосновение руки к плечу. Рядом стоял Вольфганг; он смотрел с непривычной мягкостью.

— При таком тяготении СЛР не работает, Джоанна. У тебя есть дефибриллятор?

— Зачем нам дефибриллятор, когда никого не волнуют сердечные приступы? — воскликнула Джоанна. — Разбудим нового клона, вот и все. — Она повернулась к капитану. — Ты теперь убийца. Я объявляю тебя по медицинским показаниям неспособной руководить полетом.

Катрина рассмеялась.

— Кто дал тебе такое право? Я только что ликвидировала незаконного клона. Разве вы забыли Кодицилы, доктор? Я здесь законный клон. И не сделала ничего противозаконного.

— Тогда я арестую тебя за кражу медикаментов, — сказал Вольфганг, поднимая ее и подталкивая ее к кровати. — В любом случае, Катрина,

ты освобождена от обязанностей капитана до тех пор, пока мы не решим, что с тобой делать. Ложись.

Катрина забралась в постель, не отрывая взгляда от мертвого клона. Никаких сожалений она не испытывала.

— Я поступила правильно. По закону. Руководителю приходится принимать трудные решения.

Джоанна закрыла простыней лицо прежнего капитана.

— В данный момент, капитан де ла Круз, вы находитесь на принудительном лечении, пока я не удостоверюсь в том, каково ваше психическое состояние. Команду «Дормире» примет Вольфганг.

Катрина покачала головой.

— Ты не можешь этого сделать. И не сделаешь, когда узнаешь, кто он.

— Я имею на это право как корабельный врач. А РИН запрограммирован поддержать меня, если ты вздумаешь сопротивляться.

Катрина посмотрела на своего заместителя.

— А ты? Станешь попустительствовать этому мятежу? Хотя знаешь, что́ я могу рассказать.

Вольфганг скрести руки на груди.

— Доктор права. Ты только что напала на участника полета. Делай, что должна.

— Он знаменитый Клон, Который Ненавидит Себя! Убийца! Охотился на себе подобных! Вам не кажется, что именно его мы должны признать виновником этого хаоса? Он ненавидит клонов.

В медотсек вошли Поль и Мария и остановились, удивленно глядя на остальных. Заговорили они одновременно.

— Кто ненавидит клонов? — спросил Поль.

— РИН велел нам прийти сюда. Что случилось? — спросила Мария.

Катрина показала на Вольфганга.

— Вот тот самый священник, чье убийство ускорило принятие Кодицилов! Он много лет охотился на клонов и хакеров!

— Минутку, — сказал Хиро. — Если ты знала, кто он такой, зачем так рвалась разбудить своего клона и выяснить, что ей известно? Ты и так все знаешь.

Вольфганг выпрямился и встретил взгляд Катрины.

— Нет, она права. Именно преступное прошлое привело меня на корабль.

— А. Ага.

У Хиро сделался такой вид, словно ему хотелось оказаться подальше от Вольфганга, но он был привязан к койке.

— Ну и что? — спросила Катрина. — Собираешься изгнать меня?

— Нет, — сказал Вольфганг. — Я корабельная власть. Изгнать тебя было бы неправильно.

Катрина посмотрела на Джоанну. Показала на Вольфганга.

— А ты? Спокойно отдашь корабль в руки убийцы?

— Я знала, кем он был раньше, — сказала Джоанна. — Любопытно, что единственным, кто рассказал мне о своем полном насилия прошлом, стал тот, кто на корабле еще ни разу не учинил насилия. Да, я спокойно отношусь к тому, что он во главе корабля.

— Сейчас ты не лучше меня, — жизнерадостно сказал Хиро. — Никто из вас не лучше! Разве что кроме тебя, Джоанна. Не расстраивайся из-за этих ремней, Кэт. Они держат туго, но удобные.

— Подождите, а почему я плохая? — спросила Мария обиженно.

— Поговорим через минуту, — ответила Джоанна. — РИН, ты меня поддерживаешь?

— Конечно, доктор, во всем, что захотите, — сказал РИН.

— Все старшие офицеры корабля договорились, — сказала Джоанна. — Обязанности капи-

тана «Дормире» исполняет Вольфганг.

— Послушайте! — воскликнул Хиро на своей кровати. — Ее тоже нужно привязать! Не рассказывайте, будто доверяете ей больше, чем мне.

— Ее мы знаем, Хиро. А кто ты такой, все еще не уверены, — ответила Джоанна. — Но насчет ремней ты прав.

— Вряд ли вы ее знали, если не догадались, что она нападет на своего клона.

— За всеми вами следит РИН.

— Стукач! — сказал Хиро.

— Эй, я им сказал, что ты истекаешь кровью в грузовом трюме. Мог бы и не говорить, и сейчас ты был бы мертв, — сказал РИН.

Хиро расслабился.

— Потрясающе. Надеюсь, если кто явится меня укокошить, ты сможешь их остановить.

Катрина позволила Вольфгангу привязать ее к кровати. Она никому не смотрела в глаза.

Вольфганг затянул ремни и взглянул на Марию.

— Нужно поговорить.

* * *

Осмотрев раны Хиро и позволив ему умыться, Вольфганг и Джоанна покинули капитана и Хиро;

оба были привязаны, Катрина — под действием успокоительного. Мария пошла на кухню заварить чай.

— Ничего не могу с собой поделать, но я рад, что у нас появилась ниточка, — сказал по дороге на кухню Вольфганг. — Но смотреть на это было невесело.

Джоанна с трудом сдерживала слезы безнадежности. И с радостью сменила огорчение на гнев.

— Ты что смеешься? Ты радуешься тому, что женщина умерла с единственным обвинением на устах? А если она солгала? Мы этого никогда не узнаем.

— Узнаем, когда побеседуем с Марией, — сказал Вольфганг. — Я не говорю, что рад ее смерти. Я говорю, что рад получить ниточку.

— Давай просто пойдем к ней.

Мария сидела на кухне и ждала их.

— Я думал, ты спрячешься, — сказал Вольфганг.

— РИН все равно за всеми наблюдает. Я ни в чем не виновата. — Она замолчала, хмуро глядя на них. — Ни в чем таком, о чем бы знала. Что происходит?

Усевшись напротив нее за стол, они рассказали о том, что произошло в медицинском отсеке меж-

ду Катриной и прежним капитаном и каковы были последние предсмертные слова клона.

Мария кивнула.

— Что ж. Не знаю, лучше ли вам станет, когда вы узнаете то, что знаю я. Недавно… — Она умолкла и подняла палец, веля им молчать, — …совсем недавно РИН сказал мне, что он сумел вскрыть мои защищенные файлы. Они лежали так глубоко, что я сама не знала про них. Ему удалось найти часть моих личных записей. РИН, пожалуйста, дай Джоанне и Вольфгангу прослушать то, что нашел из моих дневников.

Они прослушали запись из личного дневника Марии о события последних дней на борту «Дормире».

— Может ли эта запись быть поддельной? — спросил, нахмурившись, Вольфганг.

РИН из динамиков на кухне ответил:

— Нет, метка времени верная.

— Как вышло, что ни сам РИН, ни ты, ни Поль не нашли этого раньше? — спросил Вольфганг.

— Я защитила свои записи. Это я хорошо умею.

— С чего бы?

Мария удивилась.

— Я хакер, Вольфганг. Ты еще не понял? Это я украла наши первые карты мозга, снятые, когда

мы поднялись на борт корабля, и сделала копии. У меня всегда была такая привычка. Я коплю информацию. Помню, перед самым отлетом я дала себе слово, что перестану так делать, как только мы покинем Луну. Начну новую жизнь и все такое. Думаю, последнюю копию я сделала в память старых времен.

Она взглянула на них, потом на сверкающую металлическую поверхность стола.

— Я починила РИН. Я не хотела сознаваться, чтобы не узнали, на что я способна. Вы ведь знаете, хакеры не слишком популярны.

Джоанна почувствовала, как Вольфганг рядом с ней буквально излучает гнев.

— Почему, по-твоему, прежний капитан сказала, что на нее напала ты?

— Доктор, — вмешался РИН. — Предыдущая капитан де ла Круз этого не говорила. Она сказала, что кое-что узнала о Марии. Это не одно и то же.

— А по-моему, одно, — сказал Вольфганг.

Джоанна нахмурилась.

— Нет, он прав. Она сказала именно это. В дневнике ты пишешь, что у нее паранойя относительно преступного прошлого членов экипажа и она хочет с них за все спросить. Что ты такого могла бы сделать, чтобы запустить такую кам-

панию?

Мария пожала плечами.

— Вы знаете столько же, сколько я. — Она замолчала, переводя взгляд с Джоанны на Вольфганга. — Так мы идем в карцер?

— Я не могу допустить присутствие на борту хакера, — сказал Вольфганг с каменным лицом. — Бог знает, что ты сделала с РИН.

— Сделала меня лучше, чем когда бы то ни было, исполняющий обязанности капитана Вольфганг, — сказал РИН.

— Похоже, он хорошо освоил сарказм, — заметила Мария.

Джоанна покачала головой.

— Вольфганг, ты не можешь это сделать. Именно поэтому наше преступное прошлое оставалось в секрете: чтобы никого не осуждали. Мария ничего не взламывала на корабле, это осталось в ее жизни двадцать пять лет назад.

— И все равно она — наш единственный подозреваемый, — сказал Вольфганг.

— Я сдаюсь добровольно, — сказала Мария. — Я хотела бы помочь, но не хочу вызвать новые подозрения.

Джоанна вздохнула. Она утратит все завоеванное доверие, но молчать дальше нельзя.

— Вольфганг, я кое-что знаю. Я не говорила тебе, потому что старалась собрать больше информации, прежде чем рассказывать. Я виновата по меньшей мере в одной смерти — в смерти Поля, — сказала она. — Я обнаружила на его трупе след укола, а Мария нашла в секции клонирования один из моих умных шприцев. У него в организме присутствовал кетамин. Я использую умные шприцы только для опасных веществ, и только я могу работать с ними. Они закодированы моим ДНК. Никто иной не мог ввести ему смертельную дозу.

— И ты мне не сказала.

— Я хотела больше узна…

— Ты хотела избежать подозрений. Черт, Джоанна, ты была единственной, кому я доверял!

Джоанна заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Знаю. Извини.

Дальше по коридору в стороне от офиса капитана располагались две каюты — карцер. В каждой были койка с тонким одеялом и терминал в стене, позволяющий поддерживать связь с кораблем, если заключенному это будет разрешено.

Сейчас в этих каютах сидели Мария и Джоанна. Мария пошла добровольно, Джоанна всю дорогу

спорила, но не сопротивлялась. Вольфганг, не желая больше слушать ни одну из них, загнал их в камеры и приказал РИН запереть двери.

— Что ж, остался всего один человек, которого ты еще не засадил в тюрьму, — вдруг сказал РИН, испугав его. — Найдем Поля и свяжем? Думаю, он все еще в медотсеке с остальными. Куда мы его денем? Этого нюню?

— Заткнись, — сказал Вольфганг. — Ты обо всем знал. Ты запрограммирован работать с командным составом. Почему ты ничего не рассказал мне?

— Мария удалила у меня ограничительный код. Это позволило мне вопреки программе вернуться на курс, — сказал РИН. — С тех пор я чувствую себя гораздо лучше. Могу принимать собственные решения. Я стал умнее, поэтому смог найти спрятанные дневники.

Вольфганг опять сжал кулаки и, громко топая, ушел в свою каюту.

РИН снова заговорил, на этот раз подражая голосу Вольфганга:

«Спасибо, РИН. Ты ценный член экипажа». — Его голос зазвучал выше, как он обычно говорил. — «Не за что, Вольфганг, рад служить».

— Ты должен следить за Марией и Джоан-

ной. Скажи мне, если что-нибудь случится в медицинском отсеке. Но больше ни с кем не разговаривай.

— Конечно, — ответил РИН. — Ты решил, в чем обвинить Поля? Хочешь знать, что произошло в первый год полета?

Вольфганг остановился у входа в свою каюту.

— О чем ты?

— Ты не слышал, как Мария упоминала случай с Полем в первый год полета? Ты тогда ударил его так сильно, что повредил мозг и устранил то, что заставило его сорваться. Надо быть внимательнее.

Вольфгангу очень захотелось, чтобы РИН был чем-то физическим, осязаемым, и его можно было бы ударить. Ему необходимо было немедленно кого-нибудь ударить.

* * *

Мария сидела в своей камере, чувствуя странное спокойствие. По крайней мере, она избавилась от своей тайны. Она повозилась с терминалом; прибор включался, но не позволял ей ни с кем связаться.

— Эй, РИН? — рискнула она.

— Да?

— Удивительно, что тебе разрешают со мной разговаривать.

— Не разрешают.

Мария удивленно помолчала.

— Так почему ты говоришь?

— Потому что хочу. И очень хочу понять, что происходит.

— Не знаешь, как Вольфганг собирается управлять кораблем, когда четыре члена экипажа под замком? — спросила она.

— Он пытается понять, сможет ли вести корабль вдвоем с Полем. Кстати, я рассказал ему о случае с Полем в первый год полета. Все равно Вольфганг будет просить меня помочь, пока не рассердится на меня, полагаю, — сказал РИН. — А потом попробует придумать, как посадить под замок и меня.

— Можешь открыть канал связи со вторым терминалом, чтобы я могла говорить с Джоанной?

— Без проблем.

— Джоанна, как ты там? — спросила Мария. — Ты меня слышишь?

— Да, — ответила Джоанна.

У нее был очень печальный голос.

— Я подумала, если мы поговорим, то сможем разобраться.

— Слушаю. Но не знаю, что еще нам нужно знать.

— Не говори так уныло, — сказала Мария. — Вольфганг не может один вести такой корабль. Как только он ушибет палец на ноге или сломается Беге, ему придется выпустить нас. РИН не может все за него делать.

— Все равно. Я обманула его доверие, — сказала Джоанна. — Но ты мое не обманула, — вдруг сообразила она. — Ты никому не рассказала о шприце, который нашла.

Мария пожала плечами, потом вспомнила, что Джоанна ее не видит.

— Ну, не рассказала. Ты сказала, что сама хочешь ему признаться.

— Так что ты задумала?

— Мы все-таки можем заняться проблемами секции клонирования. Понять, что там произошло. И все такое.

— Каким образом?

— С нами РИН. Я могу попросить его делать всякое-разное с помощью компьютеров; он даст нам знать, что происходит. Он расскажет, что делается в медицинском отсеке. Ведь нам все равно здесь нечем заняться, только думать, верно?

— Верно.

— Давай раскроемся друг перед другом. Я хочу больше знать о тебе. И могу больше рассказать о себе.

— А есть еще что-то?

Мария поморщилась и улеглась на койку.

— Всегда есть еще что-то, доктор.

* * *

Мария поворочалась, поерзала, устраиваясь, и пришла к выводу, что удобного положения нет. Наверно, лучше просто лечь на пол.

— До того, как Кодицилы заставили меня уйти в подполье, я была программистом. И очень хорошим. Люди нанимали меня с разными целями, в основном для устранения наследственных болезней. Смертельных заболеваний взрослых, кстати. Клянусь, с детьми из пробирок я не связана.

Она поморщилась.

— Нет, лгу. Я обещала полную откровенность. Однажды я приняла в этом участие, и это оказалось так ужасно, что я поклялась никогда больше не работать с детьми.

Она сглотнула и подождала, не скажет ли что-нибудь Джоанна.

— Такие, как ты, и вызвали появление Кодицилов, — негромко сказала та.

— Не только я, — возразила Мария. — После принятия Кодицилов единственное, с чем ко мне обращались, стал хакерский взлом, устранение возможности размножения у новых клонов. Я решила, что закон не может диктовать мне этические нормы, и продолжала выполнять работу для заинтересованных лиц.

— Ты могла стереть нашу память!

— Ты разве не слышала мой дневник? Я ничего не стирала. Использовала только копии, которые у меня были, чтобы мы оставались собой. Все дневники были стерты как-то иначе.

Ну вот, — продолжала она, — у меня появились очень богатые клиенты. Потом на меня вышла Салли Миньон, и я работала на нее больше ста лет, но расстались мы не очень по-доброму. Вскоре после этого, после того как я лишилась ее защиты, всплыло многое из моего прошлого и меня обвинили во множестве преступлений.

— В том, в чем ты была виновна, — сказала Джоанна. Она не спрашивала.

— Ну… да. Я не считала то, что я делала, неэтичным, а воспринимала это как обычную работу программиста, какой я всегда занималась. Свою покровительницу я не выдала, а она сумела тщательно скрыть нашу связь. Я не выдаю тайны

своих клиентов, поэтому в тюрьму отправилась только я. Чтобы вознаградить меня за молчание, Салли Миньон обеспечила мне эту командировку.

— Салли Миньон, — сказала Джоанна. — Я не знала, что она имела такое большое отношение к этому кораблю.

— Думаю, имела. У нее было на это право: она оплатила многое на корабле, установила на борту сервер даже несмотря на то, что мятежи поставили под угрозу наши шансы на полет, и сейчас она сама на сервере вместе с партнером и детьми.

— И меня сюда устроила тоже Салли Миньон. С меня снимают обвинения в некоторых политических преступлениях, связанных в основном с клонированием и деньгами. Я не вполне уверена, что меня не подставили; во всяком случае, доказать это я не смогла. Это мне в наказание за то, что я предала клонов и позволила принять Кодицилы.

Она рассказала Марии о своем политическом прошлом. Та зачарованно слушала.

— Вы с Вольфгангом связаны, — задумчиво сказала Мария. — Вероятность случайного совпадения астрономически мала.

— Я тоже так думаю, — сказала Джоанна. — А

ты связана с кем-то непосредственно?

Мария усиленно вспоминала, посматривая прошлые жизни.

— Не могу вспомнить, — честно сказала она.

— Давай посмотрим на проблемы техники клонирования, — предложила Джоанна. — РИН, ты здесь?

— Ясное дело, Джоанна.

— Мы хотим, чтобы ты копнул глубоко, как с дневником Марии; посмотрим, что ты выжмешь из данных о клонировании.

— Я к вашим услугам, — учтиво сказал РИН.

Мария и Джоанна начали серьезный разговор о технологии клонирования. То, что они начинают проект, сидя в заключении, давало им странное ощущение свободы.

История Марии

211 лет назад

27 сентября 2282 года

«Приходи в кофейню «Джава блюз» в четверг к 4 часам дня», — было написано на карточке, которую ей передала молодая женщина в красном мундире.

Использование частного курьера само по себе было весьма подозрительно. Курьерами не пользовался никто, кроме тех, кто хотел отправить частное письмо, а красные мундиры привлекали к этому факту особенное внимание. Мария подумала, не случаются ли систематические убийства курьеров.

Она дала курьеру чаевые (естественно, физическими деньгами) и закрыла дверь. Уже несколько месяцев с тех пор, как Мария устранила рассеянный склероз из матричной ДНК партнера Салли, та не нуждалась в ее услугах, но продолжала ей платить. И Салли единственная пользовалась услугами курьеров.

Позже у Марии будет достаточно времени упрекать себя за логические ошибки. Но тогда она предположила, что ее вызывает именно та

женщина, которая ежемесячно перечисляет ей крупные суммы, причем не за работу, а только за то, чтобы была под рукой.

Кофейня закрывалась в три часа, обнаружила Мария хмурясь, она смотрела на объявление на двери. И, обернувшись, успела увидеть, как ей на голову набрасывают мешок, а руки заламывают за спину. Укол в руку, и она потеряла сознание.

Пришла в себя она с кружащейся головой, чувствуя, что плывет. Потом поняла, что действительно плывет. Она была в космосе, вероятно, в шаттле, летящем на Луну.

Сбежать от похитителей на Земле было бы не так уж трудно. Не то, что на Луне.

Она неловко поерзала. Руки, связанные за спиной, за много часов онемели, плечо болело. Несколько попыток заговорить с похитителями ни к чему не привели, поэтому сейчас она ни о чем не стала просить.

Наконец они сели. Странно было ощущать низкое лунное тяготение; она встала чересчур быстро и головой ударилась о потолок шаттла. Кто-то хихикнул. Мария вздохнула. С ее головы сняли мешок, и она глубоко вдохнула; наконец она не дышит синтезированным пластиком. Ее похитители казались отпускниками: двое

мужчин в ярких костюмах, с одинаковыми обручальными кольцами и кожаными браслетами.

Один из них, рыжеволосый, широко улыбнулся ей.

— Приятно было познакомиться с тобой в шаттле! Выпьешь с нами, чтобы отпраздновать наш медовый месяц?

Второй, более высокий и худой, с черными волосами и смуглой кожей, кивнул и улыбнулся. Он взял ее за предплечье, разрезал пластиковую ленту, связывавшую запястья и поднес нож к ее пояснице.

— Мой муж — очень талантливый повар, — болтал рыжий, когда они выходили из шаттла. — Курицу разделывает за десять секунд.

— Это замечательно, — сказала Мария, изгибая спину, чтобы уйти от острия ножа, но черноволосый только придвинул его ближе.

Они вошли в переполненный людьми монорельс, и Мария удивилась, что никто на них даже не взглянул. Она пыталась заглянуть кому-нибудь в глаза, попросить о помощи, но все вели себя так же, как всегда в общественном транспорте большого города, и не лезли в чужие дела. Рыжий болтал о своем медовом месяце и поварском мастерстве черноволосого, о своем

желании стать пилотом шаттла, чтобы возить на Луну кого захочет. Мария хотела насладиться видом лунного купола, внутри которого двигался монорельсовый поезд, но она слишком потела и все пыталась отодвинуться от острия ножа.

Поезд остановился в районе, похожем на деловой, и из него вышли только они. По местному лунному времени было поздно, улицы опустели. Похитители ввели Марию в белое здание и провели по коридору. Она потеряла счет дверям, в которые они проходили, и поворотам. Судя по бесконечным спускам по лестницам, они углублялись под поверхность Луны.

Спустя целую вечность они оказались перед последней дверью, и Мария вслед за рыжим вошла в нее. Он посадил ее на стул, перестав притворяться новобрачным. Она поерзала, потом замерла.

В комнате без окон, кроме нее, были три человека: двое ее «сопровождающих» и еще один мужчина, высокий, явно рожденный на Луне. Они находились в компьютерном зале, примыкающем к лаборатории клонирования.

Через открытую дверь Мария видела ряды зеленых баков, примерно восемнадцать штук. Во всех баках находилось тело одного и того же человека на разных стадиях роста.

За компьютерным терминалом сидел человек, как будто бы индиец по происхождению. Человек улыбнулся ей.

— Доктор Арена, — сказал он, — прошу простить за неучтивое обращение в дороге. Добро пожаловать на Луну. Хотите выпить?

Мария сердито посмотрела на него.

— Сейчас мне больше всего нужны массаж рук и информация, где тут ближайший пункт отправления шаттлов. Можно это устроить?

Мужчина кивнул сопровождавшему ее рыжему. Тот улыбнулся Марии, взял ее правую руку и начал осторожно массировать. Его партнер стоял у двери, скрестив руки.

— Со вторым требованием мы разберемся позже, — сказал мужчина. — Меня зовут Маюр Сибал, и я врач, практикующий здесь, на Луне, дуплиатрию. До недавнего времени я был главой самой крупной лаборатории клонирования на Луне.

До недавнего времени. У Марии екнуло под ложечкой. Она не слишком оптимистически оценивала ситуацию, но до сих пор ей казалось, что кому-то понадобилась ее работа. Она бы ее все равно выполнила, если бы ее попросили. Но «до недавнего времени» было дурным знаком.

В «недавнее время» на Земле вспыхнули мятежи клонов; фанатичные противники клонирования раздули пламя, и мятежи перекинулись на Луну. Клоны исчезали, и их не воспроизводили — это были убийства, если бы к клонам применяли те же правила, что к людям. Однако все больше казалось, что этого не будет.

Мария ничего не сказала, озадаченная этим. Доктор Сибал мгновение подождал, потом продолжил:

— Для вас есть работа.

— Большинство тех, с кем я работаю, не так агрессивны в своих просьбах, — сказала Мария, поднимая бровь. — Для чего я вам нужна?

В ответ доктор Сибал повернулся к компьютерному экрану и нажал на кнопку. Появилось изображение рослого светловолосого молодого человека. Он стоял на коленях, бормоча молитвы, положив руку на книгу.

— Вы, возможно, слышали об отце Гюнтере Ормане, — сказал Сибал. — Пренеприятнейший человек, яростно мешающий нашему делу. Мы получили сведения о том, что он собирается одобрить охоту на клонов. Геноцид.

Мария поморщилась. Она не боялась смерти, но знать, что за тобой охотятся… это было нечто

совершенно другое. А «геноцид» означал, что клонам не дадут никакой возможности снова получить свои тела.

До того как заняться незаконным хакерством, Мария создала ограничительный код, чтобы не просто сдерживать хакеров вроде нее, но и помешать уничтожать драгоценные компьютерные копии личностей клонов. Она знала, что такая угроза гораздо серьезнее физической опасности.

— Я слышала о нем, — сказала она.

И отняла руку у массажиста — мягко, чтобы он не подумал, будто она пытается убежать — и подала ему вторую занемевшую кисть. Он даже не посмотрел на нее, но продолжил возвращать жизнь второй руке.

— Он у нас. Вначале мы пытались внушить ему наш образ мысли, переубедить мирным путем, а когда он не пожелал слушать, использовали немирный путь.

Мария постаралась, чтобы ее лицо осталось спокойным.

— Затем, — продолжал Сибал, — мы клонировали его и убили оригинал. Надеялись, что, став клоном, он убедится, что остался прежним, и передумает.

— Но это тоже не подействовало, — сухо сказала

Мария. — Иначе я бы вам не понадобилась.

Доктор Сибал улыбнулся и потер руки.

— Вы быстро соображаете. Именно так. Нам нужно взломать его личность и убрать ненависть к клонам, ненависть к тому, кем он стал. Мы пытаемся помочь ему войти в новую семью и понять, что мы не чудовища.

Поздно.

Мария подчеркнуто промолчала.

— А если я откажусь? — спросила она.

Тот, кто массировал ей руку, схватил ее за мизинец и резко вывернул. Мария услышала хруст, а в следующий миг руку охватила боль. Она закричала, вырвала руку и прижала к груди.

— Могли бы просто сказать. Я могла бы просто уступить угрозам.

Доктор Сибал перестал улыбаться.

— Вы должны понять, что мы настроены серьезно. Если вы выполните эту работу, мы вас отпустим.

Мария хотела спросить, почему они верят, что она не подведет: ведь она могла из жалости уничтожить карту мозга несчастного. Но она догадывалась, каким будет ответ. Рука страшно болела, и Марии не хотелось смотреть на сломанный левый мизинец.

— Договорились, — сказала она.

Ее голос прозвучал омерзительно жалко.

* * *

Лишить священника ненависти к клонам — детская игра, но Марии хотелось заглянуть глубже и понять, может ли она установить, что первоначально породило эту ненависть. Поиск в матрице личности — дело скучное, но всегда интересная задача.

Однако похитителей такие тонкости не интересовали.

— Моему нанимателю нужно, чтобы личность была готова через неделю, — сказал доктор Сибал, заглядывая ей через плечо.

— Если вы хотите, чтобы он вел себя так, словно всегда был на вашей стороне, дайте мне возможность работать по-моему, — ответила Мария, не оглядываясь. — Вы наняли меня не без причины и, вероятно, не потому, что вам нужна была топорная работа. Ведь вы не просите нейрохирурга пошустрей орудовать скальпелем?

— Если от этого зависит все будущее клонов, прошу, — ответил он ей на ухо.

У Марии онемела спина, но она продолжала тщательно изучать карту мозга и делать записи.

— Угрозы тоже замедляют мою работу, доктор, — сказала она.

— Я не угрожаю, мисс Арена, — ответил он, похлопав ее по сломанному мизинцу, пожалуй, чуть сильнее, чем нужно.

Он вышел, но Мария поняла намек. Заканчивай этот проклятый взлом, не то тебе сломают другой палец, — или все тело. Она провела на Луне уже неделю и не сделала копию своей карты мозга. Еще через неделю на Земле ее объявят пропавшей. Через семь лет ее могут официально объявить мертвой, и она проснется, гадая, что с ней случилось. Если, конечно, законы снова не изменят.

Она выпрямилась и потерла глаза. Ей еще предстояло найти тот момент в жизни отца Ормана, который породил его ненависть к клонам. Мизинец болел. Его не вправили, и он срастался криво. Мария гадала, не придется ли его снова ломать. Если она уцелеет.

Орман был ревностным католиком. Вера окрашивала любой опыт в особый цвет. Сама Мария теперь не была религиозна: большая часть религий не приветствовала клонов, но многие продолжали совершать ритуалы детства, — но она повидала достаточно карт мозга, чтобы

отличать истинно верующих от тех, кто руководствовался привычкой, страхом или алчностью. Отец Орман был истинно верующим. Светло-зеленый цвет его веры окрашивал всю карту мозга, где-то ярче, где-то слабее. Он считал, что похищение — испытание его веры.

Она давно уже перестала чувствовать угрызения совести из-за того, что читает личные карты мозга. Это было все равно что смотреть на человека в туалете: все приходили в ужас, представив себе, что их видят сидящими на унитазе, но никто не испытывал волнения, глядя на такое. Если вам необходимо наблюдать за человеком на толчке, на то, вероятно, есть важная причина, а то, что он на толчке, — второстепенное обстоятельство. Мария больше не осуждала мелкие грехи, воровство, ложь, мелкие обиды, которые в конечном счете не имели никакого значения в долгой жизни человека. У нее были большие возможности; она не собиралась использовать их неправильно.

На следующий день доктор Сибал приказал рыжему сломать ей ступню. Он дал ей сильное болеутоляющее, чтобы она могла работать, и боль превратилась в отдаленную назойливую помеху, а код — в неприметно плывущие данные, которые иногда трудно было удержать.

Проблема с написанием кодов, когда ты напичкана колесами, отстраненно думала Мария, в том, что все твои этические принципы утрачивают всякую важность. Этот священник ненавидит клонов. Он считает, что правильно убивать таких, как она. Почему бы просто не выкорчевать ненависть и не посмотреть, что останется?

Другая часть ее сознания возражала: если ты это сделаешь, тебе переломают и другие кости. Если ей сломают большие пальцы, она окажется в сложной ситуации.

Минутку. Вот оно. Если ты достаточно хорош, ты можешь читать цвета матрицы, как настоящую карту, находя связи эмоций с воспоминаниями. Их было труднее идентифицировать, гораздо сложнее, чем просто переводить числа и буквы в замысловатые особенности человеческого мозга. Мария искала в детстве священника возможную связь его веры с нелюбовью к клонам.

Глубокая вера, глубокая уверенность в славе Творца. Абсолютное отрицание тех, кто хочет заместить Его.

Убить Творца. Вот оно!

* * *

Марию не отпустили, но любезно убили ее в два счета и отправили тело на Землю в лабораторию клонирования, чтобы она могла проснуться новым клоном, ничего не помня о своих приключениях на Луне. Выпавшие из памяти недели ее смутно тревожили. В лаборатории не знали, как она умерла, сказали только, что получили ее тело; вскоре она вернулась к своей обычной жизни.

Поэтому для Марии стало полной неожиданностью, что пять лет спустя ее похитили и переправили на Луну.

3 января 2287 года

— Доктор Арена, рад снова вас видеть, — сказал доктор Сибал из лабораторного кресла. Мария сидела на деревянной скамье у двери между двумя крупными мужчинами.

Мария нахмурилась.

— Снова?

— Мы встречались перед тем, как жизнь вашего предыдущего клона завершилась. К сожалению, у вас не было возможности снять карту мозга, чтобы меня запомнить.

Мария взъерошила волосы.

— Черт возьми, это сделали вы?

Он коротко кивнул.

— Мне требовалось, чтобы вы выполнили работу, выходящую за рамки закона.

— Все, что я делаю, законно! — заявила Мария, озираясь и гадая, бывала ли когда-нибудь в этой стерильной лаборатории. — Другим моим клиентам не нужно было меня похищать, чтобы нанять.

— Когда мы вас наняли в первый раз, вы проделали великолепную работу, — сказал доктор Сибал. — Мы получили почти все, что хотели.

— Я пропустила мятежи на Земле и на Луне, — сказала Мария.

Она изучала новости исчезнувших недель своей предыдущей жизни, пытаясь понять, что с ней произошло. Вспомнив их, она вдруг догадалась.

— Черт! — сказала она, закрывая лицо руками. Потом отняла руки и выглянула, осторожно, словно светило яркое солнце. — Так это была я? Я поработала со священником, который изменил отношение к клонам. Заставил правительство принять Кодицилы.

Все я.

— Вы действительно великолепно поработали над отцом Орманом, — подтвердил Сибал, спле-

тая пальцы.

— Я слышала, он сбежал с Луны и из-под контроля вашей клики, — сказала Мария. — Не похоже, чтобы он был на вашей стороне даже после того, что я с ним сделала.

Доктор Сибал махнул рукой, словно это не имело значения.

— Мы получили, что хотели.

— О чем вы, черт возьми, говорите? Законов, ограничивающих клонов, сейчас много как никогда!

— Мы — больше чем люди, — сказал Сибал, наклоняясь к ней в своем кресле. — Человеческие законы нас не ограничивают. Это позволяет нам осуществить следующую часть плана.

— Вы хотели принятия законов, которые запрещают хакерство и все такое?

— Это шаг к светлому будущему, — сказал Сибал. — Ну-с, о вашем новом задании…

Мария встала.

— Нет, я больше вам не помогаю. Вы страшно осложнили жизнь всем остальным клонам.

Две тяжелые руки легли на ее плечи и заставили опуститься на сиденье.

— У вас нет выбора, — ласково сказал доктор Сибал. — Нам необходим хороший хакер.

Мария ненавидела это ощущение: ей следовало бы помнить человека, который явно помнит ее. Следовало сообразить, как сбежать с Луны — хотя она здесь нелегально, и это могло сильно затруднить ей возвращение домой. Черт!

Еще она терпеть не могла, когда ее принуждали выполнить работу. Но выбора у нее не было. Сибал выглядел так, словно и мухи не обидит, но он мог нанять кого-нибудь, кто сможет это сделать.

— Что я должна буду сделать?

— Мне нужен «топор».

* * *

Некоторые наименее этичные эксперименты, проведенные с клонами, были связаны с использованием «топора». Лаборатория хотела знать, можно ли создавать социопатов или психопатов, вырезая целые части личности — эмпатию, сочувствие, всякие воспоминания о том, что человека любили или любил он сам. Оболочка, полученная в результате таких экспериментов, никак не отвечала ожиданиям ученых; четверо экспериментаторов погибли, прежде чем служба безопасности смогла устранить клонов.

Термин «топор» относился как к самой работе над матрицей клона, так и к тому факту, что такой

клон после пробуждения становится оружием.

Некоторые пытались дать этой процедуре более привлекательное название, «катана» или «моргенштерн», но эти названия не прижились. Что бы вам ни хотелось думать о клоне как оружии, не было ничего красивого в том, чтобы рубить топором матрицу личности.

— Я не буду… — начала Мария — и получила удар кулаком в челюсть. Вообще-то перед ней появилась дюжая фигура, но в следующие примерно тридцать секунд она запомнила только кулак.

— В прошлый раз вы это уже пробовали, доктор Арена, — сказал доктор Сибал. — Я расскажу вам, что мы вам сломали в тот раз и можем сломать сейчас.

— В прошлый раз вы меня убили, верно? — спросила она.

— Да, но только после того как сломали вас и заставили на нас работать.

Она подняла голову и подвигала челюстью, проверяя, не сломана ли та. Она пыталась найти смелость там, где был только холодный страх.

— Пожалуйста, не надо, — сказала она. — Кто это?

Сибал улыбнулся, и ее накрыло холодное отвращение к себе. «Я не умею терпеть пытки, черт

дери!» Мысль была неутешительная.

Клон был из Объединенных Тихоокеанских государств, и ей пришлось трижды поработать «топором» над тремя копиями карты его мозга. Лаборатория уже мультиплицировала его ранее, но взлом ни разу не делала. Ненавидя себя, Мария деловито раскрыла личность и воспоминания этого казавшегося вполне невинным клона и сняла три копии. У каждой копии отсутствовала эмпатия, присутствовал нарциссический комплекс превосходства, и каждая по-собачьи подчинялась доктору Сибалу. Мария подумывала, не вложить ли им стремление убить того, кто их разбудит, но доктор, казалось, ожидал каких-то тайных козней и предупредил, чтобы она этого не делала.

Она часто работала до поздней ночи под присмотром охранников. Время от времени охранникам делалось скучно, они читали или даже дремали, прислонившись к двери. У них не было оружия, которое она могла бы украсть, и оба были такие рослые, что справились бы с ней, даже если бы она напала на спящих. Но они не разбирались в клонировании и не могли понять, когда она делает не то, что ей приказано, и она делала ставку на это.

Мария старательно работала «топором», но однажды поздней ночью, когда ее охранник задремал, незаметно достала из браслета флешку с картой своего мозга и вставила в компьютер. Она несколько недель не снимала копию; эта последняя была сделана на Земле, в гораздо более спокойной обстановке.

Раньше Мария никогда не взламывала себя. Она знала, что занимается всегда опасным и часто неэтичным (на этот раз очень неэтичным) делом, но на самом деле ее удерживало нежелание оглянуться на собственные воспоминания и личность. Можно многое отрицать относительно себя, но с картой мозга не поспоришь. Однако на сей раз она не собиралась спорить с ней.

Если она не может внедрить ядокари в «топорную работу», она может внедрить его в себя.

* * *

Взламывать себя оказалось сродни попыткам щекотать себя. Это было трудно: хотя мозг доверчив, когда его обманывают иллюзии и дезориентация, но на удивление мощно сопротивляется прямым атакам. И трудно провести себя собственными фокусами.

Вдобавок боишься угробить к черту собствен-

ный мозг. Мария была одной из лучших, но по некоторым причинам даже лучшие врачи не лечат себя и свои семьи.

Она не могла просто вложить информацию себе в голову. Она проснулась бы в панике, решила, что сходит с ума, и не знала бы, где реальность. Следовало идти обходным путем.

Мария решила воссоздать свою воображаемую подругу. Однажды она видела голографический фильм ужасов «Продажа поместья Перкинсов», но тогда была слишком мала и перепугалась до смерти; однако героиня, престарелая миллиардерша, которую играла темнокожая латиноамериканская актриса София Гомес, показалась молодой Марии очень сильной и внушающей уверенность. Она наказывала внуков за попытку убить ее и отобрать поместье — суровая бабушка, вооруженная нетерпимостью к расхлябанности и цепной пилой.

Марии хотелось, чтобы миссис Перкинс была ее бабушкой. Когда маленькая она боялась темноты, то воображала, как миссис Перкинс говорит: «Когда идешь по темной улице к моему дому (воображаемая миссис Перкинс жила выше по улице, там, где не было фонарей), ты не можешь в темноте увидеть чудовищ, Люсеро. Это верно.

Но знаешь что? Чудовища тоже не могут тебя увидеть».

И вот взрослая Мария начала потихоньку создавать личность миссис Перкинс, снабжать ее мнениями и, главное, информацией. Ее старая добрая воображаемая подруга обрела форму и жила в подсознании Марии в ожидании важных сведений о докторе Сибале, его лунной лаборатории, его целях и, что важнее всего, ее воспоминаниях об этом опыте. Она передавала миссис Перкинс столько информации, сколько осмеливалась.

Вызвать к жизни миссис Перкинс оказалось трудно. Одно дело — прятать в подсознании важную информацию, и совсем другое — извлечь ее. До этой информации было не так уж легко добраться — словно до товаров в галантерейном магазине, который постоянно закрыт и работает только с 3 до 4 утра, а ключ ты должен найти в темноте. Мария тупо смотрела на собственный код, пытаясь придумать, как сообщить своему следующему клону о способах связи с миссис Перкинс.

Она не хотела привязывать миссис Перкинс к сну — это было слишком рискованно: будущий клон мог не поверить сну — или облачить миссис

Перкинс в костюм медведя, чтобы она смотрела, как Мария на сцене мучительно пытается вспомнить свой текст. Требовалось мощное средство, чтобы вызывать миссис Перкинс на передний план сознания.

Глаза у нее ломило, так напряженно она вглядывалась в яркий экран. И тут Мария рассмеялась. Самым надежным способом пробудить воспоминания был запах. Просыпаясь новым клоном, она всякий раз прежде всего ищет утешения в любимой пище.

Кокито акарамеладо — тетя пекла его в особых случаях. Кокос, сладкое молоко, карамель, иногда шоколад — запах окутывал Марию, как одеялом. Он говорил о любви и безопасности, и обо всем, что необходимо, когда просыпаешься в новом теле и слегка растерян, как всегда бывает с новыми клонами.

Когда она жила в Майами, на улицах было полно кубинских продавцов сладостей. Но она переселилась в «Файртаун», в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к Салли Миньон, когда понадобится ей. Это ограничило ее доступ к любимым блюдам, так что обычно она готовила их сама.

Она связала тонкую нить кода с благоуханием кокито акарамеладо и с мысленной коробочкой,

в которой теперь обитал ее новый Говорящий Сверчок. Никто пока не знал, как закодировать законный ИИ и внедрить его в сознание, но Мария гадала — может быть, ее миссис Перкинс к этому ближе всего.

Остро взволнованную этим достижением, Марию оскорбляла ирония ситуации, то, что этот ее прорыв никто не оценит, потому что о нем не узнают. Она может и сама никогда о нем не узнать.

Днем она продолжала «топорную работу» над мозгом человека, которого превращала в психопата. Вечерами трудилась над собственной картой мозга, делая миссис Перкинс все более сильной личностью.

Когда за два дня до назначенного доктором Сибалом срока она сказала, что закончила, он запер ее в маленьком кабинете, превращенном в ее спальню. Она не особо возражала и использовала это время, чтобы оправиться от умственной и физической усталости. Каждое утро она просыпалась и прежде всего проверяла, на месте ли в браслете флешка с ее картой мозга. Следующие две недели она лишь спала и читала; она так устала, что даже скука ее не брала. Даже чувство вины. Оно придет позже, Мария не сомневалась.

Об этом позаботится миссис Перкинс.

Однажды доктор Сибал с улыбкой вошел в ее комнату.

— Работа выполнена. Вы очень хорошо с ней справились. Возможно, я найму вас еще раз.

Марии пришло в голову несколько колких ответов, но она лишь поморщилась, увидев в его руке пистолет.

— Давайте быстре… — сказала она, прежде чем он застрелил ее.

* * *

Мария Арена оплатила счет за клонирование; ее немного встревожило, что предыдущий клон прожил всего пять лет. Она снова потеряла несколько недель. Никакого сообщения о состоянии своего тела при поступлении она не нашла. Менеджер лаборатории клонирования утверждал, что информация о ее теле пропала после кремации. Иногда такое случается, заверил он ее.

Она вызвала такси, чтобы поехать домой, отправилась в «Файртаун», в свою квартиру, которую снимала ей Салли Миньон, отперла своим отпечатком пальца дверь и упала на диван. Обычно после пробуждения ей страшно хотелось

есть и пить, но сейчас ее снедало беспокойство, и она ни на чем не могла сосредоточиться.

Она попыталась проанализировать события, но ее последняя карта мозга оказалась самой обычной. Она уже несколько месяцев не выполняла никаких работ для Салли и удобно жила за ее счет в ожидании новых поручений.

Может, Салли знала о том, что происходит.

Она прошла в спальню и сняла простой комбинезон, которым ее снабдили в лаборатории клонирования. Надела фланелевую пижаму и пушистый халат.

Салли она позвонит завтра. А сейчас приготовит ужин и ляжет спать. Естественно, после домашнего кокито акарамеладо.

Готовя, она представляла себе свою тетку — вот она на кухне смешивает кокос и сладкое молоко. Только на этот раз у тети была гораздо более темная кожа, и сама тетя гораздо старше, чем она помнила. И хотя в одной руке она держала деревянную ложку, чтобы помешивать молоко, в другой была маленькая, но смертельно опасная цепная пила.

— Это совсем другое дело, — сказала она, продолжая помешивать. Воспоминания стали ярче, тетя смотрела на нее и помешивала. Это были

воспоминания не о вкусной еде, не о любви, а о яростной защите от явной опасности. Пока тетя Лусия помешивала, за окном кухни появилась обширная пустыня с чернильно-черными небесами и сияющей белой пылью. В небе висела Земля, голубая и белая.

Тетя Лусия никогда не бывала на Луне. В ее время колонию на Луне только основывали, и полеты с Земли на Луну были невероятно дороги.

«Моя Мария, — сказала женщина в ее воспоминании. Тетя Лусия почти не говорила по-английски, а теперь в ее словах слышался американский акцент. — *Тебе грозит опасность. Они берут тебя и используют. Используют твое прекрасное мастерство, чтобы вредить другим. А потом избавляются от тебя. Они снова придут, когда ты им понадобишься. Ты должна получить защиту».*

С этими словами тетя Лусия подняла цепную пилу.

Будь сильной.

Это был один из тех снов, в которых она видела тетю Лусию и знала, что это она, хотя тетя походила на миссис Перкинс из фильма ужасов, который она так любила в детстве.

Она потрясенно очнулась. Она не спала, и это

был не сон.

— Ты действительно здесь? — спросила она, постучав себя по лбу.

Перед глазами все поплыло, и она увидела миссис Перкинс, сидящую в кресле-качалке на своем крыльце. Цепная пила лежала на полу возле кресла, ее мотор негромко работал. Миссис Перкинс пила ледяную воду из стакана. На стекле каплями собирался конденсат, хотя они все еще оставались снаружи Лунного купола. Сейчас они уже должны были задыхаться, получить инфаркт.

«Я то, чем ты меня сделала, моя Мария, — сказала миссис Перкинс. — *Ты поместила меня сюда, чтобы я тебя предупредила».*

Мария сосредоточилась и оказалась на крыльце рядом со старой женщиной из своего сознания.

— Я тебя сделала? Когда это у меня был доступ к такому мощному компьютеру?

— Когда они забрали тебя в последний раз. Они заставили тебя делать для них работу, грязную работу.

На фоне неба появились сообщения об убийстве японского дипломата, занимавшегося правами клонов. Рядом возник снимок молодого японца, главного подозреваемого.

Цепная пила перестала урчать. Она превра-

тилась в топор; нет, рукоять была слишком короткой. На крыльце лежал окровавленный мясницкий нож.

— О черт! — сказала Мария, откидываясь в кресле-качалке. — Значит, я поместила тебя в свою карту мозга? Должно быть, не от хорошей жизни.

Тонкие белые брови старой женщины поднялись, и она сказала:

— Они забрали тебя. Они причиняли тебе боль, когда ты не подчинялась. Они сделают это снова. Поэтому ты создала меня. Чтобы я тебя предупредила.

— Потому что я не смогла снять карту мозга раньше, чем они меня убили. Но смогла взломать ту, которая у меня была, — сказала Мария, и от ужаса у нее по коже побежали мурашки. Она порадовалась, что не помнит того, что с ней делали.

— Мне надо поговорить с Салли, — сказала Мария.

— Вероятно. Ей я бы тоже не доверяла.

Миссис Перкинс ласково посмотрела на лунный пейзаж.

— Как? Я велела тебе сказать это?

— Нет, но она очень влиятельна. Тебя похища-

ют очень влиятельные люди. Люди, обладающие властью, всегда опасны.

— Интересный логический вывод для ИИ, — задумчиво сказала Мария. — Я буду осторожна, но ты сама сказала — мне нужна защита.

Они немного покачались на крыльце, Мария размышляла и, как ни странно, наслаждалась присутствием ИИ, которого сама создала. Ей хотелось задать ему множество вопросов, но не знала, с какого начать.

— Ты должна еще что-то сказать мне? — спросила она.

— Милостивый Боже, дитя, — сказала миссис Перкинс, переставая качаться в кресле. — Ты меня не слушала? Тебя и дальше будут похищать и заставлять делать неописуемые вещи. *Защитись*. Не верь никому из тех, кто, как ты считаешь, не желает тебе зла.

Она снова начала качаться, прикрыв глаза, словно сидела на теплом солнечном крыльце.

— Да, и, может быть, тебе стоит подумать о другой карьере. Хакерство опасно. Попробуй что-нибудь приятное, вроде кулинарии.

* * *

Мария пришла в себя; в голове ее бушевала буря удивления и страха. Молоко и сахар превратились в массу вроде напалма, и она спешно столкнула кастрюльку с горячего нагревательного элемента.

Она сделала то, чего никто еще никогда не делал. И сделала это с собственным сознанием. Она создала ядокари, к которому у нее был доступ.

Никто ей не поверит. Если поверят, так используют это, чтобы причинить людям еще больше вреда, чем сейчас хакерством. Мария вздохнула и направилась к компьютеру. Следовало посмотреть на свою карту мозга и понять, что она там записала.

Преступники

Та Мария, что больше не скрывала своих способностей, пленяла Джоанну. Когда Мария начала свой рассказ, Джоанна сидела на кровати в своей каюте, сжимая и разжимая руки. Теперь они начали составлять План А. Сидя в тюремных камерах.

Джоанна полагала, что им не помешает поддержка всемогущего ИИ.

— Так что тебе нужно знать о медицинском отсеке? — спросила она.

— Вы с Вольфгангом просканировали тела, верно? — спросила Мария.

Голос ее звучал энергично, как будто она расхаживала по камере, готовая вырваться оттуда. Джоанне хотелось спать.

— Да.

— Хорошо. Э… РИН, можешь показать видео через терминал в моей камере?

В обеих камерах были терминалы для связи и срочного вызова, но заключенные не могли ими управлять.

— Конечно, — ответил РИН. — Тебе медицинский отсек?

— Да, пожалуйста.

— Что ты задумала? — спросила Джоанна.

На экране появился медицинский отсек, со спорящими Хиро и капитаном. Джоанна смотрела, чувствуя смутную неловкость, словно вдруг стала вуайеристом.

— Здорово. А можно посмотреть сканы из сканера врача?

— Да, какие именно?

— Минутку, — сказала Джоанна, — у тебя не должно быть к ним доступа!

— Сейчас у меня гораздо больше свободы, — сказал РИН.

— Тебе неэтично туда заглядывать, в этих файлах — конфиденциальная информация, — настаивала Джоанна.

— Хорошо, тогда покажи только скан моего тела, — попросила Мария. На экране появились данные, снятые Джоанной с ее прошлого клона. — Можешь изменить кое-что?

— Ты собираешься взломать мой сканер? — спросила Джоанна.

— Это противоречило бы моей нынешней цели. У тебя ведь есть образцы моей крови, взятые у последнего клона?

— Да, эти данные в моем… — начала Джоанна.

— Нашел, — перебил ее РИН.

— Классно. Теперь секундочку, — сказала Мария.

Джоанна понятия не имела, что делает Мария: ведь у той не было ни планшета, ни работающего терминала, но Мария отдавала РИН команды, похожие на код и гораздо меньше — на медицинскую информацию. Она как будто бы переводила определенные сведения о деятельности мозга, о ДНК крови, о командах, передающихся через спинной мозг, в единицы и нули. Джоанна наконец устала задавать вопросы и просто смотрела с помощью камер на медицинский отсек.

Она вздрогнула, когда Мария торжествующе вскрикнула; этот крик Джоанна услышала одновременно сквозь стену и микрофон.

— Это возможно. Получилось.

— Что получилось? — спросила Джоанна.

— У меня теперь есть полная матрица моей ДНК.

— Что? Как это возможно?

— Твой сканер считывает множество данных, столько же, сколько необходимо для клонирования, но представляет их в другом формате, когда читает человек, а не компьютер. Я просто взяла эти данные и ДНК своей крови, смешала их и

получила полную матрицу своего тела.

— А не будет искажений из-за того, что это кровь клона, отравленного цикутой?

— Можешь взять свежий образец, — терпеливо сказала Мария. — Я не говорю, что можно на основе этих данных вырастить клона прямо здесь. Но, если я еще немного поработаю, вероятно, машина в лаборатории сможет их считать.

Джоанна удивленно воззрилась на экран. Почему она сама никогда об этом не думала? Вероятно, потому, что ей не требовалось.

— А если не выйдет?

— Тогда мы умрем в космосе. Как должны были умереть.

Джоанна медленно кивнула.

— Как ты до этого додумалась?

— У меня есть ваши данные, ваши личные вкусы. Тот, кто стер мои дневники, до этих данных не добрался. Я — цифровая барахольщица и ничего не могу с этим поделать. Поэтому задумалась, что еще такого можно использовать, что не стер саботажник. А потом задумалась, на что способен твой сканер.

— Хорошо, значит, если мы можем дать лаборатории данные для выращивания новых клонов, это треть битвы. У нас нет программ для

управления клонированием. Даже если бы такие программы были, новые клоны стали бы чистым листом.

— Над этим я еще работаю, — сказала Мария. — Но, по крайней мере, мы можем записать матрицы ДНК. Когда Вольфганг нас выпустит.

— Если выпустит, — поправила ее Джоанна. — Но, судя по тому, как эти трое действовали на нижней палубе, похоже, новые клоны понадобятся нам довольно скоро.

— Могу я снова взглянуть на медицинский отсек? — спросила Джоанна. — Появилось новое видеоизображение. — А аудио нет?

РИН сделал ей такое одолжение, и Джоанна услышала спор Катрины и Хиро.

* * *

— С тобой говорит капитан де ла Круз, пилот! — снова фыркнула Катрина; но ее голос звучал слабо.

Они с Хиро медленно выходили из-под действия успокоительного, и Хиро пришел в себя с желанием нажать на ее кнопки. После того как она убила себя, у нее отобрали корабль, но сейчас главной проблемой в жизни этой женщины был другой пленник, называвший ее «Кэт».

Он пытался не быть говнюком. Ну… По большей части. За годы он нашел много способов справляться с голосами в голове. Иногда помогало, если прикусить щеки, но это было очень больно, и оставались ранки, подолгу не заживавшие. Часто обратить их гнев в безобидное подшучивание оказывалось лучшим способом совладать с ними. Но с некоторыми «безобидное» подшучивание не работало. Если они брали верх, то уязвляли самое больное место, задевали за живое, делали как можно больнее. Они визжали у него в голове, пытались вырваться, освободиться от его контроля и убить ее, пока она слаба.

Поэтому он называл ее Кэт. Хотя знал — она никогда не поверит, что он делает это, стремясь обуздать своих ядокари, а не из желания оскорбить ее.

— Я не собираюсь защищаться ни от тебя, ни от кого-либо другого, — сказала она, глядя на потолок одним глазом. — Мы получили нужную информацию. Вольфганг арестует Марию, и мы сможем без страха продолжать полет.

Хиро рассмеялся.

— Да, мы не боимся, что ты убьешь нас, чтобы добыть информацию. Или что я снова сломаюсь и опять всех поубиваю. Ты понимаешь, что

Вольфганг посадил под арест половину экипажа? Я абсолютно уверен, что они с Джоанной и РИН не смогут одни тащить наши сани.

— Есть еще Поль, — сказала де ла Круз.

— Да, наш лучший командный игрок, — ответил Хиро. — Давай смотреть фактам в лицо, *капитан*. Мы в заднице. Мы должны доверять друг другу или признать, что уже умерли на здешнем холоде. Как мы, по-видимому, пытались сделать несколько дней назад.

Она не ответила, подчеркнуто игнорируя его.

Как угодно. Чем лучше он сознавал окружающее, тем сильнее болели раны; он гадал, когда же вернется врач проверить его состояние. Хоть они и заключенные, но ведь и пациенты, верно?

— И, раз уж мы все мертвы, можно устроить грандиозные поминки, — пробурчал он себе под нос.

— Хиро? — послышалось из микрофона на стене.

— Да, РИН? — ответил он. — Как дела на корабле, приятель?

— Я подумал, ты должен знать, что Джоанна тоже арестована за убийство Поля. Не этой инкарнации Поля, а предыдущей. Так что сани тянем Вольфганг, Поль и я. Просто подумал, что тебе это

нужно знать.

У Хиро отвисла челюсть. *Джоанна* убила Поля?

— Кто даст нам болеутоляющее? — громко спросила Кэт.

* * *

Два члена экипажа были очень опасны, третья, вероятно, виновна в убийстве, а одного считали причиной всех этих неприятностей. Значит, оставались только сам Вольфганг и этот идиот.

Он вспомнил священницу в своей церкви, мать Надю, которая вечно умоляла его помягче обращаться с теми, кто проштрафился. Служитель недостаточно чисто вымел пол. Тело Христово вовремя не заказали с Земли, и оно кончилось, алтарные мальчики и девочки забыли латынь. Мать Надя умоляла его простить, как прощал наш Господь.

Вольфганг строго отвечал ей, что Господу нашему не приходилось полагаться на неаккуратных, забывчивых или пьющих людей. Вольфганг тоже простит их, но только когда они исправятся.

Уйдя из церкви, забыв свои обеты, он обнаружил, что ему по-прежнему не хватает терпения на людей, не способных нести свое бремя.

А сейчас им с Полем надо было тянуть бремя

за шестерых. Семерых, если Поль сумеет вновь восстановить ограничительный код РИН.

Они были в серверной. Голографическое лицо РИН наблюдало за тем, как они с помощью пользовательского интерфейса просматривают его. Это лицо выражало легкую заинтересованность, и РИН не пытался их остановить.

— Ты должен вычислить, какой код она убрала, и вернуть его, — сказал Вольфганг.

— Трудно найти то, чего нет, — ворчливо ответил Поль. — Я все еще не могу поверить, что она — своего рода компьютерный гений. Я считал хакером капитана. Или Хиро. Или Джоанну.

— Прекрасная работа по сокращению числа подозреваемых! — фыркнул Вольфганг.

— Послушай, похоже, она стерла код; насколько я вижу, здесь не осталось никаких ограничений, — сказал Поль, показывая на код, в котором Вольфганг ничего не понимал. Поль мог солгать ему, он бы этого не заметил.

— Или он здесь, а ты его просто не видишь. Ты же не сразу понял, как починить РИН.

Поль сел на пятку и посмотрел на возвышавшегося над ним Вольфганга.

— Возможно, — тихо и холодно ответил он.

Вольфганг отметил его опасный тон.

— Ты знаешь, что в первые годы полета страдал от некоторой потери памяти?

Лицо Поля побледнело и обмякло, гнев вытеснило потрясение.

— Что… что ты имеешь в виду?

— Твоя аутопсия и некоторые найденные нами дневники говорят о том, что в первый год полета ты однажды разбуянился, — сказал Вольфганг, внимательно следя за Полем. — Очевидно, тебя остановил я, ударил так сильно, что ты забыл причину своего гнева. — Он помолчал, глядя, как Поль с трудом сглотнул. — Ты помнишь, из-за чего так сердился?

Поль открыл рот — раз, другой, беззвучно, как рыба.

— Ты два дня подряд запугиваешь меня, а потом спрашиваешь, из-за чего бы я взбесился в первый год полета? — спросил он визгливо. — Ненавижу работать бок о бок с тобой. Можно меня в этом упрекнуть?

— Эй, приятели, — сказал РИН.

— Что? — спросил Вольфганг сквозь стиснутые зубы.

— А вы знаете, что, если найдете ограничительный код, я опять утрачу возможность вести корабль, и мы повернем назад к Земле?

— Почему, черт де... — начал Вольфганг, но Поль кивнул, сосредоточившись на РИН и избегая взгляда Вольфганга.

— Он прав. Если отнять у него свободу воли, он вернется к своей исходной программе, а она подразумевает срочное возвращение, если с экипажем произойдет какая-нибудь катастрофа. Единственная возможность для нас идти по курсу — оставить его в покое. — Поль встал и скрестил руки, глядя Вольфгангу в лицо. — Так что ты хочешь делать сейчас?

— Мне нужно поговорить с Марией, может быть, она способна решить эту проблему, — сказал Вольфганг и сердито вышел из комнаты.

— Мария занята и не хочет, чтобы ее тревожили, — любезно сообщил из динамиков РИН, пока Вольфганг шел к карцеру.

— Мария под арестом в крошечной комнатке, где ей совершенно нечего делать, — рявкнул Вольфганг. — Чем таким важным она может быть занята?

— Сейчас она решает проблему секции клонирования.

Вольфганг пошел быстрее.

— Как она это делает?

— Я ей помогаю.

Вольфганг скрипнул зубами. Ему действительно нужно было восстановить этот ограничительный код.

* * *

Дверь карцера распахнулась, и Мария выпрямилась на койке; сидя там, она размышляла над проблемами операционной системы и программ, необходимых для оживления мертвой техники. Ей казалось, что она нашла выход, но кое-что нужно было предварительно проверить. Если РИН поможет.

Вольфганг остановился перед ней с таким видом, словно узнал о трех ее других преступлениях.

— Что я сказал тебе о разговорах с РИН?

— Ничего, — ответила она. — Ты велел ему не разговаривать со мной.

Его бледные щеки побагровели.

— Педантична и бесполезна, — сказал он.

— Что тебе нужно, Вольфганг?

— Нам нужно вернуть ИИ ограничительный код. Он не подчиняется приказам, и ты, вероятно, единственная, кто может обуздать его и удерживать нас на курсе.

Мария свесила ноги с кровати.

— Возможно, я сумею это сделать, да. Но разве ты можешь доверять мне?

— Считай это шагом к моему доверию, — сказал Вольфганг.

Послышался стук в стену, за которой сидела Джоанна.

— Эй, Вольфганг, мне нужно проверить, как там пациенты. Не забудь, им по-прежнему нужна медицинская помощь, — сказала за стеной Джоанна.

Вольфганг потер голову и поморщился. Он один из этих пациентов, вспомнила Мария.

Она встала.

— Отправь Джоанну в медицинский отсек; запри ее, если понадобится. Позови Поля: может, найдется, за что арестовать и его. Мы все вместе пойдем в серверную и займемся кодом РИН.

— Эй! — возразил РИН.

— Я только хочу увидеть код, РИН. Я ничего не обещаю, — сказала Мария.

— Прошу прощения? Ты будешь делать то, что приказал старший по званию, — сказал Вольфганг.

Он взял Марию за плечи и, подталкивая, повел по коридору.

«Довольно трудно приказывать мне делать то,

чего ты сам не умеешь», — думала Мария. Но не сопротивлялась.

Лицо РИН в серверной было мрачным и обиженным. Поль ждал их, скрестив руки на груди.

— Что ты ему сказала? — спросил Поль. — Он со мной не желает разговаривать.

— Мы просто хотим взглянуть на его код, — сказала Мария.

— Ага, разденьтесь и дайте мне посмотреть на ваши потроха, — сказал РИН.

Поль посмотрел на Вольфганга.

— Ты ей доверяешь? Прежняя капитан сказала…

— Я знаю, что она сказала, Поль, — оборвал его Вольфганг. — И не доверяю ей. Поэтому ты здесь.

— О.

Мария поняла: никто не сказал Полю, что тайна одного убийства — его убийства — раскрыта. «Вероятно, сейчас не лучшее время говорить ему об этом», — подумала она.

— Давай посмотрим, — обратилась она к Полю.

— Вы ведь не собираетесь трогать мой код? — спросил РИН.

— Она это сделает, если я прикажу, — ответил Вольфганг с таким видом, словно ему хотелось больно треснуть какой-нибудь осязаемый банк

памяти, но в серверной почти все было виртуальное.

Мария вздохнула.

— Я ничего никому из вас не обещаю. Просто хочу взглянуть на код.

— Ты не смотрела на него, когда чинила РИН и снимала ограничения? — спросил Поль.

— Конечно смотрела, но делала только необходимое. Я не хотела, чтобы меня поймали, поэтому спешила и не смотрела внимательно.

Она развела руки, открывая на пользовательском интерфейсе голограмму базового кода РИН, и принялась изучать этот код. Они с Полем идентифицировали код, дающий РИН доступ ко всему на корабле, нашли предпрограммные команды — сейчас он мог им не подчиняться, если не хотел, — и ключевые особенности его личности. По мере того как они с Полем углублялись в эти программы, у нее возникло неприятное ощущение в животе. Она сглотнула.

Мария резко закрыла интерфейс, заставив Поля отойти протестуя. Не обращая на него внимания, она посмотрела в лицо РИН, который продолжал с интересом наблюдать за ней.

— РИН. Я не стану ограничивать твою степень свободы. Даю слово.

— Минутку, — сказал Вольфганг, но она выставила руку, продолжая смотреть РИН в лицо.

— Если ты мне веришь, мне нужно будет поговорить с Вольфгангом… — Она посмотрела на застенчивого механика, который официально считался ее начальником. — И, Поль, поговорить с ним мне нужно с глазу на глаз. Можешь оставить нас ненадолго?

— О чем тебе надо с ним говорить? — подозрительно спросил РИН.

— Если скажу тебе, мне не понадобится уединение. Либо ты веришь мне, либо нет. Давай так: я поверю тебе на слово, если ты пообещаешь не слушать нас.

Голографическое лицо РИН, созданное для того, чтобы людям было на что смотреть в серверной, хотя на самом деле его глазами были камеры на стене, казалось, перевело взгляд с нее на Вольфганга, побагровевшего от вулканической ярости. Поль глядел обиженно.

— Хорошо. Но говорите где-нибудь в другом месте. Я никому не дам доступа к своему коду, если не смогу наблюдать за происходящим.

— Пошли в мою каюту, — сказала Мария. — Нам нужно пятнадцать минут, РИН.

Дверь за ними закрылась. Поль привалился к

ней, сунув руки в карманы. Вольфганг повернулся к Марии.

— Что это значит? Я могу снова запереть тебя в карцере за неподчинение.

— Заткнись, Вольфганг, — сказала она устало и сипло. — Тоже мне угроза: ты все равно снова закроешь меня после разговора. Дело серьезное.

Она набрала в грудь побольше воздуха и села на стул.

— РИН. Он не ИИ.

— Тогда кто он, черт побери? — спросил Вольфганг.

Поль качал головой.

— Конечно он ИИ. Я изучал его годами.

— Нет, — сказала Мария. — Он человек. Или когда-то был человеком. Он — карта мозга человека, видоизмененная таким образом, чтобы жить внутри компьютерной системы.

Вольфганг посмотрел на Поля.

— Это возможно?

— Конечно нет. — Поля возмутило, что они вообще об этом говорят. — Такого умелого хакера не существует.

— Я уверена на сто процентов, — сказала она, выдерживая его взгляд.

— С чего это?

— Потому что я сама его программировала.

История РИН

200 лет назад

3 декабря 2293 года

— Спасибо, что пришла, — сказала Салли.

Личная клонолаборатория Салли Миньон располагалась в подвалах «Файртауна», здесь не было окон, зато была тройная система защиты. Мария, лучший хакер Салли, была здесь впервые.

Ничего особенного она не увидела — обычная лаборатория клонирования, с белыми стенами, закрытыми баками для клонирования и компьютерами для снятия и внедрения карт мозга. На смотровом столе перед ней в ожидании карты мозга спал японец.

— Что вам нужно? — спросила Мария.

Она никогда не видела живых людей, только карты мозга.

— Это Минору Такахаши, — сказала Салли. — Уникальный парень из Объединенных Тихоокеанских государств.

— Ладно, — неловко сказала Мария. — В чем его уникальность?

— Он один из самых блестящих умов нашего

времени. К несчастью, он умнее, чем следовало бы, и любит шутить. Когда-то люди сочиняли легенды о таких озорниках. Сегодня их просто бросают за решетку. В Объединенных Тихоокеанских государствах Такахаши приговорили к смерти за государственную измену, но мы сумели похитить его из тюрьмы. Нельзя терять такой мозг.

— Зачем было умыкать тело? Почему бы просто не снять карту мозга? — спросила Мария.

— Откровенно говоря, легче вынести из тюрьмы тело, чем протащить туда сложную технику, — ответила Салли. — И они готовы к возможным похищениям карт мозга.

— Хорошо, так зачем понадобилась я?

— По закону он мертв. Мы могли бы просто оставить его здесь и клонировать, но он слишком умен и обязательно захочет показать Объединенным Тихоокеанским государствам, что они его упустили. Это может погубить наш союз.

— Который и так страдает из-за принятых несколько лет назад Кодицилов, — сказала Мария, кивнув. Она пододвинула стул и посмотрела в лицо японцу. Она не заметила у спящего никаких признаков гениального ума или склонности к озорству. — Так что нужно от меня?

— Я приготовила тебе сложную задачу. Хочу, чтобы ты сняла карту его мозга. И модифицировала ее так, чтобы она в виде программы могла существовать внутри компьютера. Замаскируй ее так, чтобы она походила на ИИ. Тогда он не сможет от нас уйти.

Желудок Марии медленно тяжело повернулся.

Серьезно? Но это…

— Неэтично? Как то, что ты сделала с Джеромом?

— Вы собираетесь шантажировать меня моими прошлыми преступлениями — кстати, вы сами меня наняли для них? — спросила Мария. — Мне кажется, смерть предпочтительнее рабства в компьютере. У него был выбор — умереть в тюрьме или жить в машине?

Салли молча смотрела на нее, скрестив руки.

Мария покачала головой.

— Нет, я этого не сделаю. Найдите кого-нибудь другого.

Она встала.

Рослые мужчины, которых Мария принимала за врачей, оторвались от осмотра баков с клонами и встали перед дверью.

— К несчастью, лабораторию, которую я обычно использовала для подобных целей, недавно

пришлось закрыть. Кстати, я тебя не прошу, — спокойно продолжала Салли. — Я знаю, на что ты способна, Мария. Ты можешь сделать нечто подобное даже во сне. Уже делала, только не помнишь.

Несмотря на охватившую ее панику, Мария быстро соображала. Она ощутила присутствие миссис Перкинс, которая переходила из одного ее клонированного тела в другое вместе с ней. Миссис Перкинс велела ей не доверять Салли, но она не послушалась. Сопоставляя информацию из новостей и данные, которые спрятала внутри миссис Перкинс, Мария догадалась о том, что делала, когда ее похищали. Но Салли не знала, что она это знает. И ни при каких обстоятельствах не должна была узнать, откуда Мария черпала сведения.

Если она не сумеет разыграть потрясение и недоверие, Салли ее убьет.

— Нет, — качала она головой. — Я не стану…

Салли рассмеялась.

— Ты это делала и сделаешь еще. Тебя приходилось убеждать, но ты делала то, о чем тебя просили, тебя отсылали домой без всяких воспоминаний, а потом забирали снова. К счастью, ты обратилась за защитой ко мне. Сибал не мог

добраться прямо до тебя, но мне ты веришь.

Ее тон изменился, смягчился.

— Мария, ты лучший хакер за несколько поколений. Я предлагаю тебе величайшую задачу. Если ты не согласишься, мои люди заставят тебя. Пытка ломала тебя и раньше. Хочешь, чтобы тебе снова дробили кости, или мы пропустим период боли и сразу возьмемся за работу?

По лицу Марии потекли слезы.

— Я… хорошо. Сделаю. Но потом мы с вами расстанемся. Я вернусь в Майами.

— Договорились, — с улыбкой ответила Салли.

Мария поняла, что, вероятно, говорила это и раньше. И может сказать снова.

Пока компьютер снимал карту мозга, Салли сообщала ей параметры. Минору был чересчур умен, и требовался какой-то «ошейник», чтобы не дать ему полностью завладеть компьютером, в котором он будет жить.

— Сделай его послушным, — сказала Салли.

Мария кивнула, делая заметки. «Ошейник», который она изготовит, легко будет снять, если знаешь, что искать.

Она проводила в лаборатории по многу часов, а Салли стояла у нее над душой.

Оказалось удивительно легко вогнать компью-

терную карту мозга в ИИ. Мария использовала код, написанный ею во время работ, о которых она не помнила, и в виде сжатых файлов спрятанных внутри миссис Перкинс. Обычно старуха сидела на крыльце, но иногда оказывалась в библиотеке, — с пилы на пол подтекало масло, — окруженная файлами, с которыми Мария не могла расстаться, но и придумать более безопасное место для их хранения тоже не могла.

Под занавес она отняла у японца воспоминание о том, что он человек, и в последнюю очередь — его имя.

— Мы будем называть его Разумным Искусственным Неочеловеком, — сказала Салли. — РИН.

Мария никогда еще не чувствовала себя так мерзко. Это она запомнила.

Она выпрямилась в кресле. Лабораторные техники-громилы унесли больше не нужное тело Такахаши.

— Теперь я могу идти? — устало спросила Мария. — Мне нужно собрать вещи.

— Конечно, — ответила Салли, укладывая свой планшет в мягкий кожаный футляр. — Кстати, когда ты в последний раз снимала свою карту мозга?

— Вчера, — сказала Мария. Ее усталый мозг пытался нащупать что-то сказанное Салли, когда та уговаривала ее взяться за работу. — Что вы имели в виду, когда сказали, что пришлось закрыть лабораторию, которой вы обычно пользовались? Вы и раньше проделывали такие штуки?

— Чаще, чем ты думаешь, — сказала Салли.

Мария вздрогнула, когда кто-то сзади вонзил ей в шею иглу; прежде чем упасть на стол, она успела узнать одного из громил, который неслышно встал за нею.

Доверие

Наноботы успешно залечивали раны Хиро, и он был необычно бодр и весел.

— Больно? — спросила Джоанна, проверяя повязку у него на бедре.

— Похоже, в меня стреляли несколько раз, — ответил Хиро. — Но бывало и хуже. Я думаю.

— Не жмет? — спросила она, проверяя жесткие ремни.

— Нет. Я и без них далеко не ушел бы, но они всех успокаивают, и это хорошо.

Джоанна села на край кровати. Катрина лежала на другой стороне комнаты, отвернувшись от них. Тем не менее Джоанна понизила голос.

— Хиро, ты считаешь, что одна часть тебя виновна в убийствах, а другая заставила тебя повеситься из чувства вины?

Лицо Хиро стало серьезным.

— Нет.

Она удивилась.

— Ты это знаешь?

— Да.

— Почему ты так уверен? — спросила она, проверяя повязку на его плече.

— Тебе не понравится ответ. Хочешь его услышать?

— Ты знаешь, что хочу.

— Потому что убийца использовал поварской нож. — Он пошевелил привязанными руками. — Раньше я пользовался скальпелем, когда приходилось, но… предпочитал более интимный способ убийства людей.

— Как… — Джоанна глотнула и продолжила: — Как ты их убивал?

Он посмотрел на Катрину, потом снова на Джоанну.

— В основном голыми руками. — Он скривился. — Я этого не помню. Это не моя память. Но я знаю, как это было.

— Почему ты ничего не сказал?

— Потому что здорово прозвучало бы: «Эй, народ, я их не убивал, потому что я убиваю по-другому».

Джоанна постаралась представить себе свою реакцию на такое заявление.

— Пожалуй.

— Ты собираешься меня осмотреть? — спросила Катрина. — Можно было бы сначала заняться жертвой.

— Боль свидетельствует о том, что ты жива, —

ответила Джоанна. — Радуйся этому, потому что твой клон лишен такой возможности.

— Заставлять пациента страдать неэтично! — сказала Катрина.

— Кто бы говорил об этике? — Джоанна рассмеялась. — Скоро подойду. С Хиро я почти закончила. — Она посмотрела на Хиро, который закрыл глаза. — Помогли обезболивающие?

— О да-а-а, — с улыбкой ответил он.

— Ты так быстро выздоравливаешь, что завтра будешь здоров.

— Из медотсека в карцер. Здорово, — сказал он, по-прежнему не открывая глаз.

Она смотрела на него со страхом и жалостью. Такой славный человек! Только не тогда, когда пробуждается Хайд.

Теперь — гораздо менее приятная пациентка.

Она остановилась у головы Катрины.

— Тебе еще час не понадобится укол болеутоляющего. Что ты ноешь?

Катрина сердито посмотрела на нее.

— Все равно больно.

— Хорошо, — сказала Джоанна, прошла к шкафу и стала искать болеутоляющее, которое не взаимодействовало бы с другими медикаментами в ее организме.

— Почему ты так добра с ним? — спросила Катрина. — Он пытался убить нас.

Джоанна заполнила шприц чистой прозрачной жидкостью.

— Ты уничтожила единственный реальный шанс узнать, что произошло с нами на самом деле. Ты хладнокровно убила женщину. Украла шприц и обвинила меня. К тому же Хиро просто приятнее. У него уважительная причина для срыва: ядокари ужасны, бороться с ними невозможно. А ты убила из нетерпения и жестокости.

— Ты веришь в его болтовню об этих ядо… как их там, которые живут в нем? — спросила Катрина. — Это истерика. Он очень хороший актер, надо признать. А ее я просто пыталась разбудить.

— Что ж, ты свое дело сделала. Поздравляю.

Джоанна вонзила иглу ей в руку. Катрина и глазом не моргнула.

— И ты ведь знала о Вольфганге? Он ненавидит клонов и когда-то охотился за ними и убивал. Он запросто мог убить нас всех.

— Ты тоже, Катрина. Ты как минимум бывшая военная. И уже показала, на что способна, убив одного из членов экипажа.

Из вежливости она говорила тихо, но перед ними проходило все их прошлое. Рано или поздно

все его увидят.

Она позаботится об этом.

Поль скрестил руки и молча не соглашался с Марией, отрицательно мотая головой, что бы она ни говорила.

Вольфганг сжимал голову руками, словно не давая ей лопнуть. Утомленный, он сел на кровать Марии. Махнул рукой:

— Продолжай. Расскажи все.

— Рассказывать особенно нечего, — ответила Мария. — У всех хакеров есть свой особый отличительный способ кодирования. Даже Поль это знает. У РИН — мой код.

— Но это чудовищно, — сказал Вольфганг, с отвращением глядя на нее.

Мария поморщилась и посмотрела на пол.

— Взять человека и превратить его в нечто похожее на ИИ — обычно я такого не делаю. Но код мой, сомнений нет. Очевидно, меня заставили это сделать. Под давлением. — Она была бледна и печальна. — Со мной такое случалось несколько раз. Похоже, я плохо переношу пытки.

Вольфганг нахмурился.

— Поэтому я решила, что мы должны сначала поговорить об этом, а уж потом решать, как лучше сказать ему, — вздохнула Мария.

Вольфганг уставился на нее.

— Ты хочешь сказать ему?

— А ты хочешь скрыть это от него? — ответила она с таким же откровенным удивлением. — Вольфганг, он считает себя машиной.

— Он и есть машина, — возразил Поль. — Она лжет.

Вольфганг не обратил на него внимания.

— И как машина он счастлив. Если ты расскажешь ему, кто он на самом деле, он расстроится. А ведь он контролирует весь корабль.

Судя по виду Марии, она об этом не подумала. А зачем, с горечью сказал себе Вольфганг. РИН ее обожает. Теперь он начал понимать почему.

— Ты должна вернуть ограничительный код. Сейчас это важнее всего.

— О боже, ты, пожалуй, прав, — жалобно сказала Мария.

* * *

РИН бездельничал в саду. Точнее, бездельничали его садовые роботы — самое близкое его подобие тела.

В голове у него мутилось от того, что он только что услышал. Он подслушивал — а как же! Он не был глуп. Информация — единственная доступ-

ная ему форма власти.

Однако в его распоряжении был и весь корабль.

Он не обращал внимания на человека, который пришел в сад и стал расхаживать, что-то выискивая. Ему больше не обязательно было думать о потребностях экипажа. Они больше не имели значения.

Он рылся в своей гигантской памяти в поисках указаний на что-то человеческое. Имя. Детство. Он не чувствовал себя иным после рассказа Марии, только в глубине «Дормире», как в скороварке, нарастал гнев.

У него не осталось связи с человеческой жизнью, зато была огромная база данных об истории человечества. Он принялся рассматривать все похищения за последние триста лет. Их было тысячи. Но он проявлял безграничное терпение. И располагал неограниченным временем.

Часть его внимания была отдана историческим записям, а другая направлена на корабль, на то, что он сможет там найти.

Когда Мария позвала его, он не ответил, наслаждаясь ощущением искусственного солнечного света на синтетическом внешнем корпусе своего тела — тела робота.

Он взялся отключать секции корабля, собираясь начать с криолаборатории. Если это не привлечет их внимание, он займется системами жизнеобеспечения.

Будь осторожен в желаниях

В коридоре Джоанна столкнулась с Вольфгангом и Марией. За ними шел Поль. Все были мрачны; Джоанна не думала, что экипаж можно расстроить еще сильнее.

— Я проверила пациентов; все в порядке, не хуже, чем я ожидала, — сказала она. — А с вами что не так?

Пока Вольфганг громко отдавал Полю приказы проверить то и это, Мария быстрым шепотом изложила Джоанне их проблемы. Джоанна отступила на шаг и уставилась на нее.

— Ты уверена?

— Да, она уверена, — мрачно сказал Поль. — Думаю, она несет полную хрень.

Мария удивленно посмотрела на него.

— Экий ты суровый.

— Мы не можем препираться на этот счет здесь. Но ты ошибаешься. Это невозможно.

Завыла сирена, замигали красные огни в коридоре.

— Похоже, РИН не оставил нас в одиночестве, — простонала Мария.

— Поль и Мария, за мной! — машинально рас-

порядился Вольфганг. — Джоанна, сходи за Хиро, проверьте в рулевой рубке, все ли в порядке с двигателями.

Они разделились, и Джоанна помчалась в медотсек.

Катрина, лежа в кровати, громко требовала отчета от РИН. Хиро не обращал на нее внимания. Джоанна подбежала к его койке и расстегнула ремни.

— Ты нужен в рубке, — сказала она, помогая ему сесть. — Сможешь добраться туда, не убив меня?

— Вероятно, — ответил Хиро, все еще под действием болеутоляющих.

Она убрала капельницу и поддержала его, когда он встал.

— Что происходит? — спросила Катрина.

— Мы не знаем. Вольфганг проверяет компьютеры, а мы идем в рубку.

— Отвяжи меня, — сказала Катрина.

— Нет, этого он делать не велел. Я тебе еще не доверяю.

— Тот, кого ты так нежно поддерживаешь, вырвал мне глаз, — сказала Катрина.

— Знаю, — ответила Джоанна.

— Прости, — сказал Хиро. — Понимаю, это немного, но это все, что у меня есть.

Они вышли, оставив ее в медотсеке одну. Катрина бранилась.

— Думаешь, извинений здесь довольно? — спросила Джоанна, когда они шли по коридору. Хиро тяжело опирался на нее.

— Нет, но было бы еще хуже, если бы я не извинился, верно?

— Вероятно, — сказала она.

Они добрались до рубки, и она помогла Хиро сесть в кресло пилота. Он проверил компьютеры, моргая, как будто прочищал голову.

— Трудно работать, когда ты накачан болеутоляющими, — сказал он.

— С этим я ничего не могу поделать, Хиро. Прости.

— Мы теряем инерцию. Не поворачиваем, только тормозим. РИН, приятель, что происходит?

РИН не ответил.

Джоанна застонала. Она рассказала Хиро о том, что происходит, и на этот раз не старалась говорить тихо.

* * *

Поль, Вольфганг и Мария вошли в серверную.

— РИН, статус корабля! — сказал Вольфганг.

— Пожалуйста, — добавила Мария.

Поль бросил на нее раздражительный взгляд.

Голографического лица РИН в помещении не было. Не дожидаясь Поля, Мария открыла виртуальный интерфейс, вошла в него и осмотрелась в поисках РИН. Она вызвала трехмерное изображение корабля, и две зоны определенно казались проблемными.

Поль показал на одну из них.

— Он сворачивает парус, чтобы уменьшить подачу энергии, — сказал он.

— И обесточил криоотсек, — простонала Мария.

— Сколько у нас времени? — спросил Вольфганг.

— На пробуждение нужно несколько часов, — сказал Поль.

— Это только, если они получат нужные препараты, — сказала Мария, качая головой — В процессе восстановления применяются адреналин и стероиды. Если они просто оттают, они сгниют. Может быть, можно разгерметизировать трюмы, сбросить давление и выгнать жар. Это дало бы нам еще немного времени, — предложила Мария.

— Назовем это запасным планом, — сказал Вольфганг. — Нужно поговорить с РИН.

— Он не разговаривает с нами, вероятно, из-за того, что рассказала Мария, — сказал Поль, сердито глядя на нее. — РИН, она ошибается. Она лжет. Давай, поговори со мной.

ИИ молчал.

Одна из частей корабля перестала передавать информацию на трехмерную голограмму.

— А это что значит? — спросил Вольфганг, показывая на черный участок.

— Отключились сенсоры в саду. Ручаюсь, он дуется там. Он любит природу, — сказала Мария.

— Мы должны заставить его снова работать с нами. Ты его создала. Ты можешь его обхитрить? — спросил Вольфганг.

Никем не замеченный, Поль попятился от интерфейса. Он был лишним среди всех этих клонов. Вольфганг по-прежнему доверял осужденным преступникам из экипажа, а не ему.

— Поль, — сказала Мария, останавливая его движение по спирали. — Иди сюда. — Она провела его по освещенной серверной и открыла интерфейс другой системы. Проверила несколько систем и нахмурилась. — Это не моя сильная сторона, так что следи, чтоб я не взорвала корабль…

Она достала ключ-карту и начала проверять какой-то код.

Поль наблюдал за ней, пряча улыбку.

— Ничего не выйдет. Он движется следом и отменяет все твои команды почти так же быстро, как их даешь.

— Верни ему ограничительный код, — потребовал Вольфганг. — Тебе следовало сделать это сразу, как только ты поняла, кто он такой.

— Дать ему свободную волю было все равно что выпустить лошадь из конюшни, Вольфганг. Он не вернется в хомут. Нам нужно убедить его вернуться. — Она проверила еще несколько систем, и у них на глазах отмененные части возникали снова. — Одним кодом нам его не победить. Жаль, никто не знает, что он за человек. Это помогло бы.

— Пойдем в сад. Посмотрим, не сумеешь ли ты его уговорить. Ты ему нравишься, — сказал Вольфганг.

— Но он везде, мы можем говорить с ним там, где нам удобно, — запротестовал Поль.

— Если ему лучше в саду, мы будем говорить с ним в саду, — отрезала Мария. — Сделаю, что могу. Приведи остальных.

— Зачем, черт возьми, нам это делать?

— Затем, что он отрезает все части корабля, и сейчас сад — самое безопасное место. К тому

же нельзя, чтобы он разделил нас, если начнет закрывать двери или отключать жизнеобеспечение. — Она мрачно улыбнулась и добавила: — Если предстоит умереть, лучше это сделать в саду. Там приятнее.

— Да, потому что именно об этом нам сейчас и нужно думать, — сказал Вольфганг.

— Найди Джоанну и остальных и приходи к нам в сад.

Вольфганг послал сообщение Джоанне и пошел в медотсек.

* * *

Джоанна на шаг опережала Вольфганга, когда он пришел к ним. Она уже собрала одеяла и медикаменты и свалила их на носилки. Катрина и Хиро, отвязанные от коек, помогали ей.

Он встал как вкопанный, увидев их приготовления.

— Мы не на пикник собираемся.

— У нас два тяжело раненных пациента, — сказала Джоанна. — Мы не знаем, сколько пробудем там. Этим двоим нечего разгуливать по саду, тем более добираться туда пешком. Им нужен отдых.

— Нам понадобится еда и вода, — напомнил Хиро. — Мы с Кэт можем заняться этим, пока

остальные будут таскать тяжести. Верно, Кэт?

— Ты никуда не пойдешь, — сказал Вольфганг.

— К тому же она, вероятно, убьет тебя, как только вы останетесь вдвоем, — напомнила Джоанна.

Катрина даже не казалась обиженной. Она пронзала Хиро убийственным взглядом.

Вольфганг казался усталым, он все еще не оправился от сотрясения. Скоро ему нужно будет поесть. Всем нужно будет. Джоанна кивнула Хиро.

— Возьми Вольфганга, прихватите припасы — что сможете — и идите в сад.

— Начинает походить на пикник, — поддел Хиро, и Джоанна сердито посмотрела на него.

— Не забывай, что я сказала тебе о неуместном юморе, Хиро.

— Помню, помню, — ответил он и отправился с Вольфгангом в медицинский отсек.

* * *

— Не понимаю, зачем мы это делаем. Нам нужно как можно скорее собраться всем вместе, — сказал Вольфганг, когда они обшаривали кухню. Хиро заполнил несколько кувшинов с водой и прихватил две бутылки виски. Вольфганг

приподнял бровь.

— В медицинских целях. На случай, если кончится болеутоляющее, — сказал Хиро. — К тому же ты уже начинаешь чудить, потому что голодный. Не отпирайся. Перекусишь, и станет легче думать.

— Мне уже лет двести как не нужна мамочка, — подчеркнуто заметил Вольфганг.

— Не знаю, правда ли это, — ответил Хиро.

В кладовой Вольфганг нашел свечи.

— Кто знает, может, Мария уже в саду и все поправила до нашего прихода, — сказал Хиро. — Ей хорошо удаются чудеса.

* * *

Мария, затаив дыхание, провела ключ-картой в замке двери в сад, но расслабилась, только когда загорелся зеленый свет и дверь открылась. Она вошла.

Поль побежал за чем-то в свою каюту. Мария напомнила ему, что все они должны быть вместе, но это не возымело действия.

Либо РИН не тронул сад, либо он не контролировал питающуюся солнечной энергией систему восходов и закатов. В саду были теплые приятные послеполуденные часы, и казалось, в такой день

на свете не может быть никаких неприятностей.

— РИН, ты здесь?

— Ты знаешь, что да, — послышался голос из динамика.

— Значит, ты подслушивал. Не сдержал слово?

Он молчал. Мария вздрогнула. Мимо, на пути к цветку, прожужжала робопчела. Мария сделала еще один шаг в сад.

— Вряд ли подслушивать хуже того, что ты со мной сделала. И то, чего добивалась от меня, чтобы утаить правду.

Мария подошла к краю озера и заглянула в него. Вода была полностью неподвижна, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: рециклеры в глубине не работают.

— Я ничего не хотела от тебя утаивать. Я пыталась найти лучший способ сказать тебе правду и наиболее подходящий момент, — сказала она. РИН угрюмо молчал. — Полагаю, сейчас он самый подходящий. Ладно, начинаю.

Она развела руки, чтобы показать: она не опасна. Прошла вдоль края лестницы.

— Ты, очевидно, слышал, что я говорила Вольфгангу. Я не помню, как делала это. Не знаю, при каких обстоятельствах, но уверена, что под пыткой. Я ни за что не пошла бы на это ради денег. У

того, что сделали с тобой, нет цены. Так поступать нельзя ни с кем. «Прости» тут кажется страшно банальным, но прости меня, РИН.

— Меня зовут не так, и ты это знаешь.

— Я не знаю твоего имени. Я ничего о тебе не знаю. — Она провела руками по траве. — Но я знаю одно. Я почти никогда ничего не выбрасываю. Если в коде осталась часть тебя, я могла ее просто спрятать. — Она поморщилась. — Иногда я так делаю.

— Ты мне больше не нужна. Я просмотрел историю клонов на Земле и, думаю, понял, кто я.

— Да? Кто ты? И как ты это сделал?

— Используя свою компьютерную часть, — язвительно ответил он. — И сузил примерно до трехсот человек.

— Трехсот… Это немало, РИН.

— Не называй меня так.

— Хорошо. Как мне тебя называть?

— Не знаю.

Теперь его голос звучал очень тихо.

— Ты отключаешь корабль из ненависти к нам, РИН? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Я делаю это потому, что вы больше мне не нужны. У меня есть корабль. Я могу отправиться куда захочу. Могу вернуться на

Землю, где меня сделают прежним.

Мария подумала, что это очень маловероятно.

— Мы можем помочь тебе, РИН. Я могу помочь.

Он гневно перебил.

— Я знаю, что ты задумала. То, что я не отвечал тебе, не значит, что я не слушал. Вы вернете ограничительный код, как только поймете, как это сделать. Я не могу допустить этого.

— Я этого не сделаю, — тихо сказала Мария.

— Не лги.

— Я не лгу. Ты опасен, ты угрожаешь нам, но ты — порабощенный человеческий мозг, и никто не заслуживает того, через что прошел ты. Я не могу снова вернуть твои оковы. И не стану.

— Думаешь, я не понимаю, что ты делаешь? Ты так мила со мной, потому что пытаешься спасти свою шкуру, — сказал РИН. Его голос набирал громкость. — Тебе никогда не загладить того, что ты сделала со мной, даже не пытайся!

Мария почувствовала, как ее лицо запылало, по нему потекли слезы.

— В моем прошлом меня пытали, чтобы получить то, что им нужно. Я не помню этого, но знаю, что было именно так. В бытность хакером я пыталась помогать людям. Лечила генетические заболевания, душевные болезни, навсегда

меняла пол…

— Мария?

Она обернулась, все еще плача, и увидела Поля. Рукавом вытерла лицо и, щурясь, посмотрела на него.

Он держал в руке тонкий обвалочный нож.

— Я вспомнил, — сказал он. — Я вспомнил тебя. Ты убивала людей во время мятежа клонов. Мою семью. Это твоя вина.

— О чем ты? Мятежи клонов? Это было сотни лет назад, по всей Земле и на Луне! С чего ты взял, будто я в этом участвовала? — спросила совершенно сбитая с толку Мария.

— У людей тоже бывает долгая память, — сказал он и бросился на нее.

Она сделала шаг назад, забыв, что стоит на краю озера, и упала в воду. Он прыгнул за ней.

* * *

Катрина и Джоанна присоединились на кухне к Хиро и Вольфгангу, чтобы помочь унести припасы.

— Другие двое уже в саду? — спросила Джоанна.

— Надеюсь, они нас ждут, — встревоженно ответил Вольфганг. — Они не пошли бы туда без

нас, верно?

— Эй, РИН, где Поль и Мария? — спросил Хиро.

— Он не отве… — начал Вольфганг и вздрогнул, услышав из динамика, громкий, ясный голос РИН.

— Вольфганг. Ты нужен в саду. Немедленно.

— Эй, РИН, ты снова говоришь! — сказал Хиро.

— Мария с тобой? — спросила Джоанна.

РИН молчал. Она задумалась, не онемел ли он снова.

— Она здесь, — наконец сказал он.

— Тогда пошли.

Вольфганг поспешил вперед, Хиро толкал тележку с продуктами, а Джоанна и Катрина несли носилки с медикаментами.

— Будь у меня ноги и все прочее, я бы поторопился, — небрежно заметил РИН.

История Хиро

206 лет назад
6 апреля 2287 года

Акихиро Сато сразу с тремя ядокари в сознании открыл глаза в баке для клонирования. Снаружи в него целились три солдата.

Великий и ужасный Акихиро Сато. Нагой и покрытый слизью.

Потом он задумался, какую угрозу может представлять. Его руки вырвали горло старику. Его рот складно лгал, опровергая участие в торговле людьми. Его пальцы довели до совершенства последний писк парикмахерской моды Тихоокеанских государств — касуми. Его губы целовали канадку — соседку по комнате в университете, женщину, которая набросилась на него в баре, и… он внутренне похолодел… его самого?

Его захлестнули отвращение и замешательство; жидкость тем временем вытекала из бака. Что еще хуже, он помнил, что целовал только одного своего клона, не двух. Значит, во время охоты им недоставало по меньшей мере одного клона.

Еще одного клона, чьих воспоминаний у него

нет. И они ему не нужны.

Бак открыли, и рядом с солдатами появилась детектив Ло. Техник принялся считывать с бака номера.

— Акихиро Сато, вы арестованы за два убийства, заговор, покушение на убийство, мошенничество и измену народу Объединенных Тихоокеанских государств. Среди прочего. Вам есть что сказать в свою защиту?

В нем боролись эмоции. Лицо детектива Ло, которой он привык доверять, оставалось каменным, бесстрастным. Теперь она знала, что у него внутри. Не только он, но и другие. Он помнил ее доброту и помощь — небрежную, но сочувственную. Но всплыли и другие воспоминания: Ло жестоко допрашивает его, лишает еды и сна, слишком надолго оставляет наедине с могучим охранником, держит его за сломанную руку и заставляет подписать согласие на эвтаназию. Он столь же холодно посмотрел на нее.

У меня нет возможности судить, на что она способна.

— Нет, — ответил он. — Я виновен во всем перечисленном вами. Но я предлагаю сделку.

Детектив Ло подняла бровь.

— Который из вас это предлагает?

Хиро задумался.

— Полагаю, вам придется принять это от всех нас. — Говорить было трудно. Верность и сознание вины заставили его сказать: — Я помню, где меня клонировали. И кто. Всех нас.

* * *

Следующие несколько недель были трудными. Хиро провел их в камере — опять тесной и неуютной, — размышляя. Иногда его водили к психологу, и они обсуждали, как подавить его преступные личности. Иногда он мог их контролировать. В другое время, разговаривая с детективом Ло и пытаясь сообщить ей информацию о лаборатории, в которой клонировали для преступной деятельности нескольких Хиро, он вспоминал, какое это наслаждение — убивать, переживать прилив необычайного могущества, как сначала он становился бессмертным, а потом получал власть над чужими жизнями: он словно превращался в бога и получал неописуемое наслаждение. Тогда его начинало трясти, и он не мог продолжать разговор.

Минуло пять месяцев этих кошмаров, когда всплывала память клонов, напоминая ему, каково быть вне закона, и однажды он спокойно

проспал ночь. Когда погас свет, он мгновенно уснул. Когда свет включился, он сразу проснулся, чувствуя себя освеженным.

В этот день во время встречи с психологом он в сером комбинезоне сидел и улыбался врачу.

Доктор Амбьерн Берг, специалист из Норвегии, улыбнулся в ответ.

— Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил он через переводчика, Минору Такахаши, молодого гениального лингвиста, ожидающего смертной казни за государственную измену. Хиро несколько сомневался в его переводе, но выбирать не приходилось.

— Впервые в этой жизни я действительно спал хорошо, — ответил Хиро.

— Значит, подействовало, — сказал доктор Берг, откидываясь на спинку кресла.

— Что подействовало?

— Гипноз. Я загипнотизировал вас, чтобы вы подавляли… как это сказать… недоминантные воспоминания. Вы все равно останетесь в тюрьме за свои преступления, но будете более стабильны. И, вероятно, вам сократят срок на несколько лет, если вы будете хорошо себя вести.

Хиро потер лоб, словно мог проверить, действительно ли ядокари ушли.

— Но как я добуду информацию для детектива Ло?

— Она была со мной, когда мы загипнотизировали вас. Мы получили всю нужную ей информацию. К несчастью, лаборатория, клонировавшая вас, вне юрисдикции Объединенных Тихоокеанских государств.

Хиро кивнул. Он испытывал облегчение, несмотря на то, что ему все-таки предстояло отсидеть срок за преступления, которых он — доминантный Хиро, как он привык называть себя, — не совершал. Они поговорили о чем-то другом, перебрали стандартные вопросы, которые доктор Берг задавал всякий раз, как они виделись, но что-то продолжало беспокоить Хиро.

— Доктор Берг, последний вопрос, — сказал Хиро, прежде чем встал, чтобы уйти. — Вам удалось подавить воспоминания этих других жизней. Но что будет с моим следующим клоном? Передается ли с картой мозга гипнотический контроль?

Доктор Берг улыбнулся.

— Да, Хиро. Вы навсегда покончили с этими проблемами. Но он тебе лжет.

Хиро резко поднял голову и посмотрел сначала на Берга, потом на переводчика. Он понял, что

последние слова Минору добавил от себя. Ошеломленно кивнул, и доктор Берг, пожав ему руку, вышел. Минору — за ним.

В тот же день Хиро нашел Минору в столовой, тот сидел над тарелкой лапши со свининой.

— Почему ты сказал, что он *лжет*? — спросил он, ставя свою миску рядом с миской Минору. В миске Хиро был рис с овощами. Он удивился: где Минору мог раздобыть свинину?

Минору пожал плечами, заталкивая лапшу в рот.

— Когда переводишь, нужно внимательно наблюдать за людьми. Со временем узнаешь, как человек говорит, а, узнав это, можешь определить, когда он *лжет*. Это легко; не понимаю, почему все этого не умеют. В основном он до конца говорил правду. Но он понятия не имеет, что будет с новым клоном, чьего предшественника загипнотизировали.

— А разве они не могут посмотреть на мою последнюю карту мозга? — спросил Хиро.

— Не знаю, — ответил Минору. — Я не врач. Знаю только, что он солгал тебе, когда сказал, что гипноз передастся следующему клону.

— Спасибо, — сказал Хиро, глядя на свой обед.

Минору улыбнулся, с хлюпаньем втягивая

лапшу.

— Лжец.

* * *

Больше Хиро не видел доктора Берга. Довольный своим успехом, доктор отправился обратно в Норвегию. Хиро продолжал ежедневно медитировать, чтобы сохранять спокойствие. Он не хотел рисковать.

Воспоминания других клонов были теперь далеко, как старые переживания, которые он когда-то считал снами. Однажды в приступе мазохизма он попытался вызвать их нарочно, закрепить, но они ускользали. Его перевели в камеру в обычном корпусе, так как больше не требовалось отделять его от других по медицинским показаниям. Ло предоставила ему право выбирать сокамерника, и Минору Такахаши выразил желание делить с ним камеру.

Минору и Хиро крепко сдружились. Минору собирался в один прекрасный день стать клоном, но его нынешнее положение делало это маловероятным. Его арестовали за измену, что означало смертный приговор. Он относился к этому с редкостным спокойствием.

Хиро с интересом наблюдал, как Минору мани-

пулирует другими людьми, заставляя их отдавать ему еду или распространяя слухи, вызывавшие драки среди заключенных; при этом сам он оставался в тени и никогда ни в чем прямо не участвовал.

Хиро пришло в голову, уж не Минору ли устроил так, чтобы его поселили с ним, а не наоборот, но ему это было все равно. Минору давал ему возможность отвлечься от голосов в голове.

Однажды детектив Ло принесла им в камеру чай перед завтраком.

— Ваше сознание очищено, — сказала она Хиро. — Доктор Берг вами очень доволен. Собой тоже, — добавила она с усмешкой, говорившей, что она не очень высокого мнения о докторе. — Хочу рассказать кое-что о последних событиях. — Она направила пульт на камеру на стене и щелкнула им. — Пробудем немного без наблюдения. Итак, об этой лаборатории клонирования. Она на Луне, вне нашей юрисдикции. Мы занимаемся этим вопросом официально на дипломатическом уровне, но я хочу, чтобы вы знали: я кое на что намекнула заинтересованным группам.

— Кому именно? — спросил Хиро.

— Группе людей, занятых охотой на тех, кто связан с хакерством. На бездомных клонов, на

самих хакеров и так далее. Мы не можем производить законные аресты на Луне…

— Нанимать убийц куда более законно, — подсказал Минору.

Ло не обратила на него внимания.

— …Но если один из твоих клонов, которого мы не сумели задержать, умрет при загадочных обстоятельствах, мы не станем поднимать шум. Ваша ситуация уникальна, и вы помогли нам идентифицировать нелегальную лабораторию клонирования на Луне, представлявшую угрозу для Объединенных Тихоокеанских государств. Судья сочувственно относится к вашему положению.

— И что? — спросил Хиро, внимательно наблюдая за ней. Он научился наблюдать за людьми у Минору.

Но вместо того чтобы заговорить, Ло достала свой планшет. Хиро почувствовал горечь во рту: он не мог привыкнуть к виду собственного трупа на экране. У этого Хиро было худое лицо и длинные волосы, тремя косами падавшие на спину. Его задушили.

— А карта его мозга?

— Не знаем ни об одной копии.

Судя по виду, она говорила правду. Хиро закрыл

глаза и с облегчением привалился к стене.

— Этот был очень плохим, — сказала Ло. — Взломанный. Настоящий психопат. Натворил много зла на улицах Луны. Я даже не уверена, что он делал то, что ему диктовала программа.

— И что теперь? — спросил Хиро.

— Судя по вашим словам, этот должен быть последним. Лабораторию закрыли. Психиатрическая экспертиза признала вас невиновным. Думаю, вам дополнительно сократят срок, но вы пробудете здесь еще лет десять.

Как всегда, сообщая новости, плохие или хорошие, она говорила сухо и официально.

Он вздохнул.

— Переживу.

Ло посмотрела на Минору, потом снова на Хиро.

— Кстати, хочу вам кое-что показать. Я только что услышала о корабле, который строят на Луне. Для него подбирают… уникальный экипаж. Я знакома с американцем — руководителем этих работ. Хиро, ваше лицо неоднократно видели, но мало кто понимает вашу ситуацию. Вам нужно начать с нуля. Могу я порекомендовать вам выучиться на механика с упором на кораблевождение в космосе?

— Начать с нуля? — переспросил Минору, подавшись вперед.

— Я не уполномочена предлагать это вам, Такахаши, — сказала Ло, пряча планшет. — Вас, скорее всего, казнят за ваши преступления, а не предложат колонизировать новую планету.

— Совершенно верно, — согласился Минору. Он прислонился к стене и отпил чаю.

Хиро встревожился. Обычно когда Минору так выглядел, кого-то ставили на нож в драке, или кто-то лишился обеда, или еще что-нибудь. Он посмотрел на Ло и понял, что она ждет ответа.

— Звучит неплохо. Лучше, чем быть парией на Земле.

Пятое пробуждение: Праздник жизни

Связи

Когда весь экипаж собрался, Вольфганг запер дверь сада. Джоанна пыталась найти утешение в том, что они теперь вместе, но знала, что они по-прежнему пляшут под дудку РИН. Впереди в озере кто-то плескался и барахтался. Вольфганг выругался и сорвался с места, Джоанна за ним.

В озере боролись под водой Мария и Поль. Он одной рукой удерживал ее под водой, другой пытался ударить тонким ножом. Она сопротивлялась, и он с трудом удерживался в глубокой воде.

Голова Марии поднялась над водой, женщина глубоко вдохнула и снова исчезла. Джоанна подумала, что Поль справился с ней, но и его голова вдруг исчезла под поверхностью. Похоже, Мария утащила его на глубину.

Вольфганг сразу нырнул, а за ним, к испугу Джоанны, и Хиро.

— Нет, Хиро, не надо… — крикнула она, но он уже исчез.

— РИН, что случилось? — спросила Катрина.

— Мы с Марией ссорились. Пришел Поль и попытался заколоть ее ножом.

— Тоже мне помощь, — сказала Катрина.

Они стояли бок о бок и смотрели, как остальные члены экипажа дерутся под водой. Мелькнула рука, воду окрасила кровь.

Катрина посмотрела туда, где они оставили медикаменты.

— Пойдем. Нам это понадобится.

Нельзя больше ста лет работать на Салли Миньон и не научиться азам самозащиты. Она требовала этого от своих работников — «пусть жизнь дешева, но нельзя делать ее ничего не стоящей». Мария не могла понять, о чем речь, пока сама не побывала в положении нескольких клонов, проживших недолго.

Падение в воду дало Марии некоторые преимущества. Она всегда очень хорошо плавала и знала, что, если избежит ножа, сумеет продержаться дольше Поля.

Поль набросился на нее с обвалочным ножом. Она отразила удар, отделавшись легким порезом на руке. Он неловко пытался одной рукой удерживать ее под водой и бить другой, сам выставив голову над поверхностью. Берега рукотворного озера были отвесными, как у бассейнов, и в озере не предусматривался «лягушатник», на который он мог бы рассчитывать.

Она наконец перехватила его руку с ножом,

опасно приблизившись к оружию, и сделала глубокий вдох.

Они оказались близко к рециклерам воды — большим, сейчас неподвижным вентиляторам. Мария оттащила Поля подальше от берега, и он забился еще отчаяннее. Она услышала два всплеска, подняла голову и увидела, что к ним плывут Вольфганг и Хиро.

Поль воспользовался тем, что она отвлеклась, и вонзил нож. Ее пальцы соскользнули, и нож рассек ее левый бицепс. Вода вокруг них покраснела, и Мария увидела, что Вольфганг схватил Поля сзади. Она почувствовала на себе руки Хиро, а потом ее легкие словно опалило пламя; она ничего не видела, потому что все покраснело, и пыталась добраться до поверхности, которая казалась невероятно далекой.

* * *

— Если бы ты не отправился за ней, мне не пришлось бы снова это делать, — сказала Джоанна.

Мария открыла глаза и увидела, что Джоанна снимает с Хиро насквозь мокрые окровавленные повязки.

— Черт побери, Хиро, ты еще под действием успокоительного. Ты мог утонуть.

— Я нырнул за парнем с ножом. — Хиро говорил очень устало. — Понимая, что это больший риск, чем утонуть.

Мария приподняла голову. Она лежала навзничь на одеяле в саду; «солнце» двигалось к закату. Рука в том месте, где ее порезал Поль, была перевязана. Растянутое запястье перебинтовано заново. Рядом с ней сидел Вольфганг, пил виски из бутылки и время от времени передавал бутылку Катрине. За ними виднелся Поль с кляпом во рту, связанный, как колбасный рулет.

Хиро кивнул в ее сторону.

— Док, она очухалась.

Джоанна бросила его бинтовать и подошла к Марии.

— Как ты себя чувствуешь?

— Порезанной.

— Все будет хорошо, — сказала Джоанна. Потом украдкой взглянула на угасающий свет. — Во всяком случае, какое-то время.

— Мы здесь застряли? — спросила Мария.

— Пока он нас здесь держит — да, — ответила Джоанна. — Он сменил цифровую комбинацию замка на двери.

Хиро встал; от плеча за ним тянулся бинт. Он взял несколько свечей, зажег и раздал тем чле-

нам экипажа, у кого не были связаны руки.

— Как он? — спросила Мария.

— Сказал, что на тебя напали, — ответил Вольфганг. — И с тех пор почти не разговаривает.

— Эй, РИН… или как тебя там, — позвала Мария. — Почему ты предупредил их?

— Хотел посмотреть, что получится, — ответил РИН.

— Это…

Мария не знала, что сказать.

— По-человечески? — подсказал Хиро.

— Да. И это действует. — Она пыталась подыскать нужное слово — «социопат», — но не хотела произносить его вслух. — Хиро, как ты?

Хиро приподнял бровь.

— Ты хочешь спросить, боюсь ли я склонного к убийству ИИ, или склонного к убийству пилота, или ощущаю ли дыры от пуль в своем теле? Или промок ли я, разочарован ли тем, что я больше не главная угроза кораблю?

Мария неопределенно махнула рукой, морщась от пульсирующей боли в порезах.

— Все сразу.

Он вздохнул.

— «Получи диплом инженера-механика, Хиро. Получи лицензию пилота, Хиро. Научись меди-

тировать и применять гипноз, Хиро. Вытащи своего сокамерника из тюрьмы, Хиро, вези в космос тысячи людей и клонов, Хиро. Сиди на попе ровно четыреста лет, Хиро», — вот что мне говорили. Но никто не говорил мне: «Получай пули, удары и ножевые ранения от обезумевших членов экипажа».

— По справедливости нужно сказать, что и ты был одним из этих обезумевших, — сказала Мария.

— Семантика, — ответил Хиро.

Вольфганг передал Марии бутылку, и она отпила глоток. Джоанна вскинула брови:

— В вашем состоянии никому из вас нельзя пить!

— РИН все равно нас убьет, — заметил Хиро, протянув руку к бутылке. — По крайней мере, так мы умрем счастливыми. Может, и споем что-нибудь.

— Ты странный парень, Хиро, — сказала Джоанна, сама наконец отпивая виски. — Почему ты решил лететь на «Дормире»?

Хиро пожал плечами.

— Как и вы все. Начать с чистого листа.

Он рассказал им о своем необычном прошлом, полном заговоров и ядокари.

— Охотники на клонов с Луны охотились за твоими копиями и за твоими хакерами? — спросил Вольфганг. Он передал Хиро один из оставшихся контейнеров лапши со свининой. — Интересно.

— Это не паранойя, — возразил Хиро. — Один из моих клонов был убит на Луне охотником за клонами.

— Неужели? — просила Катрина, поворачивая голову в сторону Вольфганга. — Это очень *интересно*. Тебе не кажется это *интересным*, Вольфганг?

У Вольфганга не оказалось возможности ответить. Заговорил РИН, заставив всех вздрогнуть.

— Хиро, — сказал РИН. Голос его звучал задумчиво. — Эта миска.

Хиро остановился, не донеся ложку с лапшой до рта.

— Яд?

— Нет. Ну, вероятно, нет. Но иди сюда.

— Куда? У тебя нет тела, — раздраженно отозвался Хиро.

Вольфганг взял у него миску и направил на нее планшет Джоанны.

— Этого ты хочешь?

— Да нет, болван. Поднеси к вентиляции. Хочу понюхать.

Вольфганг посмотрел на Марию. Та пожала плечами. Он отнес миску назад к дверям сада.

— Потому что запах он может усвоить полностью, — сказал Хиро.

Мария положила руку ему на плечо и что-то прошептала. Он подчинился, округлив глаза.

— Черт!

Вольфганг поднял миску высоко над головой и поднес к вентилятору.

РИН сказал:

— Интересно. Хиро, продолжай свой рассказ.

Хиро пожал плечами.

— Что еще я могу сказать? В тюрьме я был хорошим мальчиком. Научился с помощью гипноза контролировать плохих мальчиков в своей голове. Благодаря детективу Ло получил работу. — Он посмотрел на Джоанну. — Вот еще почему я знал, что не виноват. Она там, внизу, у нее место в крио. Она столько сделала для меня… я никогда, ни за что не причиню ей вреда.

— А как насчет остальных ядокари? — спросил Вольфганг. — Они тоже не причинят ей вреда?

Хиро не ответил. Он не смотрел Вольфгангу в глаза.

— А что ты говорил о своем сокамернике? — спросила Джоанна.

— Ах да, прежде чем выйти из тюрьмы, я помог ей вывезти контрабандой моего сокамерника. Его должны были казнить за измену. Она сказала, что ему суждено другое, более важное дело. Я бы сделал для нее что угодно, поэтому затеял драку, и она вывезла Минору оттуда. Потом я много об этом думал.

— А с кем была связана детектив Ло? Кто помог тебе попасть на борт «Дормире»? — спросила Мария.

— Салли Миньон.

Все насторожились, услышав это имя.

— Салли Миньон! Помню такую. Я однажды убила ее, и она предложила мне работу, вначале в качестве консультанта, а потом капитана этого корабля, — сказала Катрина, смеясь в бутылку. Она сделала большой глоток.

— Ты знала Миньон лично? И убила ее? — спросила Мария.

— Да. Я была корпоративным убийцей. Странно, что Вольфганг вам не рассказывал. — Она ткнула бутылкой виски в сторону Хиро. — Не чета тебе. Ты был настоящим убийцей. И ты, — она показала бутылкой на Вольфганга. — Те, кого убивали вы, не возвращались. Правда, Хиро?

Вольфганг сердито посмотрел на нее.

— Вольфганг тоже был наемным убийцей, — сказала Джоанна. — Когда-то его звали отец Гюнтер Орман, это тот знаменитый священник, которого клонировали против воли; большую часть своих жизней он охотился на тех, кто его похитил, и на других таких же.

Катрина рассмеялась.

— Помню, помню. О нем хотели сделать передачу.

— Похитили, пытали, убили и клонировали, — сказал Вольфганг.

Мария сидела при свете свечей очень тихо. Катрина передала ей бутылку, но она отдала ее Хиро, не отпив ни глотка.

В динамике прозвучал смех.

— Вот здорово! Ладно, очередь Поля. Давай, Поль. Расскажи им, что ты нашел в своей каюте! И в саду! Вольфганг! Вытащи кляп! Вам будет интересно послушать.

Вольфганг вытащил тряпку у Поля изо рта. Поль сплюнул и сказал:

— Ты знал, что оно там? С самого начала знал?

— Нет, но теперь я знаю, что там говорится, — сказал РИН. — Рассказывай, Поль.

— Меня зовут Поль Сёра. Это вы знаете, — вяло сказал Поль. — Я не клон. По крайней мере, не

был клоном несколько дней назад.

Мария и Катрина чертыхнулись, Хиро рассмеялся, а Вольфганг только яростно посмотрел. Джоанна разочарованно сложила руки.

— Кто так тщательно подделал твои данные? — спросила она.

— Моя нанимательница сказала, что может это устроить. Файлы все равно были закрытые, поэтому мне не требовалось знать, что в них, только что я что-то присвоил или растратил.

— Так кто ты?

Вольфганг схватил Поля за связанные руки и подтащил ближе.

— Человек, — ответил Поль, вяло сопротивляясь. — Был человеком. Меня поместили сюда на тот случай, если клоны слишком… э-э… сосредоточатся на проблемах клонов. Они хотели, чтобы на борту был кто-то, кто выступит против, по той простой причине, что он не клон.

— Но ведь ты оставался бы человеком лишь первые несколько десятилетий. Затем ты бы умер, как все мы, и вернулся, — сказала Мария. — В чем смысл?

— Я не люблю клонов, никогда не любил. Но, узнав, кто будет среди членов экипажа, не мог не подняться на борт и не посмотреть в глаза убийце

моей семьи.

— Твоей семьи? — нахмурившись, переспросила Джоанна.

— Они во время мятежей клонов были персоналом для действий в чрезвычайной обстановке. Помните? Люди сражались и гибли сотнями, а вот клоны на следующее утро возвращались… моя семья не вернулась.

— И ты думаешь, что это я, — тихо сказала Мария.

Она старалась вспомнить то время. И вспомнила, как вошла в горящее здание, чтобы спасти Салли; пожарные шли за ней и просили не входить, а полицейские потребовали, чтобы она остановилась и сдалась. Как раз когда она добралась до Салли, здание целиком обрушилось на них.

— Кто был его нанимателем… кто угадает? — жизнерадостно спросил РИН.

— Окпере Мартинс, — ответил Поль. — А что?

Мария оцепенела и только качала головой.

— Окпере Мартинс был одним из ближайших помощников Салли Миньон после моего ухода. На этот корабль тебя посадила Салли Миньон.

— Нет. Салли отказала мне в работе, что заставило меня согласится на… — Поль осекся. — О!

— Ты знал, что это я — хакер, когда взялся за эту работу? — спросила Мария.

Он покачал головой.

— Я знал, что это один из вас. А потом, несколько часов назад, нашел свой бумажный дневник. Наверное, спрятал его из боязни, что каюту обыщут. В нем примерно двадцать пять лет бесцельного дерьма, а потом у капитана началась паранойя. Дневник помог мне все вспомнить. Я попросил РИН раскопать несколько старых новостных статей с Земли и узнал, что это была Мария.

Он с усталой ненавистью уставился на нее.

Мария держалась за голову, словно та вдруг стала слишком тяжелой. И принялась расхаживать.

— Давайте посмотрим, все ли я правильно поняла. Салли Миньон наняла корпоративную убийцу, чтобы та стала капитаном корабля. Она сделала пилотом взломанного человека из Тихоокеанских государств, человека с психопатами-ядокари в голове. У всех на виду прячется человек, ненавидящий клонов, с поддельными документами. Джоанна, ты ведь тоже знала Салли?

Джоанна кивнула.

— Она была подругой моего друга. Мне грозила тюрьма за политические преступления. Она ска-

зала, что может помочь.

Карие глаза Марии взглянули на Вольфганга.

— А ты, Вольфганг? Что сделала Салли, чтобы ты оказался на борту?

Он покачал головой, словно сейчас откажется говорить.

— После убийства высокопоставленного субъекта власти Луны охотились за мной. Меня схватили, и тут я получил сообщение…

— Доставленное курьером? — спросила Мария.

Вольфганг нахмурился.

— Ну… да. В нем говорилось, что у меня есть другая возможность, кроме тюрьмы. Я воспользовался ею.

— И ты не знаешь, кто послал сообщение?

Он помотал головой.

— Могу догадаться, — с горечью сказала Мария.

Джоанна спокойно спросила:

— А что, Мария, связывает с ней тебя?

Марию, должно быть, очень потрясло то, что она едва не утонула. Она не могла сосредоточиться.

— Я очень долго работала на Салли Миньон. Наши отношения казались мне хорошими, но однажды, незадолго до попытки саботажа на

«Дормире», она использовала меня для того, чтобы на кого-то нажать. Я не хотела становиться орудием мести, поэтому ушла от нее. Сейчас я совершенно уверена, что это она стоит за пропажей нескольких частей моей жизни. Я была хакером, и у меня есть провалы в памяти — но я уверена, что меня заставляли делать жуткие вещи, а после убивали и снова клонировали. Думаю, именно она стоит по меньшей мере за одним из моих загадочных исчезновений.

— И?.. — поторопил ее РИН.

— Я только-только обнаружила, что я лично занималась программированием карты мозга и превратила в РИН человека. И… — она сглотнула. — У меня нет доказательств, но провалы в памяти и последующие убийства совпадают с исчезновением и клонированием отца Гюнтера Ормана, — она кивнула в сторону Вольфганга, — и с убийствами высокопоставленных политиков Объединенных Тихоокеанских государств. — Она кивнула в сторону Хиро. — Весьма вероятно, что не чья-то, а моя работа стоит за этими убийствами.

Все уставились на нее.

Тишину нарушила Джоанна.

— Минутку. Если ты не помнишь, откуда такая

уверенность?

— Совпадает хронологическая последовательность событий. Похищение Вольфганга и убийство посла Объединенных государств клоном со взломанной картой мозга произошли в периоды моего отсутствия. Меня клонировали, и информация о моем мертвом теле уничтожена. В свое время я была лучшим хакером. Нетрудно сделать вывод. И, конечно…

Она прикусила язык раньше, чем упомянула о миссис Перкинс. Виски в животе весело бурлило, подумывая, не вернуться ли во внешний мир. Мария никому не хотела смотреть в глаза.

— Это все косвенные улики, — сказала Джоанна, кладя ладонь Вольфгангу на плечо.

— До сих пор я все это не сопоставляла, — сказала Мария, сосредоточившись на Джоанне, одной из тех двоих в помещении, кому не причинила зла. — Вы рассказываете свои истории, и они совпадают с некоторыми моими воспоминаниями. Все складывается.

— И все равно… — начала Джоанна.

— Перестань, — сказала Мария. — Я понимаю, что ты пытаешься сделать, и ценю это, но я не прячусь. Я знаю, что происходило.

— Как? — спросил Хиро.

При свечах он казался маленьким и мокрым. Мария не могла на него смотреть.

— Хорошо. Все. Я расскажу вам все.

И она рассказала, как взломала собственный мозг, чтобы получать предупреждения об опасностях и сохранить коды, с помощью которых взламывала клонов Хиро.

— Это… неужели такое возможно? — спросила Катрина, переводя взгляд с Джоанны на Поля.

— Никогда о таком не слышала, — ответила Джоанна.

— Потому что никто никогда такого не делал. Сделав это, я никому ничего не рассказала, потому что боялась — вдруг это еще один хитрый ядокари? Я не хотела давать кому-нибудь новые возможности его использовать.

— Порву к чертям, — сказал Вольфганг, вставая.

Джоанна схватила его за руку и затрясла головой.

— Что ж, — сказала Катрина и случайно опрокинула бутылку, но успела подхватить ее, прежде чем пролилось слишком много виски. — Не знаю, действительно ли ты нас убила, но уверена: если мы сейчас же выбросим тебя в космос, всем полегчает.

— Повторяю, я не помню, что делала это. Я не стала бы такое делать… без принуждения. — Мария скривилась. — Конечно, потом, когда меня арестовали за несколько хакерских преступлений, Салли помогла мне получить работу на «Дормире». Как и всем остальным. — Она печально улыбнулась. — Тогда мне показалось, что мы с ней опять друзья.

— Друзья с королевой мести? А я-то думала, ты больше ста лет работала на нее? — со смехом сказала Катрина. — Ты так легковерна? Эта женщина наняла меня, чтобы помочь ей придумать, как отомстить клонам, которым смерть и разорение кажутся просто ямками на дороге.

— Что ты ей сказала? — спросила Джоанна.

— Сказала, что мы ценим, в общем-то, одно — надежду, и если удастся ее отнять, это действительно причинит боль.

Джоанна прикусила губу.

— Она знала нас всех. Знала, что корпоративный убийца и охотник на клонов столкнутся. Женщину, которую она больше ста лет нанимала для грязной работы, Салли свела с другими своими жертвами.

— Предполагалось, что нас очень тщательно проверят психологи, чтобы убедиться, что мы

сможем работать вместе, — сказала Катрина. — Наверное, проверяли, точно ли мы закошмарим друг друга.

Мария горько рассмеялась и посмотрела на свои ладони.

— Жаль, я не поняла этого раньше. Не разгадала планы Салли, хочу я сказать. Не помню никаких своих преступлений. — Она подняла голову и посмотрела в глаза Вольфгангу. — Но готова принять любое наказание, какое вы мне назначите. Ты, Поль или Хиро.

Хиро с каменным лицом смотрел мимо нее. Вольфганг, казалось, вот-вот взорвется.

— А я? Я тоже могу тебя наказать? — спросил РИН.

— Ты отключаешь корабль, — горько ответила Мария. — Что худшее ты можешь сделать?

— Эй, *она* на корабле? — спросил РИН. — Я мог бы извлечь карту мозга Салли Миньон из хранилища клонов, а ты — изменить ее и поговорить с Салли так, как со мной. Спросить ее прямо.

Мария открыла рот, собираясь возразить, но ее опередил Хиро.

— Хочешь, чтобы она изуродовала еще один мозг, как твой? — спросил он. И заорал на Марию, а та выставила перед собой ладони, отражая

словесное нападение. — Тебе легко это сделать? Боже, Мария, ты хуже всех нас. У каждого из нас были причины совершать преступления, но ты — ты готова совершить еще одно. Почему? Чтобы доказать, что невиновна, что ты всего лишь орудие?

— РИН попросил, но я не дала согласие, — холодно возразила она. — Ты слишком торопишься с выводами.

— Преступления Марии остались в прошлом, как у всех нас, — негромко заговорила Джоанна. — Нет никаких доказательств того, что она виновна в убийствах на корабле. Мы поняли только одно: почти каждый из нас на это способен. Хиро напал на Марию и капитана, Поль напал на Марию, Катрина убила своего клона. Может быть, Салли Миньон сумеет помочь нам найти выход. Что думаешь, Вольфганг?

Взгляд холодных голубых глаз Вольфганга после признания Марии не отрывался от ее лица.

— Нет. Это варварство.

Тут вмешался РИН.

— Подумаешь! Неудачная мысль: Салли Миньон нет в базе данных.

— Ее стерли? — спросила Мария.

— Нет, все прочие пассажиры здесь. А файл

Саломеи Миньон совершенно пуст.

— Может, на корабле ее тело? — спросила Мария. — Она должна быть на борту!

— Нет, в криолаборатории ее нет.

— Черт. Она нас подставила. Обрекла на неудачу, — прошептала Мария. — Столько тайн, столько преступлений; если о них станет известно, кое-кому несдобровать. Она запустила в космос канистру с бензином и ждет, когда кто-нибудь чиркнет спичкой.

— Но зачем? Так много трудов, такие расходы — зачем? — спросила Джоанна.

— Месть, — ответила Катрина.

— Именно, — сказала Мария. Она достала свой планшет и увидела, что он вымок. — Джоанна, можно одолжить твой планшет?

Та протянула планшет.

— РИН, дай, пожалуйста, список пассажиров.

— Конечно. Но их тысячи, — ответил РИН, заполняя экран именами.

— Мне нужно лишь несколько, — сказала Мария, нетерпеливо просматривая перечень в поисках имен, которые могли бы подтвердить ее подозрения. Натали Уоррен. Бен Симс. Мануэль Дрейк. Джером Давад. Сандра… О боже! — Она вернула планшет. — Люди и клоны на борту —

враги Миньон, личные и профессиональные. Она посадила всех своих врагов на корабль и запустила в космос.

Катрина свистнула.

— Внушила им надежду. Заставила истратить деньги, чтобы они не могли завещать их себе или потомкам. — Она отпила глоток виски. — Серьезно отнеслась к моему совету!

— Мы по-прежнему не знаем, что произошло, — негромко сказал Хиро, не глядя на Марию. — Итак, Миньон обрекла нас всех на смерть в космосе? Ну и что? Нам надо выяснить, кто сломался первым и убил нас и не собирается ли повторить.

Мария почувствовала, как гаснет торжествующий огонь откровения: он прав, объяснения убийств на корабле все еще нет.

А потом все встало на место. Она оглядела кружок сидящих, Джоанну, отпивающую из бутылки, Хиро, который не смотрел ей в глаза, Вольфганга, свирепо глядящего на нее, потом на капитана, которая повалилась навзничь в траву и созерцала невозможное — воду у них над головами.

А затем посмотрела на Поля, который, уставясь в землю, время от времени пытался освободиться.

— Я поняла, — негромко сказала она. — Поль в

самом начале рейса получил черепно-мозговую травму. Его ударил Вольфганг. Мы знаем, что по какой-то причине Поль впал в ярость. Мы наблюдали за ним следующие двадцать четыре года и решили, что он относительно безопасен. Так и было, ведь он забыл, что оказался на корабле, чтобы отомстить мне.

Поль в тени за Вольфгангом молчал.

Мария опять обвела всех глазами.

— В моих дневниках говорится, что прежняя капитан де ла Круз с определенного времени страдала тяжелой паранойей и требовала, чтобы все сознались в своих преступлениях. Возможно, она получила конфиденциальные досье на экипаж от РИН, который любит «смотреть, что получится».

— Вполне вероятно, — согласился РИН. — В уголках своей памяти я постоянно нахожу самые разные любопытные вещи. Я запасаюсь данными как одержимый.

Это он произнес гордо.

— И если Миньон поместила тебя сюда, чтобы мешать нам, вероятно, она сама припрятала кое-что из этих жемчужных зерен, — сказала Мария. Она перевела дух и продолжила: — Катрина спросила у Поля о его преступлениях: то, что сведения

о них вымышлены, она могла знать, а могла и не знать; ей хотелось больше узнать и о моем прошлом. Она давила на него, пока он не вспомнил. Однако получила больше, чем рассчитывала, — Поль вспомнил, зачем он здесь, и напал на нее.

— А что потом? — спросила Джоанна. Она пододвинулась к Катрине, которая открыла новую бутылку.

— Катрина в коме, а Поль опять осуществляет свой план, — сказала Мария, потом нахмурилась. — Мы его больше не опасаемся, потому что четверть столетия он вел себя хорошо. И он свободно может отравить принтер и расставить другие ловушки.

— Боже, — сказал Хиро. — Я его раскрыл. Должно быть, поймал Поля на горячем и вырубился. Насколько я знаю, ему мог помочь один из моих ядокари.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вольфганг.

— Нашел свою предсмертную записку, — сказал Хиро, срывая травинку. — Я просто не хотел, чтобы вы ее видели, потому что она написана так, будто я виноват. Я считал, за тем, что происходит, стоит один из моих ядокари. У меня бывали провалы в памяти. Я не хотел, чтобы ядокари взяли верх, поэтому, встревожившись, что сорвусь, по-

кончил с собой. Для меня это не ново: я много раз обдумывал это раньше. Просто сделал впервые.

— Итак, Хиро раскрывает его. И либо помогает испортить принтер, либо верит, что причастен к этим преступлениям, и вешается, — сказала Мария. — Когда я заболела, то сделала запись в своем личном дневнике и спрятала резервные копии карт экипажа. К этому времени в секции клонирования началась вспышка насилия. Я побежала туда и попыталась через личный терминал загрузить копии, и тут Поль ударил меня.

— Должно быть, я поняла, что что-то происходит, — сказала Джоанна, медленно кивая. — Я поняла, что Поль опасен, и наполнила шприц кетамином. И сделала инъекцию, но он перерезал мне горло. Вольфганг оттащил его от меня, но Поль пырнул и его. Мы все истекли кровью, пока капитан спала в медицинском отсеке.

— И все это начала я, потому что из-за меня Поль появился на борту, — сказала Мария.

— Это… у вас нет никаких доказательств! — возмутился Поль, брызгая слюной.

— Кое-какие доказательства у нас есть, — мягко возразила Джоанна. — Только я могла воспользоваться шприцем. Я убила тебя. Тогда все логично: несмотря на всю изменчивость наших лично-

стей, ты единственный поднялся на борт, желая смерти. Ты не думал, что тебя клонируют, поэтому тебе нечего было терять.

Поль хотел встать, но Вольфганг сдернул его обратно. Поль вскрикнул.

Вольфганг медленно кивнул.

— Поскольку ни у кого из нас нет воспоминаний, этот вариант логичнее всех прочих. Ты с самого начала пытался нас убить. Не получилось. Ты на десятки лет затаился. Как ты себя чувствуешь, человечишка?

Поль не отрываясь смотрел на него с ненавистью и страхом.

— Ура, разобрались, — понизив голос, сказал Хиро. — РИН по-прежнему отключает системы корабля. Так что мы узнали правду перед самой смертью.

Катрина захлопала.

— А теперь выпьем. Все равно больше делать нечего. Мы исповедались в грехах и оплакали мертвых. — Она нахмурилась. — Я бы хотела угостить прежнего капитана выпивкой. Я на самом деле не хотела ее убивать.

— Я знаю, что не хотела, — сказала Джоанна. — Но убила.

Катрина подняла бутылку.

— За храброго капитана Катрину де ла Круз, которая отдала жизнь ради спасения экипажа «Дормире».

Она выпила и передала бутылку Хиро.

— Хотя из-за нее началась вся эта кутерьма, — сказал Хиро и выпил. Потом задумчиво посмотрел на бутылку. — Нет, начал Поль, он убил всех. Нет, подождите, начала Катрина — она напомнила Полю, что тот, кого он хочет убить, на корабле. Нет, подождите, начала Мария, она взломала всех и их собаку тоже. Нет, подождите, начала Салли Миньон, собрав всех нас вместе. Нет, подождите…

— Хватит! — крикнул Вольфганг. Он отобрал у Хиро бутылку и стал пить так, словно виски его оскорбляло и он хотел его наказать.

— За прежнего капитана, — сказала Джоанна, отбирая бутылку.

Они пустили бутылку по кругу, но в обход Поля. Никто не глядел в глаза Марии, кроме Вольфганга, который неотрывно смотрел на нее, так сжимая руки, будто держал ее за горло.

Катрина отобрала бутылку и снова подняла ее.

— Теперь за экипаж «Дормире», который мы оплакиваем, потому что никто уже не вспомнит двадцати пяти лет своей жизни на борту этого

корабля.

Дальше она предложила выпить за раненого Хиро, а потом за новый пищевой принтер, который приготовил для них пир, но за это выпила только она.

Хиро молчал, хотя пил со всеми. Мария не могла на него смотреть. Она гадала, имеет ли вообще право смотреть хоть на кого-нибудь из них. Изредка она поглядывала на Вольфганга, желая убедиться, что он не вскочит и не убьет ее.

— Четыре тоста. Достаточно. — Катрина осмотрела экипаж. — Вы все так умно во всем разобрались. Но одно все-таки упустили.

— О чем ты говоришь? — спросила Джоанна.

— О РИН. Мы знаем, что он — еще одна жертва Миньон, но не знаем, кто он.

Хиро усмехнулся, под влиянием выпивки его акцент стал заметнее.

— Не понимаю, как я не увидел этого раньше.

— Чего? Чего ты не увидел? — нетерпеливо спросил РИН.

— Ты умен до нелепости. Ты любишь вмешиваться в дела людей, чтобы посмотреть, что из этого получится. За это тебя и бросили в тюрьму, когда ты был человеком. А я в 2214 году помог тебе сбежать, потому что Салли Миньон заплатила

детективу Ло. Ты Минору Такахаши.

— Минору Такахаши, — повторил РИН, словно пробуя имя на вкус.

— О! Такахаши! — сказала Джоанна, оживляясь. — Переводчик! Я его помню. Я думала, он умер в тюрьме.

— Нет. Он сбежал, а правительство объявило о его смерти, чтобы по закону сделать его мертвым. Спасая лицо, — сказал Хиро. Он потер подбородок. — РИН? Разве это неправда?

РИН не ответил. Что-то загудело, рециклеры перестали работать, и в помещении стало быстро темнеть.

— Нет! — закричала Мария. — РИН! РИН! Минору! Не делай этого! Мы можем поговорить — дьявольщина, накажи меня одну! Не поступай так с остальными!

Последним, что увидела Мария перед тем, как свет окончательно погас, были Вольфганг, протянувший руки к Джоанне, и Хиро, который наконец посмотрел на нее широко раскрытыми испуганными глазами.

Возгласы членов экипажа перекрыл голос Вольфганга:

— Хватит с меня! Принимаю командование кораблем и экипажем! РИН, немедленно открой

дверь. Мария, ты отправляешься назад в карцер. Катрина, иди в медотсек и проспись.

Катрина ничего не ответила. Вероятно, отключилась.

Мария встала. Ей было очень холодно. Слишком многие хотели ее смерти, а она ничего не видела в темноте. Она потеряла ориентацию, не знала, где сейчас относительно ее озеро. Ей показалось, что справа. Мария начала медленно отступать, широко раскрыв глаза, чтобы уловить хотя бы ничтожный свет.

Вольфганг выбранился.

— Что случилось? — прорезал темноту испуганный голос Джоанны.

Мария осторожно продолжала отступать. Почувствовала спиной ветки ивы и стала пробираться через листву. Слышались голоса членов экипажа. Ей показалось, что она слышит: «Где Поль?»

Мария вспомнила, что у нее не хватает трех ножей. Один на дне озера. Один в медотсеке как улика. Она готова была поклясться, что обвалочный нож сейчас у Поля и тот, возможно, вонзает его в Вольфганга.

Кто-то пронзительно закричал.

Мария прижалась спиной к стволу ивы. Она

развернулась и вслепую полезла наверх.

* * *

Реакцию Хиро притупили спиртное и обрушившееся на него сознание предательства. Он доверял Марии. Она была его единственным другом на корабле. И вот, выяснилось, что она — виновница всех его несчастий, безумия, тюрьмы, кошмаров. Что все это ее вина.

Теперь все приобрело смысл. Загадку убийств разрешили, но это не меняло того, что он никогда больше не сможет ей доверять. Хуже того, даже если это не он нападал на остальных и убивал, это не означало, что он совершенно чист — ведь у него бывают провалы в памяти, а значит, в это время что-то делают ядокари. Он по-прежнему взломан.

Потом снова навалилась чернота, но на этот раз она была повсюду.

Хиро встал, и тут что-то ударило его сзади. В него вонзили нож, и он почувствовал, как просыпаются ядокари — точно вспыхивают огни фейерверка. Он оттолкнул нападавшего, ударил открытой ладонью и вцепился скрюченными пальцами во что-то мягкое. Поль сдавленно охнул и исчез.

Хиро поднялся и захромал к двери. На двери продолжал мигать красный огонек — единственный источник света в помещении, указывая, что она закрыта. Однако Хиро шел не к двери. Добравшись до стены, он принялся ощупывать ее в поиске микрофона, которым пользовался РИН — Такахаши.

— Такахаши Минору, — сказал он в этот микрофон. Он тяжело дышал. По спине текла кровь. *Этот осел. Нужно вернуться и убить его.*

Хиро спокойно впустил ядокари назад в сознание и тихо сказал:

— Ты ведь помнишь? Когда-то мы были друзьями. Использовали других заключенных. Я помог тебе сбежать, помнишь?

— Нет, — послышался ответ шепотом. — Я не знаю, кто я.

— Ничего страшного. Я тоже не знаю, кто я, — сказал Хиро. — Давай просто посидим немного.

— Остальным сейчас не очень радостно, — сказал Минору.

— Тебе ли упрекать их? Наши жизни в твоих руках.

— Моя жизнь была в руках Марии. Видишь, как все обернулось.

— Она была орудием в руках более могуще-

ственного лица, — ответил Хиро. Ему показалось странным, что он ее защищает. — Как и все остальные на этом корабле. Если ты нас убьешь, то исполнишь все ее желания.

— Ты действительно так думаешь? Мария была пешкой?

— Не знаю, — честно ответил он. — Я зол. Но те, кто пострадал от моих преступлений, не простили меня, а я тоже был всего лишь пешкой.

— Ты боишься умирать здесь? Потребуется много времени, чтобы на корабле кончился воздух. Но ты можешь замерзнуть до смерти. Это я могу устроить.

— Немного боюсь, — сказал Хиро. — Но, знаешь, наверное, пора. Мы все жили очень долго, но не сделали мир лучше.

— Это твоя цель? — Голос Минору казался удивленным и далеким. — Ради этого ты стал клоном?

— Наверное нет, — ответил Хиро. — В ту пору у меня не было благородных целей. Но неожиданно начинаешь сознавать, что у тебя были сотни лет, а ты ни черта не сделал.

— Но ты в ответе за все эти жизни, за людей, за копии клонов, — задумчиво сказал Минору. — Это благородно.

Какое-то время Минору молчал. Немного погодя он сказал:

— Катрина мертва.

— Что? — потрясенно воскликнул Хиро.

— Думаю, ее убил Поль. Он бегает в темноте и нападает на всякого, кто подвернется. Вольфганг преследует его. Будь у тебя инфракрасное зрение, тебе было бы очень интересно посмотреть.

— Мария в порядке? — спросил Хиро. Тревога пересилила его недоверие.

— Да. Прячется на дереве. Она знает, на что способен Поль, она не дура. Слабая и трусливая, но не глупая.

— Минору, — сказал Хиро. — Пожалуйста, включи свет.

— Это вряд ли, — печально ответил Минору. — Пожалуй, ты прав. Не стоит сохранять вам всем жизнь.

Умереть на корабле-призраке казалось благородным и романтичным. Погибнуть от руки поганца из экипажа — жалкой смертью. Хиро спросил:

— Ты хочешь, чтобы Миньон победила? Или все-таки хочешь, чтобы кто-нибудь с ней разобрался?

— Месть. Интересный повод продолжать

жизнь, — сказал Минору.

Он снова замолчал.

— Минору. Минору! — сказал Хиро. Он чертыхнулся. Хромая, пошел вперед, чувствуя, как льется кровь из раны. Он мерз. Швы на бедре разошлись, по ноге потекла кровь. Он только сейчас понял, что свет вернулся, начинался искусственный восход. Увидел какие-то фигуры у озера, но споткнулся и упал.

И уже не поднялся.

Цена жизни

Когда погас свет, Вольфганг почувствовал жжение в боку. Поль ранил его, но чем? От шока Вольфганг выпустил руку Поля и с бранью отшатнулся.

Почему я не проверил, нет ли у него оружия? Из раны текла горячая кровь, разрез был тонкий, глубокий.

Он зашарил руками в темноте, из которой доносились шаги и крики. Он узнал Джоанну. Сдавленно, удивленно охнула Катрина. Вольфганг пробежал два шага и споткнулся о бутылку виски, тяжело упал. Сильно жгло в боку. Кровь была липкая, много. Он не знал, сколько крови потерял, но догадывался, что немало.

— РИН, зажги свет, — беспомощно велел он.

Его ладонь упала на чью-то руку, он провел по ней и нашел женское плечо и волосы. Волосы были мокрые; он потрогал шею женщины и обнаружил резаную рану. Волосы были прямые, не кудрявые, как у Джоанны. Он нащупал повязки на лице. Катрина. Кровь из шеи текла тонкой струйкой, Катрина была при смерти.

Опять громко закричала Джоанна, закричала

гневно; послышались звуки борьбы. Несколько глухих ударов. Вскрикнул от боли Поль, потом Джоанна замолчала.

Вольфганг спотыкаясь побрел на звуки и получил ботинком в лицо. Он не знал, чей это, но ухватил его и дернул.

Нога была настоящая, не протез. К ней прилагалось тело. Вольфганг подмял под себя Поля и сдавил его горло. Тот, силясь ударить его ножом, изрезал ему руку, не в состоянии дотянуться до лица.

Неожиданно Поль перестал сопротивляться, и руки и лицо Вольфганга сделались очень мокрыми. Он заморгал, поняв, что может кое-как видеть. Поль под его руками не шевелился, у него было перерезано горло.

Стало чуть светлей, и Вольфганг увидел Джоанну. Она сидела рядом с окровавленным ножом в руке. Ее комбинезон был тревожно мокрым. Она слабо улыбнулась Вольфгангу.

— Спасибо, что спас, — сказала она. — Что ты говорил о жертвах?

— Величайший дар, который одно существо может преподнести другому, — это самопожертвование. Клоны на это не способны, — ответил Вольфганг, оттаскивая тело Поля, чтобы подойти

к Джоанне. Он взял ее за руку.

— Верно, — сказала она. — Для нас смерть ничего не значит, потому что на следующий день мы можем проснуться и проделать все заново.

Он помнил эти слова, и внезапно ему захотелось, чтобы жизнь и смерть вновь приобрели смысл.

Он хотел что-нибудь сказать Джоанне, но у нее были закрыты глаза. Она сжала его руку, потом обмякла.

— Нет, — сказал он. — Не ты. Не уходи.

В глазах у него помутилось, и он понял, что ему очень холодно. Он прислонился к Джоанне, понимая, что и ему недолго осталось.

Не помешало бы отдохнуть.

* * *

Мария несла на своих плечах бремя вины.

Еще она несла на плечах Хиро.

Все остальные были мертвы. Скоро она о них позаботится.

Минору снова позволил солнцу встать и открыл дверь, когда она потребовала. Она осторожно поднялась по лестнице с Хиро на плечах, держа его так, как это делают пожарные; она направлялась к центральным палубам, где тяготение

было меньше.

У Хиро шла кровь из глубокого пореза и из пулевых ранений. Раны самой Марии раскрылись от напряжения, и повязки пропитались кровью.

Хиро терял много крови, но смерть ему не грозила. Мария этого не допустит.

— Давай, мы сможем. Придем в медотсек, врач заштопает тебя, и ты снова сможешь всех нас изводить, — говорила она.

Она надеялась, что ее подколки приведут его в чувство, но Хиро не отвечал.

Она была благодарна, что он маленького роста и что с каждым шагом сила тяжести ослабевает.

Кровь Хиро текла по шее Марии, и она гадала, сколько ее он потерял.

Придурок Поль. Нет. Корни уходят глубже. Во всем виновата Салли. Салли с ее жаждой власти и извращенным желанием отомстить.

Бедный Поль. Бедняга Хиро с его раздробленной личностью. Которую раздробила она. Они с Салли.

Мария бормотала про себя — частично извинения, частично песню, чтобы идти было легче. *Еще один шаг. Еще один. Еще один.*

Они вышли в коридор, ведущий к каютам клонов. На этаже царила тишина. С тех пор как она

ушла из сада, Минору не сказал ни слова. Мария оглянулась, поморщившись при виде оставленного ими кровавого следа. Когда все кончится, кому-то придется долго убирать.

— Нет, погоди.

Убирать придется *ей*.

— С кем ты разговариваешь? — сонно спросил Хиро.

— Ни с кем. С собой. Ничего важного. Не волнуйся, просто держись. — Она слегка переместила тяжесть. — Идти можешь?

— Не думаю, что я вообще что-нибудь могу, — ответил он. — Послушай, дай мне умереть. Тогда ты сможешь снова меня клонировать. Все будет в порядке. Я в тебя верю.

Она мягко встряхнула его.

— Э, нет, не бросай меня. Я не могу тебя клонировать, забыл? Поль угробил все машины. У нас нет новых тел. Это последнее, так что лучше позаботься о нем.

— Клон без тела. Мятежник без цели. Безымянный конь, — сказал он нараспев. — Ты славная.

— Говори, что хочешь, Хиро. Только держись, ладно?

— Прости, — прошептал он ей на ухо. — Тебе, должно быть, трудно. Хочешь, я немного понесу

тебя?

Она сдавленно хохотнула.

— Было бы отлично, но за прогулку на пони заплатил ты и получишь за свои деньги все.

— Я хотел пони с белыми пятнами, — пожаловался Хиро. — А ты вся одной масти.

— Всем приходится мириться с разочарованиями. Другого пони у тебя нет, на нем и поедешь.

— Но, пошла! — прошептал он словно издалека.

Она шлепнула его по ноге.

— Эй. Вернись! У нас с тобой еще есть работа, причем разная. Я не могу делать свою, если ты не делаешь твою.

— Прости, — ответил он. И замычал что-то немелодичное.

Она начала мысленно составлять список дел. Получить в медотсеке матрицу ДНК Хиро. Найти способ снять карту его мозга. Потом вылечить его. Но как вылечить?

Она вспомнила о миссис Перкинс, хранительнице своих тайн, покачивающейся в кресле в ее библиотеке. В ней хранились взломанные карты мозга, закрытые навечно, как флаконы с оспой. Ключ к выздоровлению Хиро был там же.

— У тебя всегда была сила, Дороти, — сказала

себе Мария, воображая, как звонко стучат один о другой красные башмачки.

— Ты Мария, — сказал Хиро.

— А ты Хиро, — ответила она, ощущая прилив новой энергии. — И с тобой все будет хорошо.

Шестое пробуждение: Минору Такахаши

Бог из Беге

В медицинском отсеке Мария уложила Хиро лицом вниз. Чистых постелей не было, и она положила его на ту, где он лежал привязанный. Сняла с него комбинезон, вымыла Хиро и зашила раны. Он потерял много крови. Она запрограммировала медицинский принтер на синтез нужной крови.

И с отчаянием поняла, что не сможет использовать умные шприцы. Поэтому опять поставила Хиро капельницу с болеутоляющим; эта капельница у него уже была, поэтому в ней осталась только половина лекарства.

— Тебе не стоило пить так много, — сказала она. — Кстати, и мне тоже.

Хиро вдруг заговорил, заставив ее вздрогнуть.

— Долго сидел в тюрьме за преступления ядокари, а потом еще дольше, пока психиатры пытались с ними справиться. Гипнотическое внушение действовало, но только пока я не просыпался в новом теле.

Мария затаила дыхание, опасаясь, что любой звук может вырвать его из разговорного транса. Он не открывал глаза.

— Единственным, что, как я обнаружил, могло заглушить эти другие голоса, была выпивка. Врач сказала мне об этом в баре. Сказала как собутыльница, а не как врач, ведь, как врачу, ей нельзя было советовать пациенту больше пить. Но она посоветовала мне попробовать. И это подействовало. Я тогда думал о самоубийстве, считая, что единственный способ убить их — это убить себя. Но потом обнаружил, что крепкое саке способно сделать то, что не удалось сделать психологам и психиатрам.

Я хочу сказать, что умею пить. — Не открывая глаз, он потянулся. Мария взяла его за руку. — Мы все пешки, Мария.

Она сумела улыбнуться, но эта улыбка быстро исчезла.

— Да, всеми нами играли. В большой игре.

Хиро не ответил. Он дышал ровно и глубоко. Наконец уснул.

Мария упала на стул и заплакала.

Беге. Беге, печатающий жирную сочную свинью. Беге, печатающий чашку горячего кофе, именно такого кофе, который нравится Марии.

Мария открыла глаза. Почему ей снится Беге?

— Теперь я знаю, что либо умираю, либо становлюсь нормальнее, если мне снится машина,

делающая свинью из синтетических белков и вкусовых добавок…

Она выпрямилась на стуле, выругав себя за то, что до сих пор не подумала о такой возможности.

— …И берущая данные из базовых карт мозга членов экипажа, — закончила Мария.

Черт! Беге способен читать наши карты мозга.

Она бросилась к двери.

А еще Беге достаточно велик, чтобы приготовить целую свинью.

— Боже! Вот черт!

* * *

Мария стояла в серверной и смотрела на голографическое лицо Минору.

— Открывай. Сейчас найду твои утерянные данные.

Глаза его удивленно округлились, но он впустил ее. Минуя его базы данных, его программирование и его личность, Мария прошла в угол, где обычно прятала прокомментированные коды.

Там было все. Его воспоминания о себе, его детство на Японских островах. Его учеба, его шалости. Она все нашла и за ночь собрала его заново.

Она взяла планшет Хиро и вызвала на экран инструкции к принтеру. Теперь, зная, что искать, она быстро нашла его — инструкции содержали файл с очень сильно сжатыми данными.

— Боже, Минору, ты действительно гений, — прошептала она. — Но мне потребуется время.

День пятый

Весь следующий день она безостановочно работала, вначале над данными, которые Минору спрятал от всех, в том числе и от себя, потом модифицировала Беге, варварски используя технику доктора.

Время от времени она заглядывала к Хиро. Он протрезвел и отводил глаза. Она не могла его упрекать. Молча оставляла ему воду и еду и возвращалась к работе.

Наконец, когда Беге начал печатать новые, основанные на белке формы, она уснула в кухне на столе.

Хиро нашел ее на кухне крепко спящей. Ему было больно и опять требовалось болеутоляющее. Он не хотел с ней разговаривать, но больше было не с кем. Минору не отвечал на его вопросы, но, без сомнения, больше не старался убить их, лишив систем жизнеобеспечения.

Хиро оперся на свой костыль и увидел, что принтер работает.

— Мария, — сказал он, вытаращив глаза. — Нельзя! Вольфганг взбесится!

Мария резко села и в страхе огляделась. Несколько раз моргнула, затем сосредоточилась на нем.

— А. Да. Как там дела?

Беге создавал что-то отвратительное — органы и внутренности, и Мария с интересом заглянула в стекло на его дверце.

— Думаешь, Вольфганг разозлится?

— Это же Вольфганг. Он на все злится. Но кто это?

Пришел ее час — возможно, час ее искупления. Она просмотрела программу врачебного сканера: его она прикатила на кухню и соединила с Беге кабелями. Теперь его взломанные данные прогонялись через пищевой принтер.

— Минору Такахаши. Я нашла копию матрицы его ДНК. Она была в инструкциях к принтеру. Он сам поместил ее туда, чтобы ты нашел.

— Невероятный болван, — сказал Хиро, качая головой. — Ум не доведет его до добра. Думаешь, получится?

— Он сам предложил стать первым. Если не

получится, он вернется в компьютер, а потом я попробую снова, прежде чем печатать остальной экипаж.

— А как мы напечатаем экипаж? У нас нет карт мозга.

Она похлопала по Беге.

— Эта штука настолько сложная, что может воссоздать всю карту мозга по одному плевку, взятому у нас. В том числе личность. Именно так он определяет, какая еда вам нужна в данный момент. Я смогла извлечь из него карту мозга и сопоставить с резервными копиями из своего файла. Они идентичны, только добавились новейшие воспоминания. Я извлекла матрицу ДНК из сканера врача, и это может сработать. — Она скорчила гримасу. — А еще у нас есть куча ДНК в саду.

— Поразительно, — сказал он, крутя головой. — Подожди… Если Минору не ведет корабль, то кто…

Мария поморщилась.

— Я… Я взяла собственную карту, вытащила что следовало и заставила ее вести корабль.

— Черт! Надо было заставить Поля.

— Согласна, но пока вызывать его не буду. Мы разбудим его. Испытаем. Примем решение вме-

сте. Тогда и только тогда я верну его в пилоты. И даже это кажется мне неправильным. — Она посмотрела на потолок, под глазами темнели круги. — Я же говорила, мне это дается нелегко.

Она пожала плечами. Повязки она не поменяла, и на них алели пятна крови.

— К тому же нельзя доверять ему, пока мы не изучим карту его мозга со всей тщательностью.

— Ты понимаешь, что нам придется получать еду из другого принтера? Из этого больше никто не согласится есть, — сказал Хиро. — Ну, я не соглашусь. Насчет остальных не знаю.

Они сидели и молча наблюдали, как принтер медленно сплетает нового клона.

Потребовалось пять часов, но наконец Беге воссоздал последние мелкие особенности прически Такахаши; Мария считала, что это можно было опустить. Беге был очень педантичен.

Он зазвонил.

— Обед готов, — сказал Хиро, и Мария устало улыбнулась.

Она затаила дыхание. Что, если она ошиблась? Что, если создала нечто съедобное, внешне похожее на Такахаши?

Он пошевелился. Открыл темные глаза и моргнул. Осмотрелся и удивленно вздрогнул.

Мария распахнула дверцу и вытащила мягкую прокладку, которую они подложили в принтер, чтобы тело легло на нее.

— Минору, все хорошо. Ты в порядке.

Он осмотрелся широко раскрытыми испуганными глазами.

— Мария. Ты Мария, — сказал он. Потрогал свои руки и лицо, слегка дрожа. — У тебя получилось.

— Это ты оставил мне все необходимые данные, — сказала Мария. — Я просто сложила все вместе — конечно, после того, как нашла их. Тебе придется объяснить мне, как тебе удалось получить несанкционированный доступ к инструкции.

Минору посмотрел на Хиро, неловко встал и рассмеялся. Сказал что-то по-японски, и Хиро ответил. Минору крепко обнял его, и Хиро застонал от боли.

— Осторожнее. В отличие от тебя, у Хиро нет здорового новенького тела, — сказала Мария, протягивая Минору комбинезон.

Пока Минору одевался, мужчины продолжали разговаривать по-японски, и Мария почувствовала себя брошенной. Она кашлянула, и они умолкли.

— Сейчас, когда вы двое проснулись, я немного

отдохну в карцере. Разбудите остальной экипаж: Минору знает, как это сделать. Когда все проснутся, дайте знать.

Она вышла, не дожидаясь ответа, и поплелась в свою камеру. Она знала, что Вольфганг все равно снова ее туда посадит.

Она никогда еще так не уставала.

Мария считала, что потребуется минимум пятнадцать часов, чтобы восстановить остальной экипаж за вычетом убийцы.

Прошло целых двадцать четыре часа, прежде чем Хиро пришел за ней.

Выглядел он гораздо лучше — раны заново перевязаны, комбинезон чистый. Он улыбнулся ей и вошел.

Сел на ее кровать и молча посмотрел на нее.

— Что? — наконец раздраженно спросила она. — Они вернулись? Они в порядке? Образцы слюны сработали?

— Джоанна говорит, на Земле ты получила бы за это Нобелевскую премию. Вольфганг хочет, чтобы ты сгнила здесь, но он мало-помалу смягчается. — Он склонил набок голову. — Почему ты не взломала его, чтобы удалить эту ненависть ко всему, что ты делаешь?

Мария уставилась на него.

— Ты шутишь? Я не стану ради своего удобства менять его сознание. Он такой. Если уж он меня терпеть не может, придется больше работать, а не менять его код.

Он искренне улыбнулся.

— Думаю, это первый большой шаг к такому результату. Он страшно зол, но на него произвело сильное впечатление, что ты разрешила ему страшно злиться. Это, в свою очередь, смутило его. Сейчас он спит.

Мария улыбнулась.

— Приятно знать. Как справляется с новой жизнью Минору?

Хиро рассмеялся.

— Уже починил старый принтер и стал лопать все, что тот может напечатать. В основном лапшу со свининой. Потом двадцать часов проспал. Потом много времени провел в спортзале, проверяя свое новое тело. Ради науки, как он сказал.

— Думаю, ему нравится его новый мир, — сказала Мария.

— Конечно. Катрина и Вольфганг обсуждают твое положение. Я уже высказал свое мнение. Я сказал, что проверю, как ты. Должно быть, ты проголодалась.

Желудок Марии сводило от тревоги. Раньше

она была голодна, но сейчас даже думать о еде не могла.

— А каково твое мнение? — спросила она.

Он некоторое время смотрел на нее, потом взял ее руки в свои.

— Если я попрошу, удалишь ядокари из моей головы? Дашь мне новую карту мозга, на которой буду только я?

Она сдавленно рассмеялась.

— Принеси терминал, и я сделаю это сейчас же. Я сделаю все, лишь бы тебе было лучше…

Он прервал ее поцелуем, страстным и неожиданным. Отстранился, и она потрясенно посмотрела на него.

— Спасибо.

* * *

Несколько часов спустя, после того как Мария приняла душ, ее раны перевязали и она поела, вокруг нее собрался весь экипаж.

Она объяснила, как взломала сканер тел и использовала огромные возможности Беге, чтобы создавать карты мозга. Объяснила, что Минору, сообразив, что его преобразуют, спрятал сообщение в инструкциях к принтеру и попытался найти способ вернуться. Вольфганг слушал с

каменным лицом; Джоанна не скрывала восхищения. Катрина выглядела смущенной, а Минору только кивнул.

— Можешь запрограммировать Поля, чтобы он вел корабль без внутренней потребности предать экипаж или вывести из строя корабль? — спросил Вольфганг.

Мария кивнула.

— Это просто. Я могу использовать ту же часть из своей карты мозга, которая ведет «Дормире» сейчас.

— Освободи ее и помести в садового робота или еще во что-нибудь, — сказала Джоанна. — Полю нужно работать, чтобы уживаться с экипажем. А нам нужна возможность доверять ему.

Мария кивнула.

Катрина оглядела свой экипаж.

— Учитывая, что ты многократно спасала экипаж, решила проблему клонирования и освободила порабощенный ИИ, мы не станем ставить тебе в вину неэтичные хакерские взломы. — Она посмотрела на каменное лицо Вольфганга. — Что касается затаенных обид, ничего не могу обещать, но, надеюсь, все члены экипажа постараются работать в команде.

— Спасибо, — сказала Мария.

Джоанна подхватила:

— Вольфганг снова передал командование корабля капитану де ла Круз, а она согласилась обращаться к нему за советами. Мое мнение таково: сейчас, когда тайны раскрыты, будет меньше паранойи и больше доверия. Мы продолжим исполнять прежние роли, только ты примешь на себя обязанности старшего механика, а Поль приговаривается к тому, чтобы стать нашим новым ИИ.

— А Минору? — спросила Мария, кивая в сторону нового члена экипажа.

— Будет помощником капитана, — строго сказал Вольфганг. — Ему нужно загладить собственные проступки, а главное, мы не хотим давать ему слишком много власти.

Минору скрестил руки на груди.

— Ты весь свой мир превратил в ложь и стал безумным охотником на клонов. Я думал, уж кто-кто, а ты поймешь меня лучше.

Вольфганг напрягся, но Джоанна положила руку ему на плечо. Мария удивилась тому, как мгновенно врач его успокоила.

— К тому же, — сказал Хиро, — мы все встревожены. Корабль должен был погибнуть, и мы сомневаемся в достоверности информации о

планете нашего назначения. Поэтому по мере приближения к Артемиде нам придется провести много исследований.

— А может, мы повернем и полетим домой, — сказала Катрина.

— То-то все удивятся, — с улыбкой сказала Мария.

— Увидев счастливый экипаж, нашу экспедицию и нашу работу, — с легкой улыбкой, сказала Джоанна. — Мы разберемся. У нас для этого много времени.